Дж. Г. Маккуин

ХЕТТЫ

И ИХ СОВРЕМЕННИКИ В МАЛОЙ АЗИИ

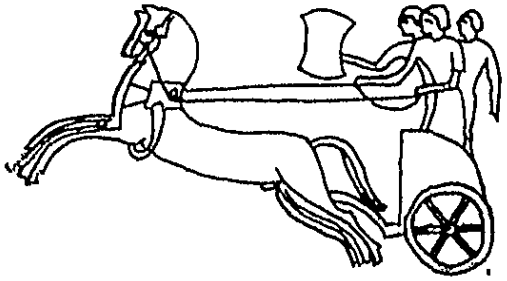

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Дж. Г. Маккуин

ХЕТТЫ

И ИХ СОВРЕМЕННИКИ В МАЛОЙ АЗИИ

Издательство «Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1983

ББК 63.4

J. G. Macqueen

THE HITTITES
AND THEIR CONTEMPORARIES
IN ASIA MINOR

Westview press, boulder,
Colorado, 1975

Редакционная коллегия

К. З. АШРАФЯН, Г. М. БАУЭР,
Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН (председатель), Р. В. ВЯТКИН,
Э. А. ГРАНТОВСКИЙ, И. М. ДЬЯКОНОВ,
С. С. ЦЕЛЬНИКЕР, И. С. КЛОЧКОВ (ответственный секретарь)

Перевод с английского

Ф. Л. МЕНДЕЛЬСОНА

Ответственный редактор
и автор послесловия

В. Г. АРДЗИНБА

Маккуин Дж. Г.

М15 Хетты и их современники в Малой Азии. Пер. с англ. Ф. Л. Мендельсона. Послесл. В. Г. Ардзинба. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

183 с. с ил. («По следам исчезнувших культур Востока»)

Книга представляет собой научно-популярное изложение истории и культуры древней Малой Азии начиная с эпохи неолита и вплоть до античного времени. Основное внимание уделено времени существования хеттского государства. Автор опирается на многочисленные археологические и литературные источники, в большинстве своем малоизвестные советскому читателю.

М $\frac{0507000000\text{-}205}{013(02)\text{-}83}$ 152-83 ББК 63.4

© Thames and Hudson Ltd, 1975.
© Перевод и послесловие:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука». 1983.

Посвящается моей жене

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории хеттов в Малой Азии (Анатолии) за последние годы значительно продвинулось.

«Традиционные» места раскопок, такие, как Богазкёй, продолжают поставлять нам интереснейшие находки. В то же время исследования в других пунктах Центральной Анатолии (Инандык, Эскияпар и др.) открывают нам все новые и новые черты хеттской цивилизации. И эти раскопки постоянно пополняют наши знания и вносят изменения в наши представления о хеттах. Особенно это относится к раскопкам на юго-востоке Анатолии (Коруджу, Норшун), на западе (Милет, Афродизиа), в самое последнее время на севере (Машад и район Самсун—Бафра) и, наконец, на юге (Мейданджик—Калеси в горной Киликии). Может возникнуть вопрос: достаточно ли этих материалов для написания книги о хеттах и их современниках? Ответ однозначен: да! Любая работа на эту тему прежде всего информация о продолжающихся поисках, и я надеюсь, что читатель примет нашу книгу именно как такую информацию.

Моя задача — сопоставить свидетельства источников и археологических изысканий. Я прекрасно понимал, как опасно и трудно оседлать сразу двух этих академических лошадок, однако считал, что игра стоит свеч, ибо только таким образом можно воссоздать более или менее полную картину жизни Анатолии конца бронзового века.

Глава I

ГЕОГРАФИЯ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Область, которую мы называем Анатолия или Малая Азия, представляет собой часть огромной горной системы, простирающейся от Гималаев до атлантических побережий Франции, Испании и Северной Африки, и высокогорное плато, которое поднимается примерно на 3000 футов над уровнем моря и ограничено на севере и юге более молодыми геологическими складками — горами Понтийского и Малоазийского Тавра. В целом все это образует огромный полуостров между Черным и Средиземным морями, постепенно понижающийся с востока на запад, от гор Армении до Эгейского моря, в котором исчезают его скалистые мысы.

Поскольку Анатолия граничит на юго-востоке с Сирией и Месопотамией, а на северо-западе с Европой, она неизбежно подвергалась вторжению многочисленных народов и там постоянно происходила смена правителей. Однако было бы ошибочно рассматривать ее только как «мост» между Азией и Европой. Народы, мигрировавшие в Анатолию, влекла сюда не столько кратчайшая дорога в Европу, сколько сама страна, ибо это был край больших природных богатств, источник важнейших видов сырья — скорее центр, а не какая-то провинция, соединявшая более благодатные районы. Такой была Анатолия не только во второй половине II тысячелетия до н. э., о котором главным образом пойдет речь в нашей книге, но и во многие другие периоды ее долгой истории. Например, Иония, как считают, была колыбелью, в которой возникла греческая цивилизация. Для Римской империи это была самая богатая из азиатских провинций, и сюда в конечном счете переместился политический, культурный и экономический центр, намного восточнее Италии. Это выразилось в переносе столицы в Константинополь, кото-

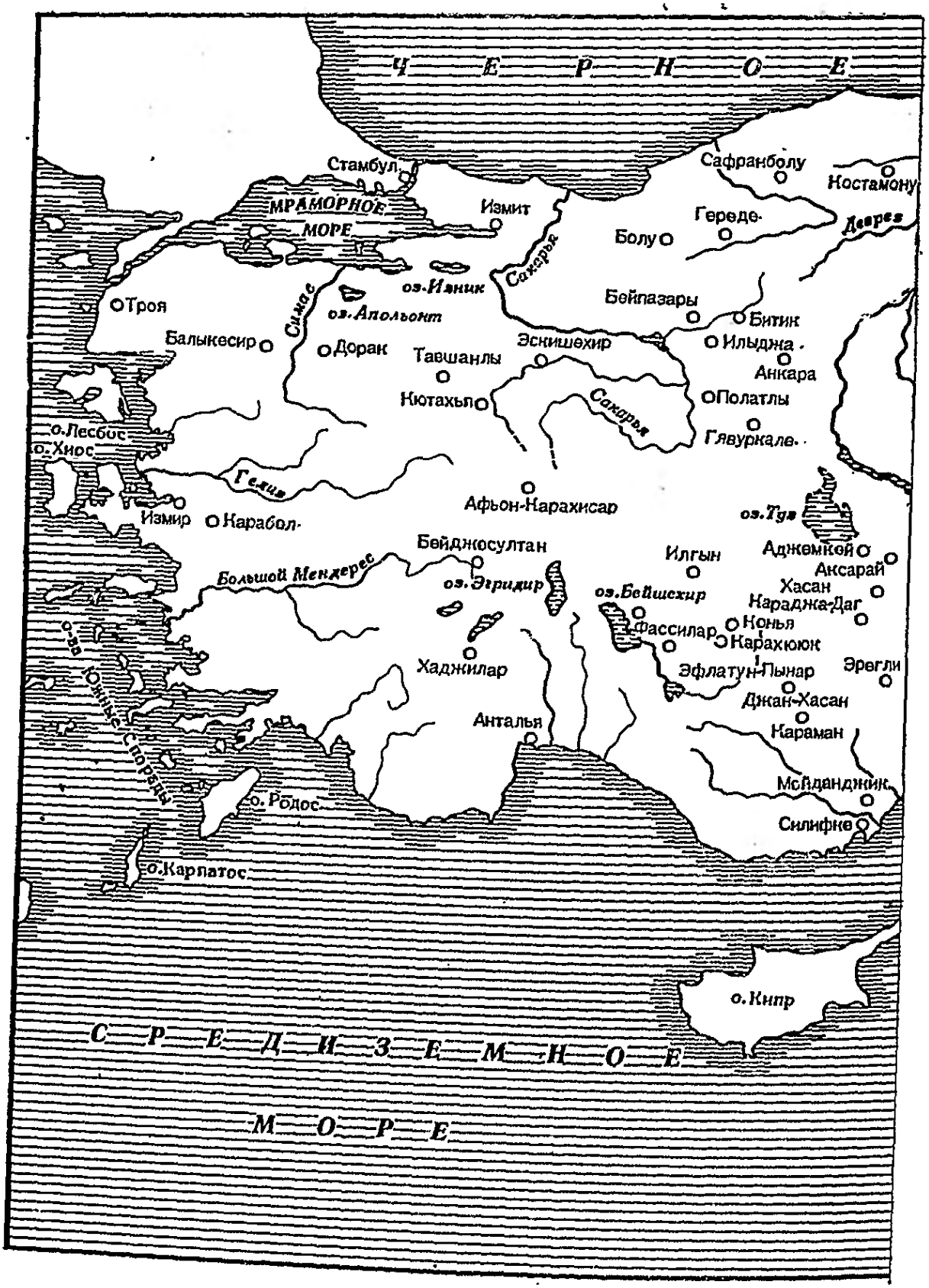
рый хоть и не находился собственно в Анатолии, но отделен от нее проливом всего в одну-две мили.

Чем же привлекала Анатолия народы древности? Прежде всего она была богата лесами и всевозможными сельскохозяйственными продуктами. Сегодня трудно в это поверить, глядя на безлесную, похожую на голую степь Центральную Анатолию. Только отдельные плодородные участки побережья и внутренние долины дают некоторое представление о том, каким был этот край прежде. Козы и алчные до ценной древесины люди окончательно погубили леса, а земля, веками необрабатываемая, превратилась в высохшую степь.

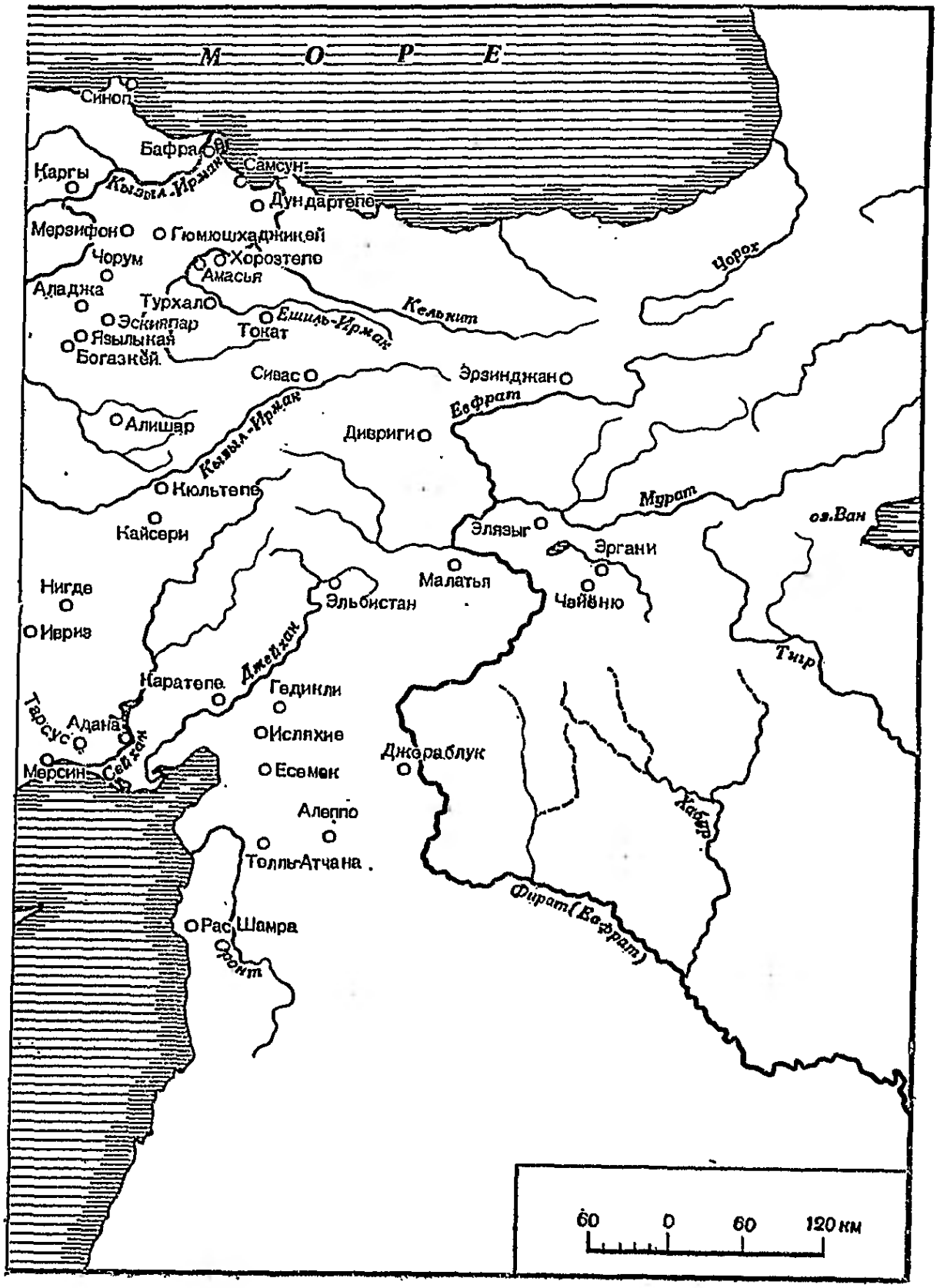
Многочисленные древние поселения, подобные тем, которые обнаружены к югу от расположенного в центре Анатолии Соленого озера, явно свидетельствуют, что эта ныне полупустынная местность в отдаленные времена выглядела совсем иначе.

Однако нельзя объяснять привлекательность древней Анатолии лишь климатом и плодородием почв. Земля здесь была не намного плодороднее, чем в соседних странах, откуда устремлялись сюда обитавшие там народы. Их влекли прежде всего разнообразные минеральные богатства страны, нужда в которых по мере развития цивилизации становилась все больше. В горах Анатолии таились богатейшие залежи металлов, и в дальнейшем мы покажем, какую огромную роль это сыграло в политической и экономической истории Ближнего Востока.

Исследования последних лет свидетельствуют о том, что даже в период неолита, до развития металлообработки, Анатолия приобрела жизненно важное значение для прогресса человечества. Между 9000 и 7000 гг. до н. э. на Ближнем Востоке произошла «неолитическая революция», т. е. люди открыли, что животных и растения можно одомашнивать. Важность этого открытия заключалась не в непосредственном эффекте (возникновении оседлых аграрных поселений), а в огромных потенциальных возможностях дальнейшего развития. Аграрное поселение само по себе не превращается в город, однако с его возникновением появляется повышенный спрос на специфические материалы, такие, как обсидиан и кремень, необходимые для изготовления сельскохозяйственных орудий и различных предметов обихода. В то же время обитатели оседлого поселения в отличие от своих собратьев, кочующих

Карта № 1. Современная Анатолия

М О Р Е
Синоп
Бафра
Самсун
Каргы
Кызыл-Ирмак
Дундартепе
Мерзифон
Гюмюшхаджикей
Чорум
Хорозтепе
Амасья
Аладжа
Турхал
Келькит
Чорох
Эскиляр
Ешиль-Ирмак
Токат
Языкыная
Богазкёй
Сивас
Эрзинджан
Ефрат
Алишар
Кызыл-Ирмак
Дивриги
Кюльтепе
Кайсери
Мурат
оз.Ван
Элязыг
Эргани
Малатья
Нигде
Эльбистан
Чайёню
Ивриз
Тигр
Джейхан
Наратепе
Гедикли
Тарсус
Адана
Исляхие
Джераблук
Мерсин
Сейхан
Есемек
Алеппо
Хабур
Телль-Атчана
Фират (Ефрат)
Рас Шамра
Оронт
60 0 60 120 км

охотников, менее подвижны, а потому и менее способны находить эти материалы. В результате этого возрастает необходимость в товарообмене, и те сообщества, у которых ценные материалы лежат буквально у порога, могут использовать их с максимальной выгодой. Такие сообщества быстро обогащались и расширялись, ибо сельское хозяйство создавало не только условия для их развития, но и экономическую основу для их прогресса. Вряд ли следует пояснять, что это была не единственная причина расширения и процветания древних поселений. Например, в Южной Месопотамии главным стимулом служило скорее отсутствие необходимого сырья, чем монополия на него, однако сообщество описанного выше типа было недавно обнаружено в Чатал-Хююке, на равнине Конья, в Южной Анатолии. Этот неолитический город занимал площадь 32 акра, т. е. был намного крупнее других известных нам поселений того же периода. Он возник где-то около 7000 г. до н. э. и существовал примерно до 5600 г. до н. э.; можно с большой долей вероятности предполагать, что процветание Чатал-Хююка основывалось не только на земледелии и скотоводстве, хотя условия для того и другого благодаря постепенному высыханию плювиального озера, некогда расположенного на месте нынешней равнины Конья, были идеальными, но также на том, что его жители контролировали месторождения обсидиана, который добывали из близлежащих вулканов Хасан и Караджадаг. Сохранился интереснейший настенный рисунок — по предположению археологов, вид города на фоне извержения вулкана Хасан. Недавние раскопки открыли вблизи Хасана неолитические городища, более древние, чем Чатал-Хююк, и явно связанные с добычей и обработкой обсидиана. Не исключено, что подобные же поселения будут найдены и в других богатых обсидианом районах, например в Восточной Анатолии, если сельскохозяйственный потенциал окажется там по тем временам достаточно высоким, чтобы поддерживать их существование. Такие поселения пока не найдены, однако имеются свидетельства, что обсидиан вывозился из Восточной Анатолии в область Загроса, на границе Ирана и Ирака, уже в 30 000 г. до н. э.

Хотя процветание Чатал-Хююка основывалось главным образом на добыче обсидиана, его жители были знакомы и с другими местными минералами, которые

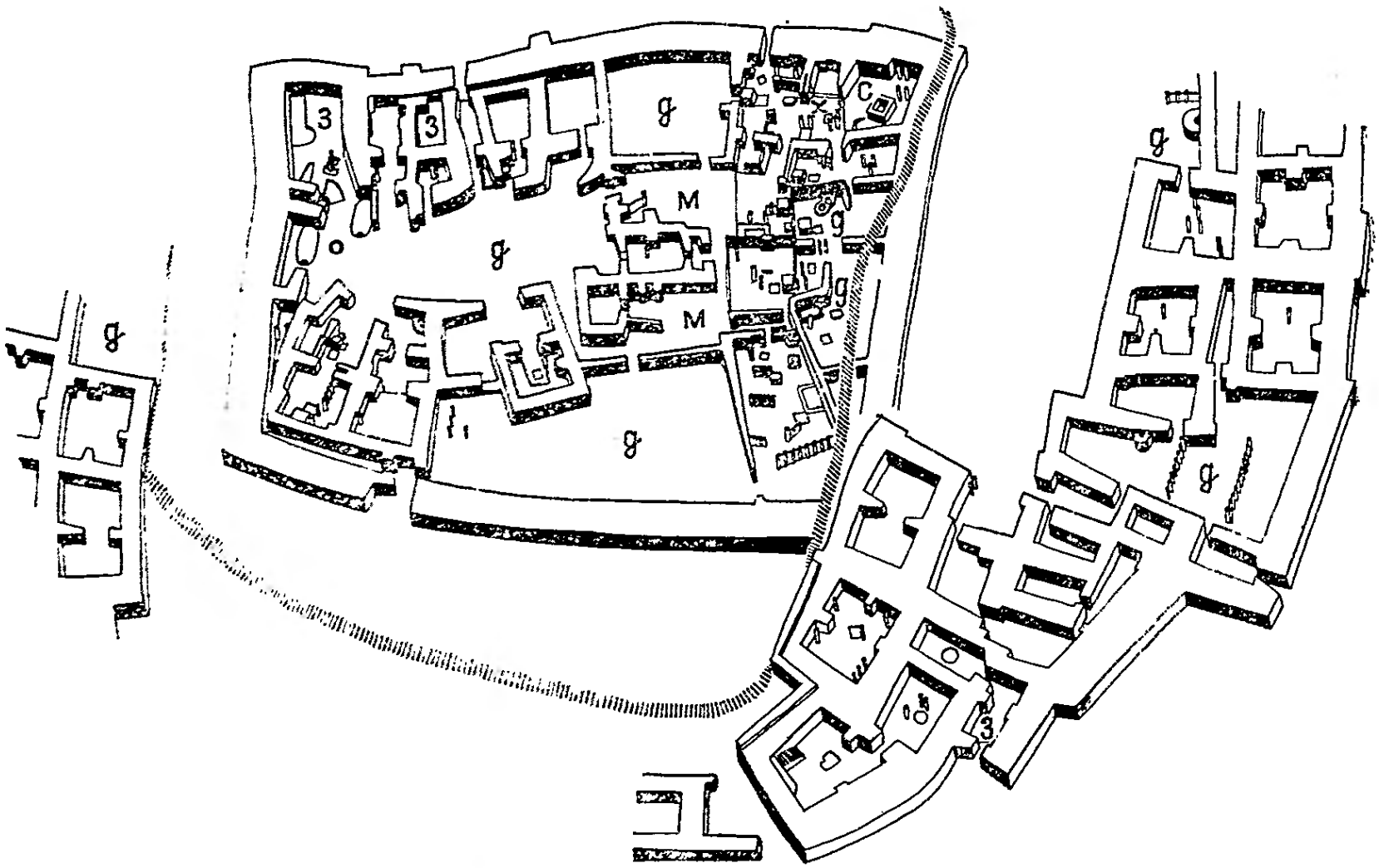
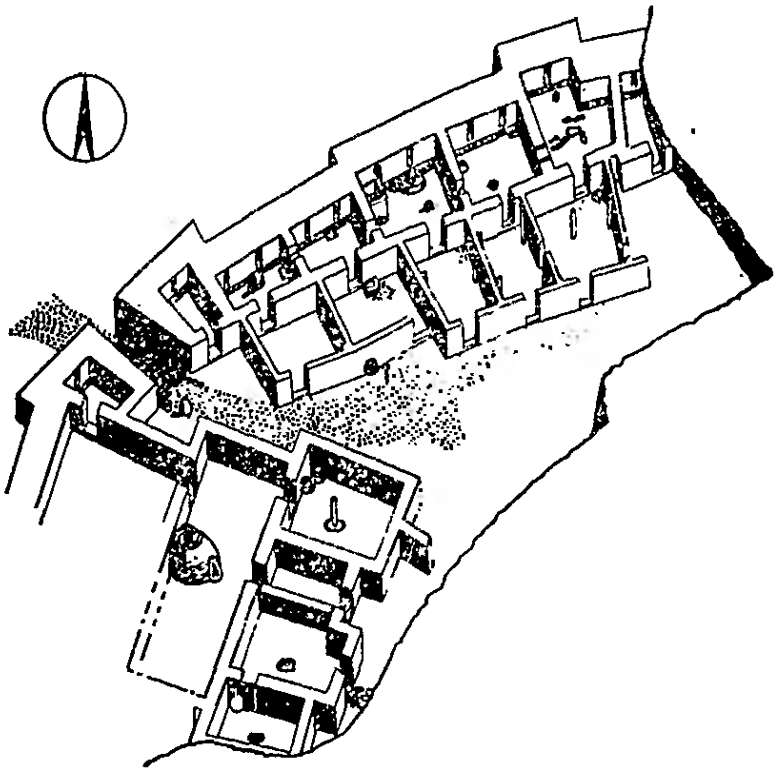

Рис. 1. Изометрический план Хаджилара II—I. 5400—5250 гг. до н. э.
(д — дворы, з — зернохранилище, м — мастерские горшечников, с — стена, х — святилище)

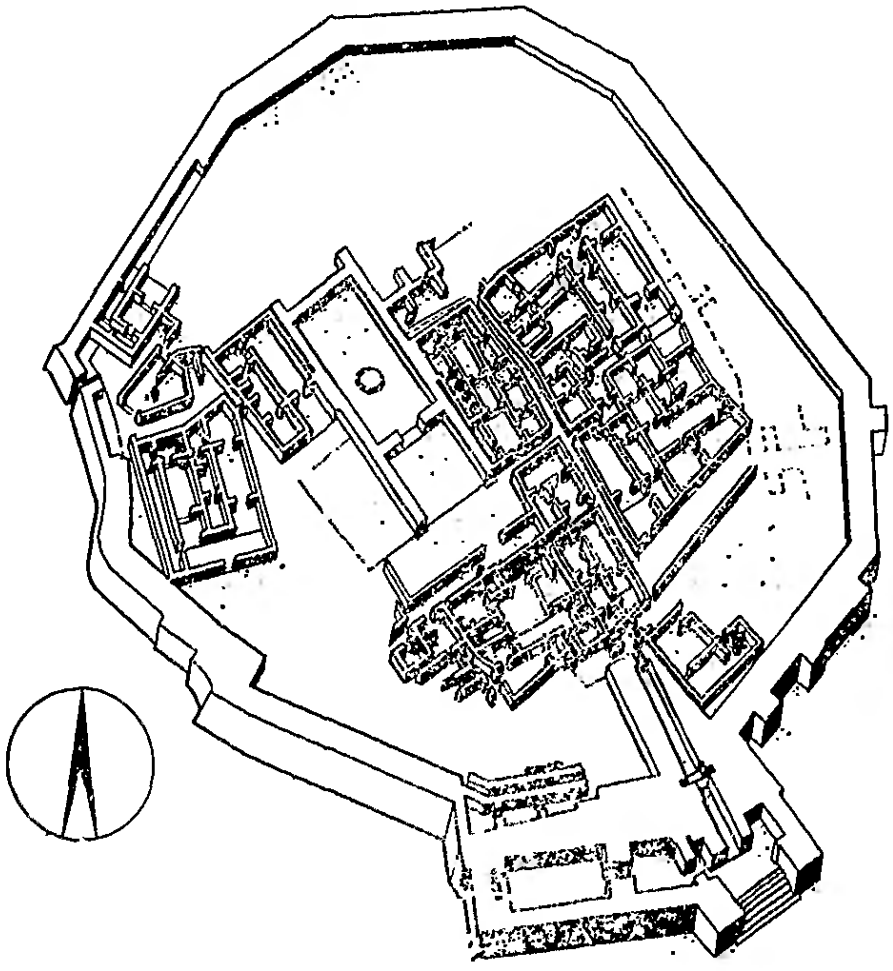

Рис. 2. Изометрический план цитадели Мерсина XVI. 4000 г. до н. э.

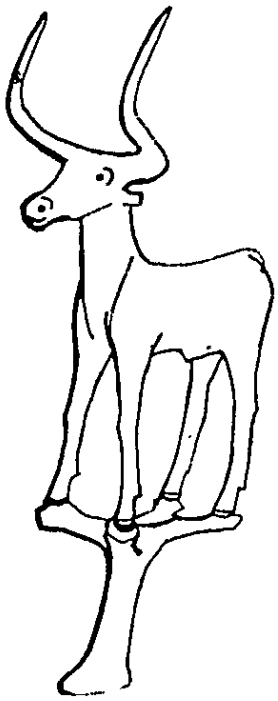
Рис. 3. Рекоиструкция плана цитадели Трои II. 2300 г. до н. э.

впоследствии приобрели неизмеримо бо́льшую ценность. Еще до 7000 г. до н. э. в Чайеню, близ богатых медных рудников Эргани-Мадена, рядом с современным Элязыгом, из меди выделывали орудия и булавки, и до 6000 г. до н. э. кузнецы Чатал-Хююка освоили технику плавления и начали изготовлять бусы из свинца и меди и другие мелкие украшения. Способы выплавки и обработки металлов постепенно совершенствовались, и употребление металлов распространялось из их первоначального центра производства (вернее, центров, ибо Иран, видимо, играл такую же роль) по равнинам Месопотамии, где обработка металлов была освоена до 5000 г. до н. э. и породила культуру Телль-Халафа, во многом весьма сходную с культурой Анатолии [1]. Начиная с этого периода горы Анатолии становятся основным источником металлов для всей Месопотамии.

К сожалению, зачастую из-за отсутствия свидетельств очень сложно проследить развитие металлургии. В отличие от глиняных черепков изделия из металла можно переплавить и снова пустить в ход, что, как правило, и делалось, а до нас лишь доходят весьма редкие образчики. Очень часто мы можем судить о металлических сосудах той или иной эпохи только по глиняным сосудам, которые повторяли форму и даже раскраску металлических. Поэтому редкие находки уцелевших металлических сосудов и других изделий в так называемых «царских гробницах» дают нам несравненно более ценную информацию, чем найденное золото или серебро. Однако все эти гробницы относятся к более позднему периоду.

По мере роста значения металлов и металлургии центральные и северо-западные районы Анатолии, где находились крупные месторождения руды, развиваются все быстрее, поселения разрастаются и становятся богаче. Однако следует подчеркнуть, что эти поселения и города отличались от, скажем, египетских или месопотамских, где существовали совсем другие условия и стимулирующие факторы. В Южной Месопотамии, например, поселения группировались вокруг храмов, и белый величественный храм становился центром таких городов [2]. Но в Анатолии мы наблюдаем совсем другое. Лучшим примером может, пожалуй, служить маленький городок Хаджилар, на юге Турции.

Примерно до 5400 г. до н. э. Хаджилар, если не

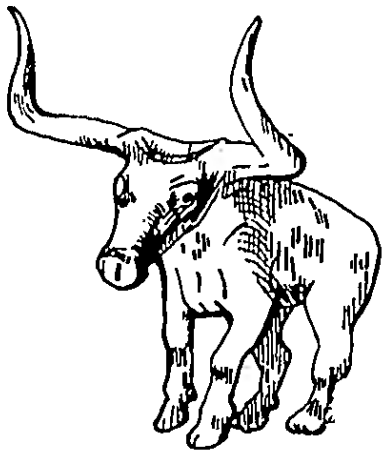

Рис. 4. Фигурка быка из Аладжи (2200 г. до н. э.)
Рис. 5. Фигурка быка из майкопского кургана (2200 г. до н. э.)

считать красивой керамики, мало чем отличался от других современных ему земледельческих поселений Ближнего Востока. Однако после 5400 г. до н. э. в городе был выровнен и обнесен оборонительной глинобитной стеной прямоугольный участок площадью 190 на 120 футов. Внутри этого укрепления расположили зернохранилище, гончарные мастерские, вырыли колодец и построили маленькое святилище. Местный правитель явно соорудил эту примитивную крепость для безопасности и удобства своей семьи и своих приближенных. После разрушения этой крепости на том же месте была сооружена другая, более крупная, и в деталях ее уже просматриваются характерные особенности укрепленных цитаделей более позднего периода Анатолии. Например, в аналогичном сооружении в Джан-Хасане, чуть севернее Тавра, а также в Мерсине, в Киликии, в стены уже встроены комнаты с окнами-бойницами, смотрящими на лежащую внизу равнину, рядом с бойницами располагались кучи метательных камней, а возле узкого входа возвышался своего рода «командный пункт». Позднее, уже в III тысячелетии до н. э., укрепленные цитадели возникают в Центральной и Западной Анатолии. Сооружения подобного плана по-

являются и в Греции не позднее 3000 г. до н. э., например в Димини, в Фессалии. Дальнейшее развитие подобных городов-крепостей микенского и классического греческого периодов и, наконец, возникновение их в Западной Европе в результате походов крестоносцев — особая тема, далеко выходящая за рамки нашей книги.

Вернемся, однако, в Анатолию. В конце III тысячелетия до н. э. она превращается в страну маленьких городов-государств, правители которых живут в замках. Их экономика опирается в основном на сельское хозяйство, но истинное богатство и власть дают им добыча и обработка металлов. О том, какие изделия изготовлялись в то время, можно судить по «сокровищам» Аладжи-Хююка и других поселений Северо-Центральной Анатолии, а также Трои, на северо-западе страны. Аналогичные находки сделаны в Дораке, близ оз. Апольонт, и несомненно еще предстоят в других местах. Сокровища эти относятся к сравнительно позднему периоду — к 2300 г. до н. э. для Трои и к 2200 г. до н. э. для Аладжи, но высокая техника их изготовления свидетельствует о том, что за нею стоит многовековая традиция обработки металлов.

Пока еще трудно провести полную аналогию между этими находками и не менее знаменитыми сокровищами из Майкопа, на Северном Кавказе[3], и Ура, в Южной Месопотамии[4], но уже сейчас можно сказать, что анатолийские изделия никоим образом не повторяют образцы из других областей и уж наверняка не имитируют произведения более «цивилизованного» юго-востока. Скорее наоборот. У многих археологов создалось впечатление, что сокровища Ура до какой-то степени здесь чужеродны и, по-видимому, ввезены с севера одной из династий завоевателей. Это, несомненно, следует учитывать, когда речь идет о ранних влияниях, о которых говорилось выше.

Итак, в период между 2600 и 2300 гг. до н. э., известный археологам как «ранний бронзовый век II», Анатолия занимала господствующее положение. Она обладала одновременно ресурсами, необходимыми для экономики бронзового века, и технологией их использования. Благодаря этому Анатолия играла важную роль на Ближнем Востоке, а влияние ее распространялось до Южной Месопотамии (Ур) и Египта (если верить свидетельствам, обнаруженным в Дораке). Для

лишенных металлов правителей Месопотамии связи с Анатолией имели особое значение, поэтому они засылали туда своих торговцев, следы которых обнаружены во многих местах. Существует легенда (пока еще не подтвержденная данными археологии) о торговцах, посланных около 2300 г. до н. э. правителями Аккада в город Пурусханду, располагавшийся, по-видимому, южнее Соленого озера или на равнине Конья. Частичные подтверждения подобных торговых связей обнаружены в поселении Телль-Брак[5], на караванном пути из Северной Месопотамии в Анатолию, где Нарам-Суэн Аккадский построил пышный дворец; в развалинах этого дворца найдено множество предметов, вывезенных из Анатолии.

Вторгшиеся племена* уничтожили империю Аккада, и торговые связи прервались. Однако уже к 1940 г. до н. э. во многих городах Анатолии появляются ассирийские купцы**, в частности в Канесе, близ современного Кайсери. Тщательные раскопки в местном «каруме», т. е. торговом квартале, позволили обнаружить не только дома этих купцов, но и их обширную деловую корреспонденцию на глиняных табличках. По этим записям нетрудно установить основные предметы торгового обмена, а также оценить до известной степени значение Анатолии и одновременно те силы, которые противодействовали ее политическому влиянию во II тысячелетии до н. э.

Ассирийцам, несомненно, требовались золото, серебро и медь. Взамен они предлагали шерстяные ткани, всевозможную одежду и металл — по всей вероятности, олово, а не свинец, как считали некоторые ученые. По этим торговым операциям мы можем судить об источниках процветания Анатолии и в то же время о тех трудностях, которые ей приходилось преодолевать. Ибо в Анатолии было предостаточно всяких минералов и имелись огромные запасы меди, но было сравнительно мало олова. Мелких месторождений было совершенно недостаточно для нужд экономики бронзового века. Где ассирийцы доставали свое олово, до сих пор не

* Это были племена горцев *кутиев*, которые, как предполагают некоторые исследователи, видимо, родственны современным дагестанцам.— *Здесь и далев примеч. ред.*

** Точнее, ашшурские купцы — по названию торгового города Ашшура (в Верхней Месопотамии, на среднем течении Тигра), ставшего позднее резиденцией царя Шамши Адада I (1813—1781 гг. до н. э.).

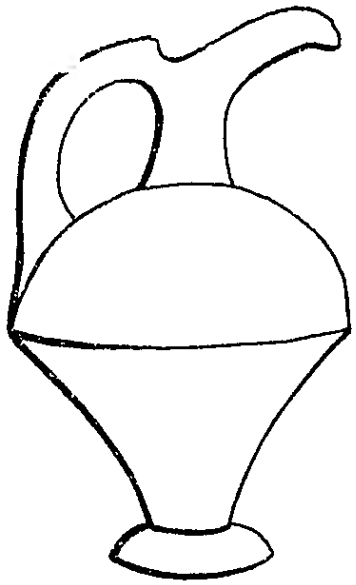

Рис. 6. Ритуальный сосуд в форме льва из Кюльтепе.
Рис. 7. Сосуд с клювообразным носиком из Богазкёя/Хаттусы (период ассирийских торговых колоний)

совсем ясно, скорее всего добывали в горах восточнее и севернее своей страны. Во всяком случае, анатолийцы очень нуждались в олове, и на этой основе между местными сообществами и ассирийскими купцами развивались торговые дружественные связи. Ассирийцы жили в анатолийских домах, пользовались анатолийской утварью и орудиями и даже женились на анатолийских девушках, о чем свидетельствуют их собственные имена. Поистине, если бы не документы, зачастую вообще невозможно было бы выделить «ассирийское» влияние, скорее наоборот, ибо в домах ассирийских купцов находили наиболее богатые и искусные изделия периода расцвета Анатолии.

О подъеме Анатолии в те времена свидетельствуют раскопки в других городах: в Хаттусе, современном Богазкёе, в Аджемкёе, рядом с Аксараем, и в Карахююке, поблизости от Коньи. На юго-западе, в Бейджесултане, где удалось раскопать большой дворец и другие многочисленные общественные здания, мы находим такие же признаки благоденствия. В то же время на северо-западе Троя начинает оправляться после периода относительного упадка и вскоре снова занимает достойное место среди важнейших городов. Все эти районы, по-видимому, имели свои источники снабжения оловом (других металлов хватало), однако, откуда оно бралось, как уже говорилось, пока еще не ясно.

Предположения по этому поводу будут приведены ниже.

Около 1780 г. до н. э. ассирийские торговые связи с Анатолией внезапно оборвались. Причина такого разрыва до конца не выяснена. Должно быть, это связано с политическими и этническими изменениями в Месопотамии. В это время там появляются хурриты *, народ неизвестного происхождения — как полагают, из окрестностей оз. Урмия. Многие годы они продвигались через Северную Месопотамию к Средиземному морю и теперь начали приобретать превосходство в государствах верхнего Тигра и Евфрата и на холмах, граничащих с Юго-Восточной Анатолией. Таким образом, Ассирия оказалась отрезанной от своих торговых колоний, и могущество ее быстро сошло на нет. Вскоре ее и вообще поглотила стремительно растущая империя вавилонского царя Хаммурапи.

Для Анатолии потеря источника олова была катастрофой. В целом это выразилось в том, что все города, процветавшие в период существования ассирийских торговых колоний, пришли в упадок и никогда уже больше не оправились. А по мере того как хурриты усиливали натиск с востока, положение становилось еще серьезней. Теперь была потеряна не только Ассирия, но и дороги через горы Антитавра. Открытой оставалась лишь дорога вниз через Киликию к Евфрату и Южной Месопотамии. Она тоже вела к олову, в Канес, о чем свидетельствуют архивы из Мари, города на среднем течении Евфрата. Но вся беда заключалась в том, что дорога эта проходила через могущественные государства: на юге — через Вавилон, в центре — Мари, а на севере — Халеб. Но без олова обойтись было невозможно, и поэтому экономические интересы неотвратимо влекли обитателей Центральной Анатолии к евфратскому пути, несмотря на все опасности.

В последние годы существования ассирийских торговых колоний господствующее положение в экономике Центральной Анатолии захватили правители государства Куссары. Ранее считалось, что его одноименная столица находилась в Центральной Анатолии, но, по всей видимости, она была расположена гораздо восточнее, примерно в районе современного Дивриги, на

---

* Хурриты, согласно И. М. Дьяконову, распространялись уже с середины III тысячелетия до н. э. к востоку от Тигра в Северной Месопотамии и к западу от Евфрата, в частности в Северной Сирии, куда они проникали мирным путем уже с древнейших времен.

одном из караванных путей из Ассирии. Первый упоминающийся в текстах правитель этого государства, по имени Питхана, распространил свое влияние на Несу (вариант названия Канеса) *.

Его сын Анитта расширил свои владения, завоевав другие центральные анатолийские царства, в том числе Хаттусу, которую он разрушил и объявил проклятой на вечные времена. В конце своей жизни (около 1750 г. до н. э.) он подчинил себе столько земель, что мог уже претендовать на титул «великого царя».

К сожалению, нам не хватает документальных свидетельств, и мы не знаем, что произошло под конец с царством Анитты. В огромном сожженном дворце в Канесе был найден наконечник копья с надписью: «Дворец Анитты, царя». Не исключено, что в том же дворце находились останки его правителя.

Кто разрушил дворец, нам неизвестно. Однако примерно через сотню лет мы находим здесь правителя, который объявляет, что родом он из Куссары, столицей своей избрал Хаттусу и в ознаменование этого торжественного события принимает имя Хаттусили. Независимо от его родственных отношений с прежними правителями этот царь стал основателем государства хеттов.

---

* Из «Текста Анитты», документа, составленного сыном Питханы Аниттой, известно, что его отец ночью захватил Несу, но «не причинил зла» жителям города.

Глава II

КТО ЖЕ ТАКИЕ ХЕТТЫ?

В 1902 г. норвежский ученый Й. А. Кнудсон заявил, озадачив весь мир скептиков, что им открыт новый, доселе неизвестный индоевропейский язык. Он утверждал, что обнаружил его на двух глиняных табличках с клинописью, найденных пятнадцать лет назад в Египте, в Эль-Амарне, среди дипломатических документов времен фараона Эхнатона (1379—1362 гг. до н. э.) и его отца Аменофиса III (1417—1379 гг. до н. э.). Поскольку одна из табличек была обращена к царю доселе неизвестного государства Арцава, язык получил название «арцавского».

Гипотезу Кнудсона, что это один из индоевропейских языков, несмотря на приведенные аргументы, современники встретили с большим недоверием. Но было известно, что в Богазкёе (Центральная Анатолия) найдены отдельные фрагменты табличек с надписями на том же языке. В 1906 г. там начались активные раскопки, и вскоре был обнаружен целый архив из тысяч глиняных табличек, многие из которых оказались с надписями на «арцавском» языке. Теперь у лингвистов было предостаточно материала для подробного изучения, и в 1915 г. Б. Грозный расшифровал хеттские клинописные тексты, показав тем самым, что Кнудсон абсолютно прав. Язык табличек в своей основе был действительно индоевропейским — древним, ранее неизвестным членом этой языковой семьи.

Конечно, для филологов это было интереснейшим открытием, но перед историками оно поставило сразу множество проблем. Они совсем не ожидали найти древний народ, говоривший на индоевропейском языке в Центральной Анатолии. В первую очередь их интересовали вопросы: что это был за народ и как он здесь появился?

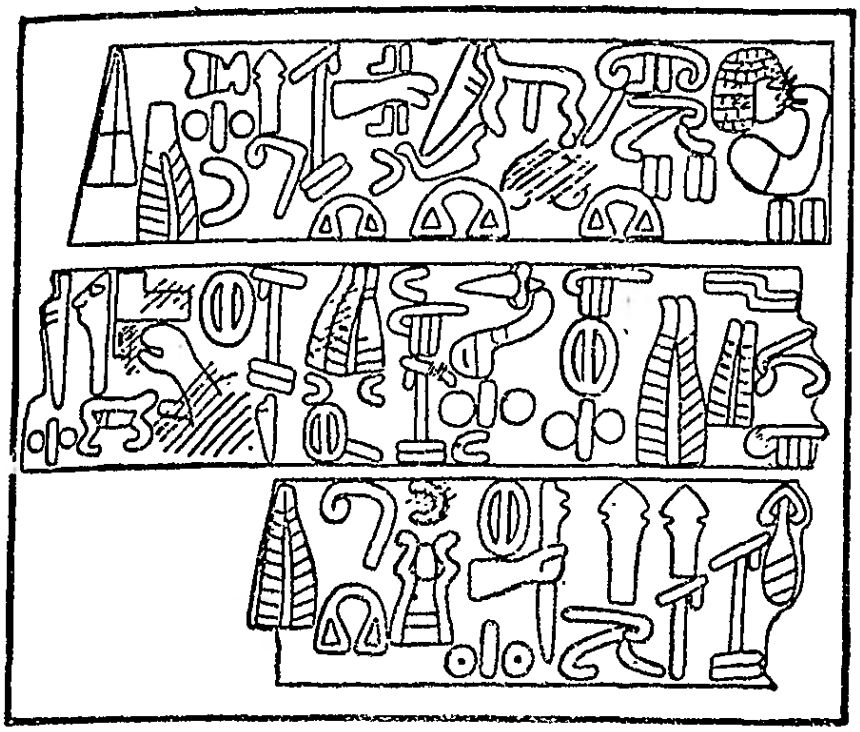

Рис. 8. Надпись на «иероглифическом хеттском» из Хамата

К счастью, на первый вопрос легко было ответить. Сами таблички совершенно ясно указывали, что Богазкёй — древняя Хаттуса, столица страны Хатти и местопребывание правителей, которые на протяжении XIV и XIII столетий до н. э. играли на Ближнем Востоке важнейшую роль. Язык табличек, несомненно, был языком царей Хатти. Поэтому его переименовали в «хеттский», а название «арцавский» быстро забылось.

Однако разрешение этой проблемы сразу выдвинуло ряд других, которые, в свою очередь, требовали ответа.

Уже давно ученые предполагали, что Богазкёй был столицей хеттов, но это предположение как будто опровергалось новыми находками. В 1876 г. А. Г. Сэйс высказал мнение, что некоторые базальтовые плиты с иероглифическими надписями, найденные в Халебе и Хамате (Северная Сирия), созданы хеттами, до сих пор известными только по Библии и по текстам египтян и ассирийцев. В 1880 г. Сэйс предположил, что многие наскальные надписи на юго-востоке, в центре и на западе Малой Азии, часть которых отождествлялась с аналогичными надписями на плитах, найденных в Сирии, тоже принадлежат хеттам. К 1900 г. была зарегистрирована почти сотня подобных хеттских письмен-

ных памятников. Такой памятник стоял среди развалин Богазкёя, из чего было сделано заключение, что именно здесь находился один из больших и значительных хеттских городов. Поэтому открытие, что хетты употребляли клинопись, вызвало большой переполох. Если «арцавский» язык был языком хеттов, кто же тогда пользовался иероглифическим письмом?

Задача усложнялась еще и тем, что в отличие от расшифровки клинописных текстов, не вызвавшей особых трудностей, иероглифические надписи оказались твердым орешком. И тем не менее благодаря усилиям многих ученых бóльшая часть проблем была разрешена. Открытие длинной двуязычной надписи * в 1947 г. доказало справедливость большинства их догадок и во многом помогло пониманию письменности и языка хеттов. «Иероглифический хеттский» также оказался индоевропейским языком.

Бóльшая часть известных хеттских текстов относится к периоду после падения хеттского царства и принадлежит правителям Северо-Восточной Анатолии и Северной Сирии, которые сохраняли имена и традиции древней империи хеттов. Однако некоторые тексты восходят к временам расцвета хеттского государства и принадлежат известным хеттским царям. Все же, хотя язык этих надписей близок к языку клинописных текстов, он ни в коей мере с ним не совпадает. По всей видимости, в царстве хеттов оба языка существовали одновременно, но «иероглифический хеттский» постепенно вытеснял клинописный. Можно предположить, что более поздние правители хеттов были «иероглифическими» хеттами, которые взяли верх над «клинописными», и что древняя клинопись стала мертвым языком, который сохранялся как священный только царскими писцами. Однако вполне возможно — и в этом есть какая-то доля истины,—что иероглифическая письменность и язык были привнесены извне в начале расцвета империи хеттов, скорее всего во второй половине XV в. до н. э.

Какими же могли быть эти «внешние» источники? «Хеттские иероглифы» уже употреблялись в Киликии примерно в 1500 г. до н. э. — об этом говорит царская

---

* Эта билингва на финикийском и «иероглифическом хеттском» (или, точнее, на лувийском иероглифическом) языках из Каратепе, на юго-востоке Турции, была найдена и исследована известным историком культуры Малой Азии Х. Т. Боссертом.

печать, найденная в этой местности при раскопках Тарсуса. Другая печать, обнаруженная в Бейджесултане, на юго-западе Анатолии, и довольно точно датированная XX в. до н. э., носит черты, которые отдельные ученые считают типичными для «иероглифического хеттского» письма. Поэтому возникло предположение, что народ, говоривший на этом языке, пришел из южной или юго-западной части Малой Азии. Более точное происхождение этого народа или народов получило неожиданное подтверждение в архивах Богазкёя. Параллельно с клинописным хеттским в текстах архива встречается множество других языков, и один из них получил название «лувийский». Весьма любопытно, что «иероглифический хеттский» гораздо ближе к лувийскому, чем к клинописному хеттскому, и оба — «иероглифический хеттский» и лувийский, вероятно, являются диалектами одного и того же языка.

Но пойдем дальше. Лувийский язык, по-видимому, язык той области, которая в клинописных текстах называется Лувия, а Лувия, очевидно, древнее название области, которая в период расцвета империи хеттов называлась Арцава. Так мы приходим к выводу: язык, который первоначально назывался «арцавским», в действительности язык хеттов, а язык, известный как «иероглифический хеттский», всего лишь диалект «арцавского».

Что же представляла собой Арцава и где она находилась? Изучение хеттских архивов помогло определить, что группа государств, известных под названием «Арцава», представляла собой самое могущественное объединение в Западной Анатолии с центром либо в турецком Озерном районе, либо — что более вероятно — там, где гораздо позднее возникла Лидия. О роли, которую сыграла Арцава в истории хеттов, мы расскажем в последующих главах. А здесь достаточно сказать, что Арцава, как это становится все явственнее, была могущественным государством, оказавшим сильное влияние не только на Анатолию, но и на всю международную политику региона, и что, если бы отыскались ее архивы, перед нами открылись бы многие тайны Ближнего Востока и эгейского мира того времени.

Вернемся, однако, к нашей первоначальной теме. Итак, мы видим, что бо́льшая часть Анатолии между 1400 и 1200 гг. до н. э. находилась под властью народа или народов, говоривших на индоевропейских язы-

ках. Центральная часть Анатолии с центром в Хаттусе была родиной хеттов, в то время как области к западу и к югу от нее занимали народы, говорившие на лувийском языке и его диалекте, известном под названием «иероглифический хеттский». Историю этих народов удалось благодаря уцелевшим текстам воссоздать довольно подробно, поэтому на поставленный выше вопрос: кому принадлежали эти тексты — сегодня можно дать точный ответ.

Но остается второй вопрос. Трудно представить, чтобы Анатолия была прародиной этих народов с индоевропейским языком. Значит, они проникли в Анатолию из каких-то других мест. Но откуда? И когда? Лингвистические исследования позволили определить, что «прародина» этой индоевропейской группы — область, протянувшаяся от нижнего Дуная вдоль северного побережья Черного моря до предгорий Кавказа. В этой области ее можно сопоставить с культурой курганов или захоронений с насыпными холмами, создатели которых первоначально из евразийских степей распространялись к северу и западу от Аральского моря, к концу IV тысячелетия до н. э. достигли Черного моря, а на протяжении III тысячелетия проникли глубоко в Европу, расселившись от Балтики до Эгейского моря. Культура эта характеризуется курганами поверх погребений типа жилищ, где зачастую находят богатейшие погребальные дары. Если принять эту версию, народы, говорившие на индоевропейском языке, должны были проникнуть в Анатолию с севера, и единственный вопрос, на который остается ответить,— это об их пути: пришли они с северо-запада, через проливы Дарданеллы и Босфор, или же с северо-востока, через перевалы Кавказа. На этот счет мнения ученых сильно разделились, и приходится наряду с лингвистическими аргументами использовать и археологические свидетельства.

Теория, согласно которой лингвистические изменения неизбежно отражаются в археологических находках, в последнее время подверглась серьезной критике [6]. Однако трудно представить, чтобы введение нового языка в чужой стране происходило без каких-либо изменений материальной культуры. В любом случае мы вынуждены принять эту теорию — «не бывает лингвистических изменений без археологических изменений»,—ибо иначе нам придется отказаться от всякой

надежды разрешить нашу проблему. Разумеется, здесь следует соблюдать предельную осторожность, и, если выдвинутая гипотеза в какой-то степени вступает в противоречие с лингвистическими данными, ее необходимо немедленно отвергнуть. Но если лингвистические и археологические свидетельства дополняют друг друга, есть все основания надеяться, что такая гипотеза приведет нас к истине.

Исследуя археологические находки в Анатолии, лучше всего начать с юго-запада, где, по нашим предположениям, народы, говорившие на индоевропейских языках, обитали между 1400 и 1200 гг. до н. э. и, возможно, появились здесь около 2000 г. до н. э. Между этими двумя датами, несомненно, нет археологического разрыва, если судить по раскопкам в Бейджесултане. основном центре исследований в этом районе, и уже этот факт подтверждает скудные лингвистические свидетельства, собранные там же. Однако немного ранее, в конце периода, известного как Бейджесултан XIII, обнаружены следы значительных разрушений, и уже в следующем слое, Бейджесултан XII, отмечаются четкие следы перемен.

Новая культура, процветавшая до конца бронзового века, по-видимому, связана по своему происхождению с культурой Трои II, на северо-западе Анатолии. Эта троянская культура, в свою очередь, во многом связана с киликийской, известной под индексом EB III. В последнее время многие ученые склоняются к тому, что обе эти культуры существовали в одно и то же время[7], однако следует думать, что они лишь в какой-то период наслаивались одна на другую. Киликийская культура EB III тесно связана с культурами, процветавшими на востоке и юге, что позволяет довольно точно датировать ее периодом примерно 2400—2000 гг. до н. э. Это дает нам дату гибели Трои II — около 2200 г. до н. э., и, поскольку там уже были элементы Трои IV и III в Бейджесултане XII—VIII, примерно 2300 г. до н. э. кажется нам наиболее вероятным временем проникновения северо-западной культуры в юго-западную. Если мы можем утверждать, что эта культура была привнесена народами, говорившими на индоевропейском языке, то, следовательно, на этом языке говорили в Юго-Восточной Анатолии в период Трои II, и проник он сюда из Юго-Восточной Европы в тот же период, если не раньше. Но поскольку Троя II и Троя I бы-

ли разрушены (примерно в 2500 и 2600 гг. до н. э.), там не удалось обнаружить чужеродных культурных элементов из Европы. Такое же отсутствие новых элементов характерно и для начала Трои I (2900 г. до н. э.?) и даже в предшествующий период в Кумтепе, который уводит нас в глубь веков по крайней мере до III тысячелетия до н. э. Мы вынуждены признать, что этот путь до Юго-Восточной Европы пока не удалось проследить и что в Северо-Западной Анатолии обнаружено незначительное количество очевидных свидетельств влияния «культуры курганов». Однако в каменных плитах с изображениями, которые использовались в середине периода Трои I, возможно заметить определенную связь и большое сходство с погребальными стелами того же типа, часто встречающимися в курганных захоронениях. А это указывает, что к тому времени такое проникновение было уже делом далекого прошлого.

После того как чужеземцы проникли в Анатолию, путь их и развитие уже можно проследить в общих чертах. Сначала они довольствовались тем, что создавали свои процветающие поселения на северо-западе, вдоль местных дорог, но примерно к 2600 г. до н. э. они проникли в глубь Анатолии, вплоть до Бейджесултана, до уровня слоя XVII*a*, и принесли с собой культуру типа Трои I. Разрушение Трои I*j*, а затем Трои II*a* свидетельствует только о временном отступлении и упадке, потому что вскоре после 2500 г. до н. э. троянцы были уже достаточно сильны и богаты, чтобы завязывать торговые отношения с самыми отдаленными странами. Об их контактах с Киликией, скорее всего морскими путями, можно судить по появлению в период II*в* на северо-западе гончарного круга, а если принять свидетельства гробниц в Дораке, то их связи с Египтом в то время были уже настолько прочными, что они обменивались с египтянами дарами. Около 2400 г. до н. э. Киликия начала играть такую большую роль, что ее зачастую отождествляли с Северо-Западной Анатолией (но не с троянцами, так как их культуры неидентичны); и значение Киликии как торгового центра настолько возросло, что северо-запад, представленный Троей II*d-g*, начал отходить на задний план. Киликия процветала, и влияние ее распространялось все дальше через перевалы Тавра на южную и юго-западную часть плато, о чем свидетельствует своеобразная

керамика Бейджесултана (XIII слой). Однако народы Трои II по мере уменьшения их заморских владений вновь устремились в глубь Малой Азии. К 2300 г. до н. э. они захватили и разрушили Бейджесултан, пересекли равнину Конья и достигли предгорий Тавра. Но все эти завоевания закончились катастрофой. Троя так и не смогла воспользоваться своими победами, ибо около 2200 г. до н. э. она сама погибла в огне пожарищ — по-видимому, даже без вмешательства внешних врагов. В остальной части Западной и Южной Анатолии наблюдается в это время общий и значительный упадок материальной культуры. Если некоторые ее области и возрождаются через два-три столетия, то в других, подобно Ликии и Писидии, почти не остается оседлых поселений вплоть до начала I тысячелетия до н. э.

Силы вражеского нашествия, должно быть, иссякли, прежде чем оно докатилось до Киликии. Там не отмечено никаких культурных изменений примерно до 2000 г. до н. э., и лишь позднее появляется чужеродная раскрашенная керамика, обычно связываемая с проникновением хурритов из Северной Сирии. Однако в легендах месопотамской династии Аккада совершенно неожиданно было обнаружено свидетельство об индоевропейском вторжении[8]. Самый известный правитель этой династии — Саргон, согласно более позднему тексту, предпринял около 2300 г. до н. э. военную экспедицию, чтобы поддержать месопотамских торговцев, обосновавшихся в Пурусханде, а в другом, тоже позднем тексте повествуется о вторжении в пределы Аккадской империи варварских орд и о разрушении Пурусханды примерно в 2300 г. до н. э. Пурусханду можно почти с полной уверенностью отождествлять с Пурушхаттумом, который упоминается в поздних анатолийских текстах*; он находился скорее всего к югу от Соленого озера (или оз. Туз) или на равнине Конья. Если эти легенды имеют какую-то историческую ценность, они свидетельствуют о том, что влияние Аккада распространялось через всю Киликию на равнину Конья. А если это так, мы можем с достаточной уверенностью говорить о распространении культуры Киликии между 2400 и 2300 гг. до н. э., о чем уже упоминалось,

* Название города-государства Пурушхаттум является более древней формой, чем Пурусханда, так как оно встречается в деловых документах ассирийских торговых колоний.

примерно теми же путями одновременно с аккадскими торговыми колониями. Таким образом, более позднее нашествие варварских орд можно отождествлять с вторжением с северо-запада индоевропейских народов, достигших равнины Конья около 2230 г. до н. э.

Такого рода схема, видимо, объясняет распространение лувийских языков в Анатолии к югу и западу от линии, соединяющей пролив Босфор с заливом Искендерон. В Центральной Анатолии обстановка была много сложнее. Здесь появление индоевропейского языка относится к самому началу так называемого Древнего царства хеттов, т. е. примерно к 1650 г. до н. э. Только «Текст Анитты», рассказывающий о деяниях царей Куссары, упоминает о более ранних событиях, но возможно он на самом деле лишь переведен на хеттский в период Древнего царства. Но если даже он и был написан по-хеттски во времена совершаемых деяний, это отодвигает нас всего примерно до 1780 г. до н. э.

Предшествующий период, приблизительно между 1940 и 1780 гг. до н. э., богато представлен в документах ассирийских торговых колоний. В них часто встречаются имена анатолийцев, которые тщательно изучались с целью определить языки, которые были в употреблении в тот период. Вначале преобладало мнение, что среди этих имен лишь немногие имеют индоевропейскую этимологию и ни одно из них нельзя считать собственно хеттским. Это привело к предположению, что в период, известный как Карум II (около 1940—1840 гг. до н. э.), к которому относится большинство документов, хетты еще не дошли до Центральной Анатолии и что разрушение Карума II было свидетельством их прихода [9]. Линия подобных разрушений, происшедших примерно в то же время, которая протянулась от Кавказа до Центральной Анатолии, была поэтому отождествлена с путем миграции хеттов из южнорусских степей.

Однако против такой реконструкции существует ряд возражений. Во-первых, более тщательное изучение собственных имен в ассирийских документах показало, что в них намного больше индоевропейских имен, чем предполагалось ранее, и многие из них, включая большинство имен местных правителей, можно рассматривать как хаттские (протохеттские). Во-вторых, многие археологи отрицают наличие какого-либо существенного перерыва в археологическом материале на Кавказе и в других районах, через которые якобы дви-

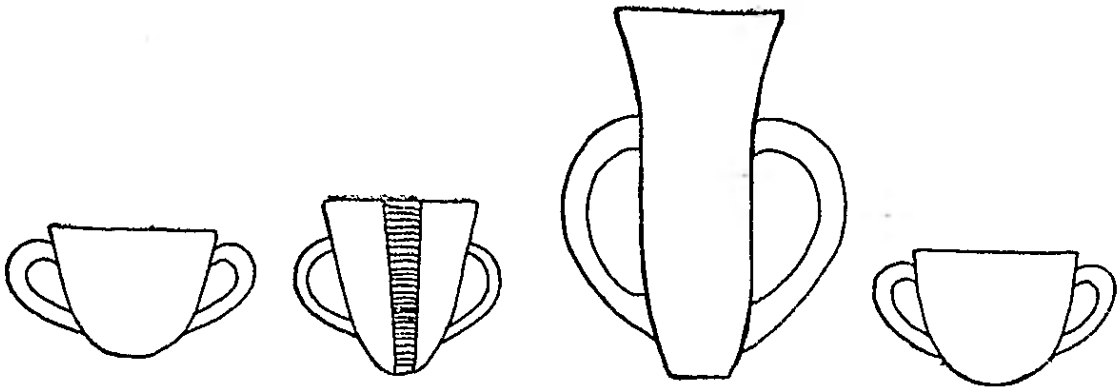

Рис. 9. Сосуды типа депа. Слева направо: Тарсус EBIII, Кюльтепе EB III, Троя II, Бейджесултан XIII*a*

гались хетты. И, наконец, в-третьих, хеттский и лувийский языки имеют такое лингвистическое сходство, что предположение, будто они вошли в Анатолию разными путями, становится нереальным. Таким образом, разрушение Карума II нельзя связывать с приходом хеттов. Наоборот, скорее всего хетты к тому времени уже прочно обосновались в этом районе.

Так лингвистические свидетельства наконец подтвердили то, о чем давно говорили археологи: во времена ассирийских торговых колоний Центральную Анатолию в основном населяли хетты.

Остается определить, насколько велико было в Центральной Анатолии влияние юга и запада в предшествующий период, т. е. до проникновения в эти области лувийского языка. Благодаря археологическим находкам распространение этого влияния проследить нетрудно. Двуручные кубки (депа) ручной лепки Алишара и Кюльтепе полностью соответствуют таким же сосудам так называемой «троянской» эпохи в Киликии. В Кюльтепе найдены сходные блюда, изготовленные на гончарном круге, серые бутылеобразные сосуды и другая сирийская керамика, весьма распространенная в Киликии в те времена. Имеются и другие свидетельства. Типичные для хеттской посуды кувшины с клювообразными носиками до этого периода встречались в Центральной Анатолии довольно редко, и появление их, по-видимому, можно объяснить влиянием современных культур Юго-Западной Анатолии и Киликии. Однако наиболее значительным является план большого общественного здания в Кюльтепе, которое имело форму мегарона (дом с внутренним двором). Такой тип зданий несвойствен Центральной Анатолии, однако на за-

паде он был давно широко распространен. Неважно, дворец это или храм, но он неопровержимо свидетельствует о том, что к тому времени люди с запада уже завоевали здесь значительное положение. Если время распространения юго-западных влияний сопоставить с временем расцвета Киликии, то по общему впечатлению оно соответствует доисторическому периоду, который начался в Центральной Анатолии примерно в 2350—2300 гг. до н. э.

До сих пор мы не упоминали об одном важном изменении в керамике Центральной Анатолии. Речь идет о неожиданном появлении расписных «каппадокийских» глиняных сосудов, которые резко выделялись среди простых однотипных местных изделий. Расписную керамику часто рассматривали как нововведение хеттов, однако теперь установлено, что это местное развитие простейших орнаментированных сосудов предшествующего периода. И все же можно говорить об индоевропейском влиянии, так как роспись ранней «каппадокийской» керамики повторяет орнаменты глиняных сосудов, найденных в Бейджесултане, в слоях, непосредственно следующих за слоем «лувийского» вторжения. Таким образом, если даже расписная керамика и не нововведение хеттов, некоторые черты ее развития, видимо, связаны с приходом индоевропейских народов.

Здесь следует привести одно лингвистическое свидетельство. В записях ассирийских купцов относительно городов Лавацантия, Ненасса и Улламма встречаются хеттские слова *исхиул* и *испант*. Они указывают на то, что в период ассирийских торговых колоний там говорили на хеттском языке, а поскольку все три названных города располагались к югу или к юго-западу от Кюльтепе, мы получаем еще одно указание на пути проникновения индоевропейцев.

Благодаря всем этим данным вырисовывается картина широкого мирного распространения влияния, а также языка в Центральной Анатолии с юга и в меньшей степени с запада вскоре после того, как она была захвачена индоевропейцами с северо-запада. Мегарон в Кюльтепе свидетельствует о том, что пришельцы пользовались там большим влиянием еще около 2250 г. до н. э., а в период ассирийских торговых колоний они составляли значительный процент населения и уже активно ассимилировались с автохтонами. Это подтвер-

ждают лингвистический анализ поздних хеттских текстов и политическая организация хеттского государства, где отсутствовали классовые подразделения по языковым признакам. Отсюда возникает предположение, что автохтоны имели длительный период общения с носителями хетто-лувийских языков после их вторжения.

Ко времени своего прихода чужеземцы, по-видимому, говорили на языке, который еще не разделился на хеттский, лувийский и другие диалекты, известные нам со II тысячелетия до н. э. Многие столетия Канес играл ведущую роль в Центральной Анатолии, но вскоре после 1800 г. до н. э. правители Куссары, города на восточной окраине этого района, начинают распространять свое влияние в западном направлении. Канес и другие главные города были завоеваны, и Куссара на какое-то время заняла господствующее положение. Еще через столетие, как уже говорилось, правители, более или менее связанные с Куссарой, сделали своей столицей Хаттусу. Они пользуются письмом, отличным от письменности ранних ассирийских торговых колоний; по-видимому, оно заимствовано ими из пока еще не определенной области к юго-востоку от Анатолии.

Картина, вырисовывающаяся на основе приведенных выше доводов и предположений, может показаться довольно простой, но в действительности в ней имеется ряд сложностей. Первая заключается в том, что существуют свидетельства о западном влиянии на Центральную Анатолию в несколько более поздний период. Примерно в 2000 г. до н. э. в Канесе и других главных городах Анатолии появляются одноцветные сосуды, изготовленные на гончарном круге, и, судя по более древним образцам этой керамики, она заимствована с северо-запада Анатолии или, точнее, из района Тавшанлы — Кютахья. Интересно отметить, что эта керамика найдена в самых ранних слоях Богазкёя, а это позволяет предположить, что первые жители поселения были, по-видимому, индоевропейцами, но не хеттами по языку [10]. Должно быть, сюда с северо-запада вторглись палайцы, язык которых — еще один индоевропейский диалект, известный по текстам из архивов Богазкёя и происходящий из окрестностей Кастамону, где на этом индоевропейском диалекте, очевидно, говорили во второй половине II тысячелетия до н. э. Однако никаких

свидетельств об этой волне западного влияния в хеттских текстах из архивов Богазкёя пока не обнаружено. Поэтому многие ученые полагали, что это движение говорит о приходе самих хеттов в Центральную Анатолию. Но ни время такого прихода — слишком позднее, ни направление миграции — совершенно неоправданное — не подтверждаются никакими свидетельствами.

Следует решить еще одну проблему: кто были предшественники хеттов в Центральной Анатолии? В архивах Богазкёя найдены тексты, которые составлены на хаттском языке, по структуре своей совершенно отличном от индоевропейского. Принято считать, что народы, говорившие на языке хатти, и были автохтонами страны Хатти до прихода индоевропейцев. Если это так, то их можно отождествить с народом периода ЕВ II или периода «медного века», непосредственно предшествовавшего описанным выше.

Этот период хорошо известен по находкам в Кюльтепе, Алишаре и Аладже. Самые великолепные остатки его — «царские гробницы» в Аладже с их знаменитыми «штандартами» и другими металлическими изделиями.

Однако, если простой народ времен «царских гробниц» и говорил на языке хатти, это вовсе не означает, что и цари, захороненные в этих гробницах, пользовались им. Другие, немного более поздние захоронения, с такими же металлическими изделиями были обнаружены в районах вблизи побережья Черного моря, т. е. севернее Аладжи. А это позволяет предположить, что данная культура какое-то время распространялась с севера в Центральную Анатолию. Эта северная культура весьма мало изучена, однако ее металлические изделия имеют большое сходство с найденными в Майкопе и в районе станицы Царская на Кубани, т. е. на Северном Кавказе. Эта культура с достаточным основанием была определена как культура «курганных» племен, которые незадолго до этого подпали под влияние более высоких культур Южного Кавказа. И если это действительно так, то жители Аладжи, в чьих гробницах много сходного с «культурой курганов», вполне могли говорить на индоевропейском языке. Но у нас не имеется никаких данных о распространении этой «культуры курганов» далее, на юг Анатолии, а потому ее трудно связать с распространением хеттского языка, не говоря уже о па-

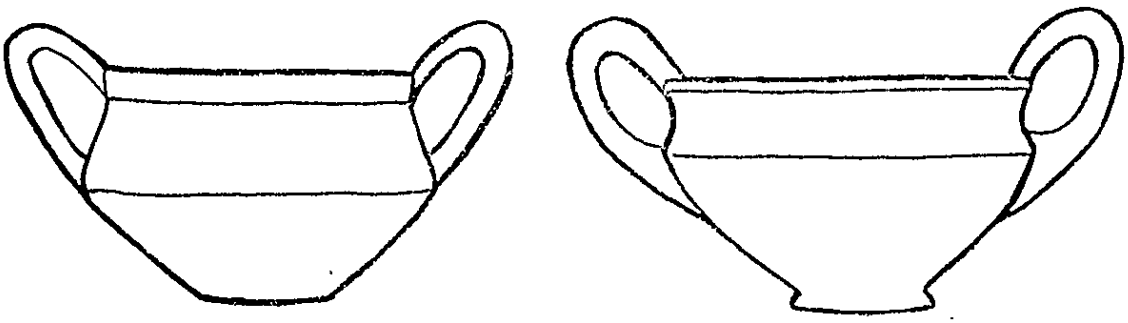

Рис. 10. Греческие и анатолийские «минойские» чаши:
слева — из Коракоу (среднеэлладский период),
справа — из Тавшанлы (период Трои V)

лайском и лувийском. Язык правителей, погребенных в Аладже, возможно, был индоевропейским, но почти наверняка не был протохеттским.

Все это в конечном счете не приближает нас к разгадке. Кто же на самом деле были эти предшественники хеттов? Возможно, это были народы Центральной Анатолии, временно подпавшие под власть правителей Аладжи, чьи гробницы удалось отыскать и чьи следы найдены в Алишаре и Кюльтепе. Однако не так давно возникло предположение, что эти правители и их народ последовали за хеттами из Юго-Восточной Европы в Анатолию, а не предшествовали им, т. е. появились в Центральной Анатолии позднее [11]. В этой связи стоит упомянуть, что, согласно документам ассирийских купцов, «страна Хатти», языком которой первоначально был хаттский, располагалась не в районе Хаттусы—Богазкёя, а гораздо дальше на востоке, где-то вблизи современного Дивриги. Таким образом, вопрос, кто такие хатты, до сих пор остается открытым.

Говоря о языках народов Анатолии, невозможно избежать сложной проблемы о грекоязычных народах, живших в этой стране, и о племенах с лувийским языком в Греции. Издавна принято считать, будто греческий язык принесен в Грецию чужеземцами одновременно с так называемой «минойской» керамикой. Многие годы археологические находки свидетельствовали о том, что эти глиняные изделия появились в Греции около 1900 г. до н. э., в начале среднеэлладского периода. Поскольку аналогичная керамика была найдена в Трое, где она появилась примерно в то же самое время (Троя VI), возникает закономерное предположение, что в этот период произошло нашествие с севера,

причем одна волна завоевателей пошла в Грецию, а другая — в Северо-Западную Анатолию.

Обитатели Трои VI говорили в то время на одной из ранних форм греческого языка. Все осложнилось, когда было высказано мнение, что «минойская» керамика Трои не оригинальна, а происходит от керамики второй половины раннебронзового века, обнаруженной к югу и востоку от Мраморного моря. Из этого следовало, что говорившие по-гречески народы в какой-то период бронзового века проникли на северо-запад Анатолии, остались там до конца его, а в начале следующего периода вернулись через море в Грецию, оставив часть своих племен, благодаря которым и развилась культура Трои [12]. Однако результаты исследований говорят о том, что обе эти теории основаны на ложных предпосылках. «Минойская» керамика была обнаружена в Греции в слоях ЕН III, и, что гораздо важнее, происходит она не от культур Северо-Западной Анатолии, а от культуры Бадена, которую можно связать с распространенной по Центральной Европе «культурой курганов» [13].

Дальнейший анализ анатолийской «минойской» керамики показал, что ее сходство с греческой «минойской» только кажущееся, ибо они имеют разное происхождение и развитие [14]. Таким образом, теория, будто греки жили в середине и конце бронзового века на северо-западе Анатолии, не имеет никаких оснований.

Тем не менее письменные памятники I тысячелетия до н. э. свидетельствуют о том, что северо-западная часть греческого мира была заселена народами, говорившими на греческом языке. Однако приход этих «эолических» греков из Греции, более южных в отличие от ионических, нельзя принимать на веру без достаточных археологических данных. Только новые раскопки и изыскания могут показать, происходила ли такая миграция через Эгейское море в I тысячелетии до н. э., или же здесь, в Анатолии, жили предки народов, говоривших по-гречески, уже во II тысячелетии до н. э.

Остается проблема лувийского языка в Греции, где в названиях многих поселений сохранились типичные окончания *-антос* и *-ассос* и другие аналогичные формы, встречающиеся по обе стороны Эгейского моря. Эти окончания можно с уверенностью отнести к лувийскому языку, а их распространение указывает, что лувийский или скорее его лингвистический предок

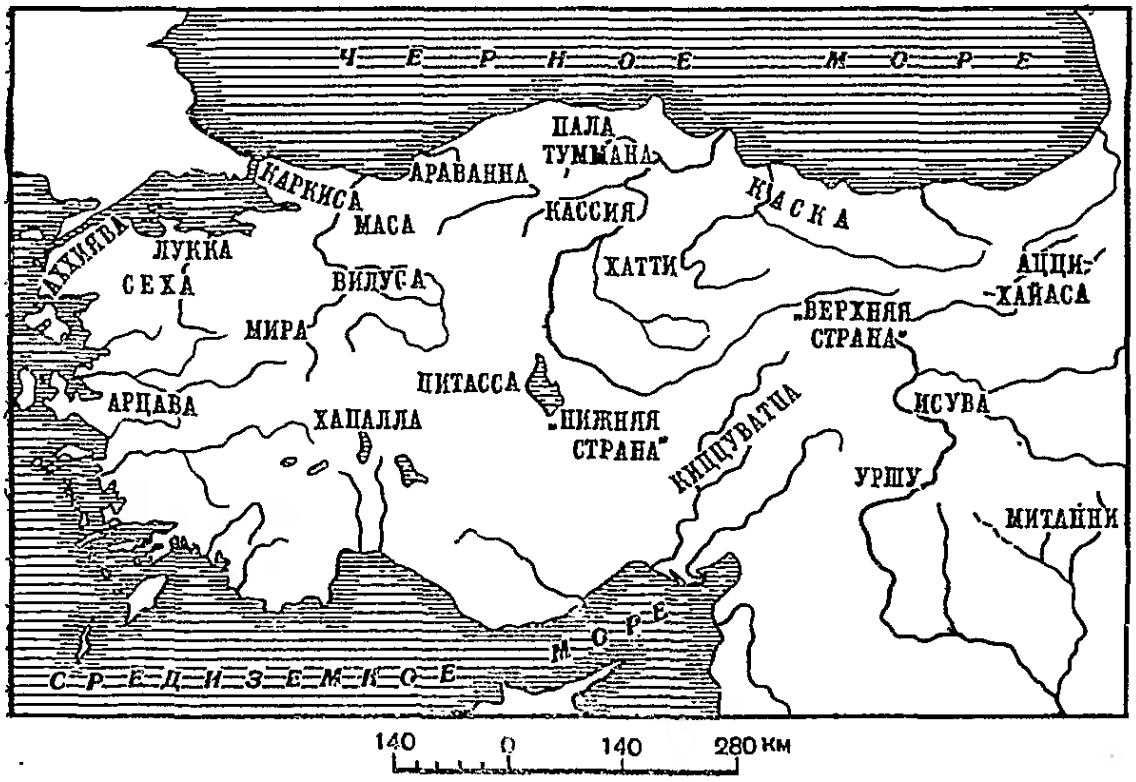
был широко распространен как разговорный язык во всем обширном регионе, включавшем Западную Анатолию и Грецию. Предполагалось, что именно лувийский (а не греческий) был занесен в Грецию в начале среднеэлладского периода (около 1900 г. до н. э.) или даже позднее, в период «шахтных гробниц» (около 1600 г. до н. э.). Однако давно уже было отмечено поразительное сходство местных названий этого типа и названий поселений раннеэлладской культуры II [15]. Корни многих явлений эгейского раннебронзового века скорее всего следует искать в Западной Анатолии. А поскольку эта область, как говорилось выше, была населена протолувийцами, можно с уверенностью говорить о широком их распространении на территории всей Греции. Исходя из этой гипотезы можно предположить, что греческий язык не был первым индоевропейским языком в Греции, ему предшествовал «протолувийский» лингвистический элемент, широко распространенный в начале раннего периода бронзового века.

Глава III

ХЕТТЫ И ИХ СОСЕДИ

В первой главе мы отметили, что торговые связи между Анатолией и Ассирией практически прервались, когда торговые пути были захвачены все более активизировавшимися хурритскими государствами Северной Месопотамии. Мы видели также, как цари Куссары воспользовались этой ситуацией и взяли под свой контроль бóльшую часть Центральной Анатолии. Перемещение их столицы на запад, в Канес (Несу), скорее всего было вызвано давлением со стороны хурритов, поскольку сам Куссар оказался слишком близко от этих новых врагов, становившихся все более опасными. Однако и в Центральной Анатолии возникали свои проблемы, ибо здесь имелись беспокойные соседи. По-видимому, присутствие именно таких соседей, в частности на северных границах нового царства, заставило одного из правителей царского дома поступиться престижными соображениями в пользу стратегических и воздвигнуть на месте давно покинутого, но хорошо защищенного благодаря своему природному положению городка около 1650 г. до н. э. новую твердыню — Хаттусу.

Наступление хурритов продолжалось, и вполне возможно, что, после того как они захватили восточные провинции, Хаттусили — «Хаттусский», как именовал себя к тому времени местный царь,— решил, что теперь он стал независимым монархом и пришло время показать свою силу. Направление его завоеваний диктовалось прежде всего экономическими соображениями, ибо потеря связей с Ассирией означала потерю главных поставщиков олова и необходимо было найти им замену. Оставался единственный, как уже говорилось, путь — через долину Евфрата и Вавилон к побережью Средиземного моря. Вся политика царя была устремлена на захват этого пути. Политику Хаттусили в

Алеппо.

общих чертах нетрудно проследить по сохранившимся документам того времени и по более поздним записям. Единственное, что вносит в них путаницу,— это стремление хеттских летописцев возводить начало экспансии хеттов к некоему мифическому правителю Лабарне, который якобы правил до Хаттусили. Однако сегодня мы с достаточной степенью уверенности можем утверждать, что все события, которые они относили к временам Лабарны, в действительности происходили в царствование самого Хаттусили.

Хеттский царь начал с завоевания городов, лежавших между его столицей и Киликийскими воротами. После того как эти города были захвачены, он двинулся в глубь Киликии и шел до Средиземного моря. Здесь он построил крепости, подобные Мерсину (до недавнего времени археологи относили его к более позднему периоду), и подготовился к захвату главного торгового пути. Прежде всего ему пришлось бороться с Халебом *, который держал в своих руках северную часть этого пути. Однако Халеб оказался слишком сильным, чтобы с ним можно было покончить одним ударом, поэтому хеттский царь сначала двинулся на

* Хурритское царство Ямхад в Северной Сирии; современный Алеппо.

Алалах* и таким образом лишил Халеб выхода к морю. Благодаря тщательным раскопкам, произведенным в Алалахе, мы можем сопоставить нападение хеттов с разрушениями, обнаруженными в слое VII, и датировать их: это произошло между 1650 и 1630 гг. до н. э.[16].

После захвата Алалаха Хаттусили двинулся дальше на север, к Уршу, союзнику Халеба. Но внезапно он изменил свои планы полностью изолировать своего главного врага и направился к Арцаве — одной из самых могущественных держав Западной Анатолии**.

К сожалению, письменных документов, относящихся к этому району, еще не обнаружено, поэтому нам приходится опираться только на археологические находки и на отдельные замечания в текстах других народов, главным образом хеттов и египтян. Даже расположение некоторых западных государств до сих пор вызывает споры между учеными; например, одни помещают Арцаву юго-западнее родины хеттов, в современном турецком Озерном районе, а другие, правда с большей степенью достоверности,—на западе, где позднее находился центр Лидии, столица же Арцавы, по их мнению, располагалась на морском побережье, близ Смирны или Эфеса. Дело в том, что вся география Западной Анатолии II тысячелетия до н. э. в настоящее время значительно изменена, и сейчас установить очень сложно, где и что в действительности находилось почти четыре тысячи лет назад. Арцава была объединяющим центром всего района, и вокруг нее группировались «страны Арцава» — государства, тесно связанные с Арцавой языковыми и династическими узами. Это были Мира — к востоку от Арцавы, Хапалла — к юго-востоку от нее и «страна реки Сеха» — к северу от Арцавы. Вилусу тоже иногда считают страной Арцавы. Вилуса, по-видимому, находилась на плодородной равнине Эскишехир или поблизости от нее, хотя многие ученые и отождествляют Вилусу с названием «В'илион»*** и поэтому относят ее к Трое.

---

* Алалах — современное городище Тель-Атчана — одно из важнейших хуррито-семитских государств Северной Сирии.

** Во время похода в Северную Сирию Хаттусили I одержал победу и над Уршу (Варсувой) и Хашшу (Хассувой) — крупными городами этой области.

*** Греч. (гомеровское) Илион. Илиос [от более древней формы (В)илиос] — название Трои. Оно связывается с именем Ила — легендарного основателя троянского царства.

Другие западные страны Анатолии вызывают еще больше споров. Страну Лукка часто отождествляют с Ликией, однако они, по всей вероятности, располагались на северо-западе, скорее всего вдоль южного побережья Мраморного моря. Каркису и Масу тоже вряд ли можно отождествлять с появившимися гораздо позднее Карией и Мизией: должно быть, они находились к востоку от страны Лукка, где-то поблизости или же на берегу Измитского залива.

Остаются Миллаванда и Аххиява, и тут возникает самый спорный вопрос. Еще в 1924 г. Э. Форрер предположил, что аххиявцы, упомянутые в хеттских текстах, в действительности были ахейцами Гомера, а следовательно, микенскими греками. Однако мнения ученых резко разделились: одни поддерживали эту теорию, другие отвергали.

Ученые прогреческого направления утверждают, что хетты и микенцы не могли не вступить в контакт в бассейне Эгейского моря и в Восточном Средиземноморье и что контакт этот имел место, а потому сходство между названиями «ахейцы» и «аххиявцы» отнюдь не случайно.

«Антимикенцы», со своей стороны, заявляют: археологических свидетельств о подобном контакте слишком мало, тексты не содержат никаких данных о том, что Аххиява находилась за пределами Анатолии, и, кроме того, с точки зрения филологии отождествить названия «ахейцы» и «аххиявцы» невозможно.

В конфликте такого рода необходимо занимать четкую позицию, и автор сразу заявляет, что он целиком на стороне «антимикенцев». Эта позиция основана на более широком знакомстве с географией Анатолии. Аххиява и прибрежный город Миллаванда, находившийся под влиянием Аххиявы, были тесно связаны с такими государствами, как Лукка и «страна реки Сеха», которые (по мнению автора) располагались в северо-западной части Анатолии. Микенская же теория в основном опирается на отождествление Миллаванды с Милетом, где находилось известное микенское поселение. Но как ни привлекательно на первый взгляд такое отождествление, оно приводит к значительным затруднениям при локализации других государств Западной Анатолии и потому не может быть принято. Следует также отметить, что позиция противников этой промикенской теории опирается на неопровержимые данные

и совсем недавно получила убедительную поддержку в трудах проф. Д. Л. Пейджа и других авторов. Приводимая ниже историческая реконструкция исходит из предположения, что Аххиява находилась в северо-западной части Анатолии и, вполне возможно, включала европейское побережье Мраморного моря. Несогласные с этим могут создавать свою собственную историческую карту и соответственно по-своему интерпретировать события. Однако автор, отстаивая свою точку зрения, утверждает, что только география при описанном выше расположении государств и исторические события Анатолии соответствуют общему плану экономических нужд и усилия отдельных государств имеют рациональные и оправданные цели, а не являются следствием капризов отдельных правителей.

Теперь наконец, пожалуй, можно вернуться к Хаттусили и его кампании против Арцавы. Цель этого похода нам неизвестна. Возможно, Хаттусили был атакован с тыла, когда его внимание занимали боевые действия на юго-востоке, а возможно, эта экспедиция была связана с походом, приписываемым более поздним текстом Лабарне, когда были завоеваны и Арцава и Вилуса. Какое же значение имела Вилуса? Достаточно взглянуть на карту, и станет сразу видно, что Вилуса лежала на одном из древнейших торговых путей из страны хеттов в Северо-Западную Анатолию и далее через проливы в Европу. Не так давно было высказано предположение, что это был также основной «путь олова», ведший тогда к богатым рудникам Богемии [17]. Центральная Европа, безусловно, имела торговые связи, распространявшиеся вплоть до Сирии уже в начале II тысячелетия до н. э. [18], а к концу его этим торговым путем пользовались и микенцы, о чем свидетельствуют находки предметов со спиральным орнаментом. Однако такие изделия, возможно, изготовлялись и в самой Северо-Западной Анатолии. Во всяком случае, при раскопках вдоль этого пути до сих пор не обнаружено ни керамики, ни каких-либо других предметов, которые бы имели несомненно микенское происхождение. Западная Анатолия не намного богаче оловом, чем Центральная, и, по-видимому, Богемия была важнейшим источником олова для царей Арцавы. Поэтому закономерно предположить, что завоевание Арцавы и установление союза с Вилусой, длившегося несколько столетий, преследовали ту же цель, что ставил пе-

ред собой и Хаттусили, когда напал на Алалах и на юго-восточный торговый путь. В обоих случаях целью походов было олово.

Хурритское контрнаступление вскоре заставило Хаттусили отойти назад, на восток. Почти вся страна Хатти, за исключением столицы, была захвачена, однако год-два спустя хеттский царь оттеснил их за перевалы Тавра и продвинулся до Евфрата. По-видимому, примерно в это же время была отвоевана древняя столица Куссар, имеются сведения об успехах хеттов на северо-восточных границах. И в этом районе основной целью правителей была дорога к важным металло-рудным источникам.

Несмотря на все эти успехи, Хаттусили не смог победить своего главного противника — Халеб. И, по-видимому, был смертельно ранен во время одной из этих кампаний.

После его смерти лавры победителя и завоевателя Северной Сирии достались его внуку и преемнику Мурсили. Последнему пришла в голову мысль, что там, где силой ничего не достигнешь, может принести успех дипломатия, и он решил перекрыть важнейший торговый путь, надеясь извлечь из этого немалую выгоду. Халеб, лежавший на северном конце этого пути, был еще слишком силен и не поддавался давлению хеттов. Вавилон, расположенный на противоположном конце этого пути, был слаб, но являлся союзником Халеба. Однако в среднем течении Евфрата исчезло государство Мари, и на его месте возникло новое сильное царство — Хана. Оно в отличие от Вавилона и Халеба не было в зависимости от аморитов, но вскоре попало под влияние касситов, чужеземного народа с Иранского нагорья. Естественный шаг в сложившейся ситуации — вступить в союз с Ханой, чтобы изолировать Халеб, подорвать его торговлю и благосостояние; вполне возможно, что такой шаг был сделан. Свидетельств о том, что произошло в действительности, довольно мало, однако известно, что около 1595 г. до н. э. Мурсили захватил и разрушил Халеб.

Таким образом, юго-восточный торговый путь попал под контроль хеттов — во всяком случае, до среднего течения Евфрата. Мурсили добился своей цели, но союзника, царство Хану, это не удовлетворило, и Мурсили, убежденный, что впереди его ждут еще более славные завоевания, устремился вниз по долине Ев-

фрата и ворвался в Вавилон. Династия Хаммурапи сдалась на милость победителя, и хетты впервые вышли на международную арену.

Впрочем, захват Вавилона был не более чем кратковременным налетом. Хеттскому царю вовсе не нужен был контроль над торговым путем на всем его протяжении, и, оставив часть вавилонских сокровищ своим союзникам в Хане, Мурсили вернулся на родину. К этому его еще вынудили непрекращающееся давление хурритов, которое не позволило бы ему удержать пусть завоеванную, но слишком уж отдаленную страну, и дворцовые интриги в Хаттусе. Вскоре Мурсили был убит своим шурином, и после его смерти хетты постепенно теряют все свои завоевания.

При преемнике Мурсили хурриты снова двинулись через Северную Сирию. Теперь их предводителями были цари индоарийского происхождения. Они ворвались в Киликию.

Племена с северных холмов захватили священный город Нерик и снесли укрепления самой хеттской столицы Хаттусы. Арцава обрела прежнюю независимость. Ко времени восшествия на престол Телепину (около 1500 г. до н. э.) царство хеттов снова занимало только Центральную Анатолию. Но Телепину сумел укрепить свои позиции и двинулся на Северную Сирию. Он одержал ряд побед в районе гор Антитавра и заключил союз с правителем Киццуватны, нового государства, основанного в Киликии царями хурритов, или индоарийской династии.

Вместе с Телепину приходит к концу период, известный как Древнее царство. Успехи его были эфемерны, однако политика его царей указала направление, которому в основном следовали все монархи поздней, еще более крупной хеттской империи (1450—1200 гг. до н. э.). Изучение истории этой империи недавно осложнилось тем, что ряд документов, ранее отнесенных к царствованию Тудхалии IV, правившего в конце этого периода, теперь, и, по-видимому, с достаточным основанием, следует относить к правлению более раннего Тудхалии, возможно, даже первого монарха с этим именем, который царствовал в первые годы империи.

Темный период между Древним царством и Новохеттским, называемый иногда Среднехеттским царством, свидетельствует об упадке хеттов. Единственный договор с царем Киццуватны говорит о временном ус-

пехе в борьбе с хурритами, которые объединились на севере Месопотамии, создав царство Митанни, и жаждали захватить контроль над всеми торговыми путями вдоль Евфрата. В этот же период Северная Сирия с ее процветающей торговлей и природными богатствами привлекала аппетиты еще одной могучей державы — Египта. В 1471 г. до н. э. фараон Тутмос III двинулся вверх по левантийскому побережью и захватил Халеб.

Это новое соперничество пришлось хеттам весьма не по душе, однако им ничего не оставалось, как платить до поры до времени Египту дань и выжидать подходящий момент для взятия реванша. Такой случай вроде бы представился в 1450 г. до н. э., после смерти Тутмоса III, когда Халеб восстал против Египта. Но хотя восстание это, по всей вероятности, было подготовлено самими хеттами, неблагодарные граждане Халеба предпочли призвать в союзники не их, а Митанни. Таково было положение, когда на трон вступил Тудхалия I. Он действовал решительно и быстро. Прежде всего возобновил союз с Киццуватной, а еще через год-два после восшествия на престол сумел разгромить и Халеб и Митанни. Юго-восточный торговый путь снова оказался под контролем хеттов.

Затем Тудхалия повернул на запад и пошел походом против Арцавы и «страны реки Сеха». На северо-западе Анатолии непосредственно на пути в Европу или вблизи него несколько небольших государств объединились в федерацию под названием Ассува. В поздних документах это название не встречается, поэтому можно предположить, что после своего поражения Ассува снова распалась на отдельные мелкие царства. В это же время в хеттских текстах впервые упоминается Аххиява как название враждебной страны, правитель которой по имени Аттарсия по крайней мере дважды нападал на хеттского вассала Маддуватту. Но, несмотря на временные успехи, Тудхалии, по-видимому, не удалось сохранить надолго контроль над северо-западным путем.

Волнения происходили и на северных границах царства хеттов, в стране Каска, а также на востоке, где хурриты, пытаясь взять реванш за неудачи в Северной Сирии, обхаживали правителей Армянских гор. Вполне возможно, что Тудхалия вел кампанию против страны, расположенной на северо-востоке Анатолии, известной под названием Ацци, или Хайаса, и наверняка воевал

против Исувы, государства в долине Евфрата, примерно в районе современного Элязыга. Об этой кампании мало что известно, но следует отметить, что на границе Исувы находились самые крупные медные рудники на всем Ближнем Востоке (близ современного Эргани-Мадена). Они были известны ассирийским купцам уже много столетий; и тот факт, что они находились в пограничном районе между страной Хатти и Митанни, объясняет враждебное соперничество этих двух народов.

После царствования Тудхалии у хеттов начался новый период бедствий. Северная Сирия и Киццуватна были вскоре потеряны, и враги со всех сторон — Каска с севера, Ацци (Хайаса) с северо-востока, Исува с востока и многие другие соседние государства — обрушились на Хаттусу и сожгли город дотла. Царство хеттов настолько ослабло, что правитель Арцавы просто игнорировал их, когда двинулся походом через Южную Анатолию к Киликийским воротам. Он сам был заинтересован в юго-восточном торговом пути и явно намеревался заменить хеттов на международной арене. Об этом можно судить по письму из Эль-Амарны, о котором упоминалось во второй главе. В нем говорилось о том, что царь Арцавы путем женитьбы пытался установить династическую связь с царствующим домом Египта. Неизвестно, удалось ли ему это, но сам факт, что он выступал с такими претензиями, свидетельствует о том, что он считал себя равным другим великим царям ближневосточного мира.

Однако взлет Арцавы продолжался недолго. Около 1380 г. до н. э. власть в стране хеттов захватил энергичный, молодой царь по имени Суппилулиума, который еще до вступления на трон доказал своими победами на северо-востоке, севере и северо-западе, что он может успешно бороться с любым врагом. Однако первое его нападение на Митанни закончилось неудачей. Тем не менее ему, по-видимому, удалось временно отвоевать Исуву. Позднее Исува была им захвачена уже надолго, а Киццуватна и «страна Хурри», могучий соперник Митанни в Северной Сирии, были связаны с хеттами прочным союзом. Таким образом, Суппилулиума находился уже в более выгодном положении, когда он снова двинулся на Митанни. Очень скоро он захватил все земли к западу от Евфрата, затем и самое значительное государство в Северной Сирии — Халеб,

и хетты вновь прочно заняли ключевые позиции на торговом пути вдоль Евфрата.

Суппилулиума не стал повторять ошибки своего предшественника, не пошел вниз по реке на Вавилон. Вместо этого он ловко добился своей цели, женившись на дочери вавилонского царя. Затем нападение митаннийцев на Исуву послужило ему предлогом начать против Митанни широкую кампанию, которая закончилась захватом столицы и окончательным ее разгромом. Наконец, Суппилулиума двинулся на Кархемыш — сильное государство, расположенное в районе, где Евфрат ближе всего подходит к Средиземноморскому побережью. После его захвата хетты уже имели в Северной Сирии постоянное превосходство. Кархемыш и Халеб превратились в вассальные города-государства, где правили двое сыновей Суппилулиумы. Потенциальная угроза с востока, со стороны Ассирии, которая обрела независимость после падения митаннийского царства, была уравновешена созданием новой Митанни, подчиненной хеттам и игравшей роль буферного государства между новыми хозяевами и бывшими подданными. Даже Египет до какой-то степени попал в сферу хеттского влияния. Не случайно вдова Тутанхамона обратилась к Суппилулиуме с мольбой дать ей в мужья одного из своих сыновей. К несчастью для хеттского царя, по дороге в Египет его сын был убит, и предполагавшийся брачный союз не состоялся.

На западе Суппилулиуме не удалось добиться столь больших успехов. Он разгромил войско Арцавы еще до того, как взошел на трон, а вскоре после прихода к власти оттеснил арцавцев от подступов к Киликийским воротам и заставил их отступать через всю долину Коньи, вплоть до Миры и Хапаллы. Однако весьма сомнительно, чтобы ему удалось захватить земли самой Арцавы, и она представляла собой постоянную угрозу на юго-западных границах хеттского царства.

На северо-западе положение было иным. Суппилулиума зависел от поставок олова, необходимого для вооружения своей армии в Сирии, поэтому он прилагал все усилия, чтобы этот торговый путь оставался открытым. «Страна реки Сеха» в целом была достаточно эффективным буфером против агрессии со стороны Арцавы. К тому же Аххиява была теперь дружественной державой, возможно связанной с хеттами союзом. Единственная опасность возникла в конце царствова-

ния Суппилулиумы, когда Арцава уговорила Миллаванду восстать против хеттов и обратиться за помощью к Аххияве; Мира и «страна реки Сеха» тоже примкнули к восставшим, и ситуация создалась довольно грозная. Сам Суппилулиума был в это время поглощен делами в Северной Сирии и не мог заняться восстанием; эту проблему пришлось решать его сыну Мурсили II.

На северо-востоке Суппилулиуме удалось заключить союз с царем Ацци (Хайасы), но северные *каски* оставались постоянным источником волнений, и каждый год приходилось вести военные кампании, чтобы отражать их бесконечные нападения.

Суппилулиума умер около 1346 г. до н. э. от чумы, занесенной его воинами из Сирии после очередного похода. Его старший сын вскоре тоже скончался, и трон достался младшему сыну, Мурсили II, который оказался достойным наследником своего отца. К счастью для него, в тот момент не было необходимости защищать юго-восточный торговый путь. Буферное государство Митанни, укрепленное войском Кархемыша, само какое-то время могло сдерживать агрессивные действия Ассирии, а Египет все еще не оправился после периода слабости и упадка и пока не намеревался распространять свое влияние на Северную Сирию. Таким образом, Мурсили смог вплотную заняться северо-западным торговым путем. Миллаванда, причинявшая столько хлопот в конце царствования его отца, была быстро разгромлена. И тогда Мурсили повел широкое и весьма стремительное наступление на земли самой Арцавы. В результате в Арцаве были посажены правители из прохеттской царской семьи, а Миру, Хапаллу и «страну реки Сеха» он превратил в вассальные государства, связанные с хеттами тесными узами договоров. Таким образом, Арцава оказалась окруженной цепью государств, отделявших ее и от страны хеттов, и от источников олова. Теперь Мурсили надеялся, что запад больше не будет его беспокоить, и его политика действительно оказалась удивительно прозорливой: ни сам он до конца своих дней, ни его ближайшие преемники не испытывали никаких беспокойств с этой стороны.

И на севере Мурсили добился не меньшего успеха. Каски продолжали нападать, и в конце концов Мурсили воздвиг перед ними линию пограничных крепостей,

которые помогли ему если не разгромить, то, во всяком случае, остановить неуемного противника. На востоке опять восстала Ацци (Хайаса), но снова была покорена, а в Сирии Митанни, подпавшая на какое-то время под власть ассирийцев, также была, по-видимому, отвоевана. Во всей империи были установлены четкая организация и строгий контроль, осуществляемый через вассальные государства, и эта политика становилась все более необходимой по мере возрождения интересов Египта к Северной Сирии.

Последние годы правления Мурсили были наверняка посвящены подготовке к неизбежному столкновению двух великих держав, и нет никаких сведений о продолжении экспансионистской политики хеттов в этот период. Далеко на северо-западе какое-то беспокойство причинял Пийамаратус из Миллаванды, мятежный вассал, перекинувшийся на сторону Аххиявы. Озабоченный возрастающей египетской угрозой, Мурсили ограничился лишь быстрой экспедицией в Миллаванду против Пийамаратуса, который бежал на территорию, подвластную Аххияве. Его условия были, по-видимому, выполнены, скорее всего Пийямаратус дал слово в будущем вести себя благоразумно и был возвращен на свой трон.

О царствовании Муваталли (около 1306—1294 гг. до н. э.) почти не сохранилось документальных свидетельств, должно быть, потому, что нападения *касков*, разрушивших Хаттусу, и опасность со стороны Египта вынудили Муваталли перенести свою столицу южнее — по-видимому, в район современного Карамана [19].

Возрастающая угроза с юга заставляла хеттов заботиться о том, чтобы на западных границах царило спокойствие: это было им жизненно необходимо. Однако Арцава по-прежнему вызывала тревогу, а на северо-западе коварный Пийамаратус снова затевал смуту. Таким образом, возникла необходимость проведения быстрой западной кампании, и, хотя мы не знаем никаких подробностей, она явно завершилась успехом: была подтверждена верность вассальных государств, царю Арцавы предоставили весьма лестное для него привилегированное положение, а «страна реки Сеха», буферное государство между Арцавой и «дорогой олова», оказалась еще теснее привязана к империи хеттов. В результате всех этих действий, когда египтяне наконец напали на Муваталли, в его армии был значитель-

ный контингент воинов из западных стран. И все же контроль хеттов над этими странами был недостаточно прочным; сам Муваталли смотрел на запад как на очаг потенциальной угрозы, где в любой момент могли вспыхнуть восстания.

Вдоль северной границы продолжались нескончаемые стычки с *касками*, но все они, за исключением одной, с успехом отражались на линии крепостей, построенных еще Мурсили. А это означало, что северных соседей можно было сдерживать сравнительно малым числом войск. Таким образом, Муваталли смог почти все силы хеттской империи сосредоточить там, где они нужны были больше всего,—в Северной Сирии, когда туда вторгся египетский фараон Рамсес II. И когда в 1300 г. до н. э. две армии встретились при Кадеше, на берегу р. Оронт, победа досталась хеттам, которые надолго оставили за собой контроль над всей Северной Сирией[20]. Однако война эта нанесла хеттам серьезный урон, ибо, пока Муваталли собирал силы для отражения египтян, Ассирия воспользовалась этим, разгромила Митанни и превратила ее в своего вассала.

Так, несмотря на славную победу при Кадеше, хеттская империя оказалась под угрозой одновременно с запада и с востока. Когда Муваталли умер (около 1294 г. до н. э.), положение резко ухудшилось. Во время своего короткого царствования его сын Урхи-Тешуб, который взошел на престол под именем Мурсили III, в основном занимался раздорами со своим дядей Хаттусили, справедливо подозревая его в претензиях на трон. Из-за этих раздоров страны Западной Анатолии разделились на два лагеря: «страна реки Сеха» решительно встала на сторону Хаттусили, в то время как Мира и, возможно, Аххиява поддерживали Мурсили III. Трудно сказать, как развивались события, но около 1287 г. до н. э. Хаттусили сверг, а потом изгнал Мурсили, и с тех пор большая часть стран Западной Анатолии не фигурирует в текстах. Хаттусили хвастался, что все, кто был верен его предшественникам, сейчас преданы ему, однако нет почти никаких свидетельств, что эта похвальба относится и к Западной Анатолии. Можно лишь предположить, что Арцава воспользовалась ситуацией и избавилась от контроля хеттов. Только на северо-западе, вдоль «дороги олова», хетты еще пытались отстаивать свои интересы. В отрывочных анналах Хаттусили упоминается о сраже-

Рис. 11.
Хаттусили III с дочерью, сосватанной за Рамсеса II (с египетского рельефа в Абу-Симбеле)

нии с Луккой, а «страна реки Сеха» осталась под властью хеттов. Миллаванда также, по-видимому, снова стала вассалом хеттов, а с Аххиявой они по-прежнему обменивались дружественными дарами.

Положение в Сирии оставалось не менее серьезным. Египет был разгромлен, однако ассирийский царь Ададнирари I воспользовался восстанием в Митанни, чтобы захватить все ее земли вплоть до Евфрата. Таким образом, юго-восточный торговый путь оказался под непосредственной угрозой. Хетты поспешно заключили временный союз с Вавилоном, и, наконец, общая опасность со стороны Ассирии объединила хеттов и египтян. Согласно договору Северная Сирия фактически осталась под контролем хеттов и египтяне отказались от всех претензий на эти земли, однако это соглашение явно мало что значило в действительности. Пока хеттский царь вел приготовления к свадьбе своей дочери с Рамсесом или договаривался о встрече на высшем уровне где-то в Палестине, ассирийцы укрепляли свое положение на востоке и занимали позиции на холмах, окружавших Анатолию. Развязка наступила после смерти Хаттусили (около 1265 г. до н. э.), когда на трон взошел его сын Тудхалия IV, а в Ассирии после Ададнирари I царем стал Салманасар I. В результате похода к берегам Евфрата и сражения близ Малатии Салманасар окончательно вырвал из рук хеттов конт-

роль над медными рудниками Исувы. Потеря этого богатейшего источника металла была для хеттского царя тяжелым ударом, хотя он и был частично смягчен тем, что хеттским войскам удалось в районе Кархемыша остановить дальнейшее продвижение ассирийцев. Это означало, что порты сирийского побережья остались в руках хеттов. Очевидно, не без помощи сирийского флота Тудхалия атаковал и захватил о-в Кипр, где находились богатые залежи меди, недоступные для ассирийцев. Чтобы обезопасить себя на будущее, хетты заключили договор с Амурру — государством на сирийском побережье, который запрещал какие бы то ни было торговые отношения между Амурру и Ассирией.

Таким образом, вдоль юго-восточного торгового пути позиция хеттов пока оставалась довольно благоприятной. Однако давление с северо-запада все возрастало. Беспорядки в «стране реки Сеха», вызванные, по-видимому, происками Миллаванды, за спиной которой стояла Аххиява, Тудхалии IV удалось успешно подавить, однако контроль над этим торговым путем явно ускользал у него из рук. Аххиява становилась все сильнее и считалась — пусть временно, а может быть, даже и ошибочно — одной из наиболее могущественных держав на Ближнем Востоке. Арцава также, очевидно, играла все более значительную роль, однако ее взаимоотношения с другими странами Анатолии и с микенскими греками на побережье Эгейского моря недостаточно ясны и требуют дополнительных документальных подтверждений. Зато несомненно одно: хеттская империя стремительно приближалась к закату.

Преемники Тудхалии IV почти ничего не могли сделать, чтобы выправить положение. Около 1240 г. до н. э. ассирийский царь Тукульти-Нинурта I пересек Евфрат и угнал в неволю тысячи хеттских подданных. В Сирии вассальные государства все с большей неохотой выполняли свои договорные обязательства, на севере *каски* постоянно угрожали границам империи, а на северо-западе царило предгрозовое затишье.

Политика хеттов ненадолго оживилась в царствование Суппилулиумы II. Он вновь добился верности от своих сирийских вассалов, усмирил взбунтовавшийся Кипр и даже совершил поход в Верхнюю Месопотамию, во время которого, по-видимому, отвоевал медные рудники Исувы, ускорив этим закат Тукульти-Нинурты I. Но все это оказалось напрасным.

Однако смертельный удар нанесла империи хеттов не Ассирия. На северо-западе в это время началась великая миграция народов, которая дошла до границ Египта [21]. О причинах этого гигантского переселения и о том, какие народы в нем участвовали, до сих пор идут жаркие споры. Одно несомненно, что к тому времени, когда волны нашествия докатились до Египта, в это движение уже были вовлечены народы и Эгейского побережья, и Анатолии.

Независимо от этнического состава пришельцев их вторжение в Анатолию означало только одно — ее гибель. Прежде всего был перерезан северо-западный торговый путь. Арцава, старый соперник хеттов, тоже не смогла им воспользоваться, так как, в свою очередь, была сметена ордами иноземцев, когда они двинулись вниз от эгейских берегов дальше вдоль Средиземноморского побережья. Киликия пала, затем был захвачен Кипр, а с ним исчез крупнейший источник медной руды. Наконец, захватчики достигли Северной Сирии и разорили ее, перерезав вторую жизненно важную артерию хеттов. О том, что случилось затем в Хаттусе, нам почти ничего не известно. Эгейские мореплаватели больше не поднимались вверх по Галису, однако центр империи был настолько ослаблен потерей торговых путей, что уже не мог отражать нападения вездесущих *касков* и их северных и восточных соседей. Страна хеттов была разорена, а ее столица сожжена дотла.

Так исчезла империя хеттов и вскоре была забыта. Более двухсот пятидесяти лет она занимала на Ближнем Востоке место ведущей державы благодаря своей политике — контролю над торговыми путями, по которым доставлялось жизненно важное сырье. Эту политику предопределили монархи Древнего царства и полностью осуществили правители времен империи. Именно она дала хеттам силу и авторитет, с которым не могло тягаться ни одно государство Ближнего Востока. Только возникновение в этом регионе совершенно нового фактора и варварское нашествие, перерезавшее торговые пути на северо-западе, привели эту политику к поражению, означавшему, по словам проф. А. Гётце, конец эпохи.

Пожалуй, сейчас уместно упомянуть многочисленные ошибочные теории относительно источника могущества хеттов. Первая из них заключается в следующем: хетты захватили господствующее положение бла-

годаря тому, что только они знали секрет производства оружия из железа. Но о таковом, насколько известно, нет ни единого свидетельства [22].

Вторая объясняет превосходство хеттов тем, что ими правила индоевропейская аристократия. Миф о сверхразуме индоевропейцев давно развеян, но, может быть, здесь стоит еще раз подчеркнуть, что, во-первых, ко времени создания Древнего царства (около 1650 г. до н. э.) нашествие племен, говорящих на индоевропейском языке, было для хеттов делом далекого прошлого и, во-вторых, у нас нет или почти нет достоверных источников, которые свидетельствовали бы, что классовая структура хеттского царства строилась по языковым или расовым признакам. Хетты, подобно другим народам до и после них, представляли собой смешение различных рас.

И, наконец, кое-кто утверждает, будто хетты были ордой полудиких народов, хлынувших около 1595 г. до н. э. в долину Месопотамии, где чудеса древних цивилизаций приводили их в крайнее удивление.

Надеюсь, я уже достаточно убедительно показал, что Анатолия задолго до похода хеттов на Вавилон была далеко не варварской страной, как ее представляет последняя «теория». Наоборот, ее традиции были не менее древними, а уровень культуры не ниже, чем в большинстве других стран Ближнего Востока того периода. Я постарался также показать, что интересы хеттов в Месопотамии основывались на экономических принципах, которые гораздо рациональнее варварской алчности.

Крушение политических объединений, таких, как империя хеттов и Арцава, вовсе не означало полного уничтожения в Анатолии народов, говоривших на индоевропейских языках. Лингвистические и археологические изыскания постепенно рассеивают мрак «темных веков», последовавших за вторжением «народов моря». Проясняются процессы, происходившие в этот период в Анатолии, в результате которых образовались новые политические объединения. Многое еще остается неясным в этой области, но несомненно одно: нельзя считать эти четыре столетия периодом почти полного хаоса.

Анатолия продолжала играть значительную роль в жизни Эгейского бассейна и Ближнего Востока. Ее ог-

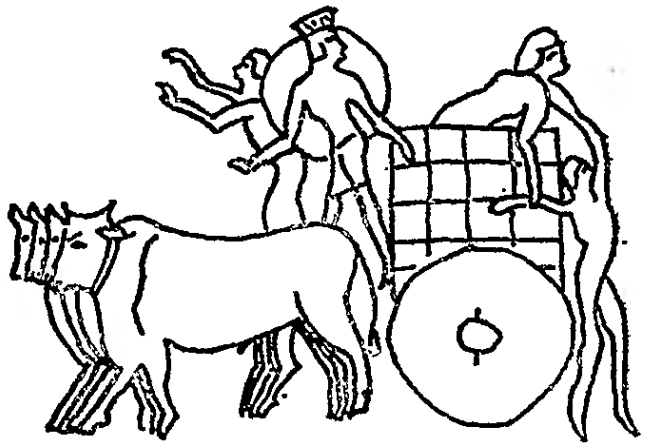

Рис. 12. «Народы моря» (с египетского рельефа в Мединет-Абу)

ромные природные богатства привлекали соседние народы, а все возрастающее употребление железа после 1200 г. до н. э. еще более усилило эту тягу. Торговые пути предшествующей эпохи остаются главными ключами к пониманию этого периода. И если нам еще предстоит немало изучить и узнать о государствах, располагавшихся вдоль или вблизи северо-западного пути, то историю борьбы за юго-восточный торговый путь мы можем уже сейчас воссоздать с достаточной степенью достоверности.

Государства, вовлеченные в эту борьбу, были по большей части новыми, возникшими и окрепшими в политическом вакууме, оставленном крушением империи хеттов. Но исторические традиции и язык связывали почти все эти молодые государства с их великим предшественником.

Первые упоминания о новой эпохе мы находим в ассирийских документах. Примерно в 1160 г. до н. э. ассирийские провинции Алзи и Пурукуззи, расположенные (и это знаменательно!) в районе медных рудников Эргани-Мадена, подверглись вторжению *мушков* * из Центральной Анатолии, а пятьдесят лет спустя, когда ассирийский царь Тиглатпаласар I предпринял контрнаступление, ему пришлось иметь дело уже не только с *мушками*, но и с *касками*. Безусловно, *каски* после падения империи хеттов распространились до Центральной Анатолии, и их союзники — *мушки*, видимо, пришли оттуда же, с севера. В самой Центральной Анатолии археологические находки свидетельствуют о том, что этот период характеризуется большим количеством крепостей мелких вождей и новой

* Племена, пришедшие с Балкан.

расписной керамикой так называемого «фригийского» стиля. Однако эта керамика, по-видимому, не связана с западом и до VIII в. до н. э. концентрировалась главным образом в Центральной Анатолии. Поэтому основанные на сравнениях с греческой геометрической керамикой теории, которые предполагают, что Центральная Анатолия до этого периода вовсе не подвергалась оккупации или была захвачена иноземцами ненадолго и частично, не подтверждаются археологическими свидетельствами и явно опираются на ложные предпосылки.

Продвижение ассирийцев к Анатолии не ограничивалось путем на Эргани-Маден. В 1110 г. до н. э. Тиглатпаласар I достиг района Малатии и окружил царство Мелитена, которое он называл «Великий Хатти». Позднее в этом же районе, возможно в Кархемыше, он столкнулся с другим царем «Великого Хатти». Из этого следует, что все политические объединения, претендовавшие на наследие империи хеттов, образовывались вдоль древних торговых путей и близ речных переправ. Обнаруженные свидетельства этих государств доказывают, что их языком был лувийский диалект, а письменность — «хеттская иероглифическая». Отсюда можно сделать вывод, что население состояло из местных жителей и народов, говоривших на лувийском языке, которых изгнало с плато продвижение *касков* и *мушков*. И те и другие народы давно уже входили в состав империи хеттов и имели основание считать себя ее законными наследниками.

Несмотря на выгодное стратегическое положение, эти «позднехеттские» государства не могли рассчитывать на абсолютный контроль над торговыми путями. У них были могучие соперники. Мы уже упоминали об ассирийском походе 1110 г. до н. э., а вскоре после этого появилась новая опасность в лице арамейцев, кочевых племен с восточного Евфрата, которым удалось захватить многие хеттские княжества и обосноваться там. Вторжение арамейцев нанесло большой урон не только «позднехеттским» государствам, но и Ассирии. Поэтому лишь около 900 г. до н. э. ассирийские армии вновь дошли до Северной Сирии и гор Анатолии.

В течение столетия государства Северной Сирии подвергались нашествиям со стороны Ассирии, но так и не были окончательно завоеваны, а только откупались богатой данью.

На Анатолийском плато все еще активно действовали *мушки*, главным образом в районах, примыкавших к Сирийской равнине. Но за ними уже просматривается самая могущественная держава Центральной Анатолии — Табал. Это государство с населением, говорившим на лувийском языке, видимо, концентрировалось в районе современного Кайсери. Именно ему предстояло играть все возрастающую роль в борьбе за торговые пути. Его связи с создателями расписной «фригийской» керамики, о которой шла речь выше, все еще довольно проблематичны, однако, пожалуй, правильнее назвать эту керамику «табальской», чем «фригийской».

Первым ассирийским царем, столкнувшимся с Табалом, был Салманасар III. Покорив расположенные южнее «позднехеттские» государства, он пересек в 838 г. до н. э. Аманус и двинулся через земли, которые некогда назывались Кицдуватна, а теперь Куэ. Города Киццуватны и Лавацантии (близ современных Сар и Эльбистан) сдались ему, а через два года он переправился через перевалы Антитавра и разрушил города Табала. Цари Табала сдались на милость победителя. Наиболее значительным из этих царьков был Тувати, чья иероглифическая надпись сохранилась в Топаде.

После этой победы Салманасар III повернул свою армию на юго-запад против Хубушни (современный Эрегли) и вернулся через Киликийские ворота, еще раз пройдя через Аманус.

Вековое давление арамейцев и ассирийцев на их горных северных соседей неожиданно привело к объединению доселе независимых племен в горах Армении и близлежащих районах и образованию государства Урарту. Примерно к 800 г. до н. э. эта новая держава была уже достаточно сильна и распространила свое влияние на западные государства вплоть до Мелитены и Табала и на другие, население которых говорило на лувийском языке. К 750 г. до н. э. даже царь Кархемыша был уже вассалом Урарту. Это столкнуло Урарту с Ассирией. В 742 г. до н. э. произошло решающее сражение, в котором победа досталась ассирийцам. После этого Урарту уже не претендовало на серьезное соперничество за природные ресурсы в Анатолии, а без его поддержки «позднехеттские» государства Северной Сирии не могли долго сопротивляться, и вскоре Ассирия их поглотила.

Затем ассирийские армии вновь появились на границах Анатолии, где Табал, управляемый в то время царем Вашу-Шарма, все еще оставался господствующей державой. Союзником Табала были многочисленные мелкие княжества, расположенные вдоль торговых путей через горы Тавра-Тухана (вблизи современного Нигдэ), где сидел правитель, оставивший нам свое изображение с иероглифическими надписями в Ивризе, Тунне (поблизости от Булгар-Мадена), в Иштунде (Каратепе на р. Джейхан) и в Хупесне (по-видимому, в современном Эрегли). И еще были *каски*, но их точное местонахождение в тот период нам неизвестно. И, наконец, к югу от гор Тавра и Антитавра лежало государство Куэ на равнинной местности, открытой для нападения ассирийцев.

Сначала все эти государства соглашались платить Ассирии дань, но эта покорность была только временной и обманчивой. Спустя несколько лет Табал снова начал проявлять строптивость и недовольство, а Урикки (которого в иероглифических надписях именуют «Аварикус из Адана»), царь Куэ, завязал тайную переписку с Урарту. К счастью для Ассирии, опасные послания из Куэ в Урарту шли через земли *мушков*, где и были перехвачены правителем Митой, все еще лояльным к Ассирии. Дальнейшие события нам неизвестны, и царь Урикки из Куэ больше нигде не упоминается. А в 730 г. до н. э., в свою очередь, был свергнут с трона Вашу-Шарма из Табала, и его место занял «безродный», но верный Ассирии царек Хулли́.

Но и этого оказалось недостаточно, чтобы обеспечить лояльность анатолийских государств, ибо уже в 717 г. до н. э. в Табале снова начались волнения и вокруг него образовалась целая антиассирийская коалиция, включавшая прежде всего лояльного царя *мушков* Миту и даже царя Кархемыша. Ассирийцам пришлось действовать. Они захватили Кархемыш. Мита пытался пробиться через территорию Куэ, но был оттеснен и разгромлен в своем собственном царстве. И, наконец, Хулли́ в Табале был заменен его сыном Амбарисом, которого из дипломатических соображений женили на одной из ассирийских принцесс; в приданое за ней Амбарис получил провинцию Хилакку, расположенную, по-видимому, вблизи современного Карамана. Но в конце концов и Амбариса свергли с трона, и в 712 г. до н. э. Табал превратился в ассирийскую провинцию.

Падение этого наиболее значительного царства Центральной Анатолии означало, что от прежней антиассирийской коалиции остался один Мита, разгромленный, но не покоренный. Любая реконструкция нескольких последующих лет неизбежно будет полна неточностей. Ясно только, что Миту вытеснили с верховий Тигра и Евфрата, которыми *мушки* владели более четырехсот лет. Если многочисленные пограничные крепости в этом районе действительно принадлежали *мушкам*, то, судя по их расположению, Мита отступал на северо-запад, пока не оказался в большой излучине р. Галис. Здесь он мог и остановиться, ибо ассирийцы ему более не угрожали, если бы не события, происходившие дальше на севере и востоке, перед которыми он был бессилен.

В 714 г. до н. э., когда Мита отступал, а ассирийцы преследовали его, орды полудиких киммерийских воинов из южных русских степей прорвались через Кавказ и обрушились на Урарту. Оттуда они двинулись на запад, вдоль южного побережья Черного моря, основали свою главную столицу поблизости от Синопа и пошли дальше на юг, на Табал.

В результате их продвижения Мита оказался зажатым между двумя враждебными силами. Единственный путь отступления лежал прямо на запад, вдоль древней торговой дороги к Эгейскому побережью и Мраморному морю. По этой дороге и двинулся Мита; он навсегда ушел из захваченной ассирийцами Центральной Анатолии и появился у границ греческого мира — уже как знаменитый царь Мидас из Фригии.

Вряд ли стоит говорить, что эта история царя Мидаса не совпадает с легендами греческого фольклора. По греческой версии, бриги, или фригийцы, переправились в Анатолию из Юго-Восточной Европы незадолго до начала Троянской войны. Более современные историки усматривают в присутствии *мушков* около 1150 г. до н. э. в верховьях Тигра и Евфрата еще одно свидетельство дальнейшего проникновения этого европейского народа в глубь Двуречья. Однако сегодняшние археологические данные не подтверждают столь далеко идущей активности, скорее наоборот. По мере накопления фактов становится все более очевидным, что миграция *мушков* происходила с востока на запад, а не в обратном направлении. Существуют данные о проникновении европейских народов в Анатолию где-то

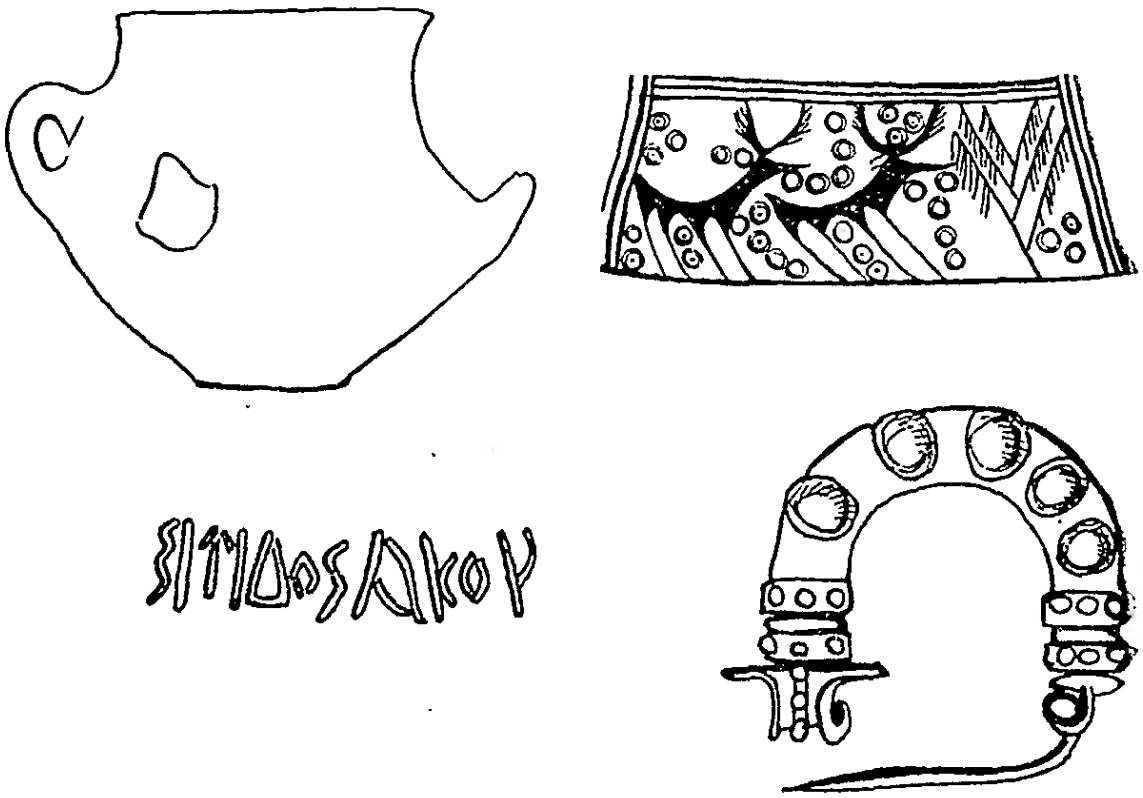

Рис. 13 «Шишечный сосуд» из Трои VII*в*;
фригийская роспись на сосуде; фибула (булавка) и письмена

около 1200 г. до н. э. В северо-западной части Трои, в слое VII $в_2$, встречаются вкрапления грубой посуды, изготовленной вручную, известной под названием «шишечных чаш», которые имеют несомненное сходство с такими же чашами конца бронзового века из Венгрии и Центральной Европы. Дальше на востоке, в бывшей фригийской столице Гордионе в Сангарской долине, примерно в тот же период появляется вылепленная вручную черная керамика. Между этой керамикой и «шишечными чашами» нет прямой связи, но вполне возможно, что у них был общий источник. В Гордионе эта новая керамика появляется внезапно, без какого-либо разрыва в археологических слоях, и так же быстро исчезает, словно пришельцы сразу слились с автохтонами. И действительно, насколько мы можем судить по немногим имеющимся у нас сведениям, Гордион развивался мирно, без каких-либо катастрофических перерывов, и поэтому трудно видеть в изготовителях черной керамики завоевателей, которые сокрушительным шквалом прокатились через всю Анатолию до границ Ассирии.

Несмотря на непрерывность истории Гордиона, мы имеем свидетельства о больших переменах в Западной Анатолии между 1200 и 700 гг. до н. э. Троя VII $в_2$ была разрушена около 1100 г. до н. э., а на юго-западе около 1000 г. до н. э. погибло поселение Бейджесултан (слой I), и больше там никто уже не селился. Исторические данные, не так давно поступившие в наше распоряжение, рассказывают о другом нашествии, совершенно отличном от вторжений конца бронзового века, однако здесь есть знаменательное совпадение имен, которое должно иметь свое историческое объяснение.

Ликийцы, карийцы и мисы вполне могли быть потомками жителей Лукки, Каркисы и Масы бронзового века, но скорее всего их вытеснили с родных земель и заставили переселиться на Эгейское побережье, где мы и находим их в классический период.

По-видимому, эта миграция произошла под натиском пришельцев из Европы. Но кто они и когда это случилось? Подробностей мы не знаем. Возможно, в то время существовали племенные объединения, такие, как мигдоны — племена из Фригии, чье название сходно с именем мифического героя Мигдона,—которые пересекли Анатолию и обосновались в районе современного Изника и в низовьях долины Сангария. Скорее всего они вытеснили автохтонных жителей (Маса) с их земель, и это передвижение народов закончилось, лишь когда народы Лукки окончательно обосновались в Ликии, далеко на юго-западе от своей родины.

На новом месте эти народы продолжали говорить на лувийских диалектах, как это видно из надписей, сохранившихся от классического периода. В этих «позднехеттских» царствах мы видим, по существу, последние политические объединения Западной Анатолии II тысячелетия до н. э.

Что касается Фригии, то ее столица Гордион оставалась типичным западноанатолийским городом до конца VIII в. до н. э., когда резко усилились восточные влияния, отмеченные появлением характерных форм раскрашенной керамики, горшков урартского типа и брошей-застежек, явно заимствованных из Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии.

Однако самое знаменательное событие этого времени — появление алфавитной письменности в сочетании с ее восточными чертами, и это в период, предшествую-

щий какому-либо проникновению греческого импорта в Гордион [23].

Теперь, пожалуй, можно сказать, что развитие финикийской алфавитной системы письма пришло в Грецию не только через торговые связи греков с левантийскими портами, как это предполагалось раньше. Вполне возможно, что первоначальная идея алфавитного письма возникла в Юго-Восточной Анатолии, где финикийцы и лувийцы жили бок о бок, как, например, в двуязычном Каратепе. И когда ассирийское наступление заставило анатолийских царей, подобно Мите, бежать на северо-запад, они унесли с собой не только драгоценные чаши и застежки, но и новую письменность. Из Гордиона она неизбежно должна была перейти в греческие поселения на Эгейском побережье (Мидас, если верить легендам, женился на принцессе Симе в Эолисе), а оттуда в западный мир. Остатки фригийского языка говорят о том, что он, подобно другим языкам государств Анатолии, в основном относился к хетто-лувийской группе.

Прослеживая далее во времени историю народов этой языковой группы, мы видим, что Мидас из Фригии продержался недолго. Вскоре после 700 г. до н. э. киммерийцы дошли до его новой столицы и принудили его покончить жизнь самоубийством. В то же время они продвинулись дальше на юг через Табал, и только в 679 г. до н. э. ассирийцы остановили их чуть севернее Киликийских ворот. В течение следующих пятидесяти лет киммерийцы осуществляли непрерывное давление на Табал и Хилакку, в результате чего эти государства то восставали против Ассирии, то обращались к ней за помощью.

Падение Гордиона на западе создало политический вакуум в Западной Анатолии, который вскоре заполнила Лидия — новое государство, образовавшееся примерно в центре древней Арцавы. Лингвистически лидийский тоже относится к хетто-лувийской группе языков. Но любопытно отметить, что язык лидийцев в отличие от других языков гораздо ближе к хеттскому, чем к лувийскому. Не исключено, что в сумятице, последовавшей за падением империи хеттов, эта группа в Центральной Анатолии захватила власть и унаследовала культуру разрушенной Арцавы. Возможно, именно об этом упоминает Геродот в своем рассказе о династии Гераклидов, чьи далекие предки захватили

власть в Лидии где-то около 1200 г. до н. э. Один из царей этой династии носил имя Мурсил, и мы можем рассматривать его как одного из далеких потомков и почти тезку хеттского царя Мурсили.

Однако около 660 г. до н. э. Лидия, в свою очередь, была вынуждена просить у Ассирии помощи для защиты от киммерийцев. Но только в 630 г. до н. э. ассирийцы сумели разгромить захватчиков на юго-востоке, а сама Лидия была освобождена лишь в 610 г. до н. э.

После окончательного разгрома киммерийцев* прежние царства Центральной Анатолии вновь обрели независимость, потому что к тому времени мощь Ассирии была уже сломлена внутренними междоусобицами. Основную выгоду из этого извлекло государство Хилакку, а лидийцы сумели продвинуться до р. Галис, пытаясь заполнить вакуум, образовавшийся после отхода ассирийцев. Однако Анатолия все еще была слишком значительна, чтобы ее надолго оставили в покое. В 612 г. до н. э. Ассирия пала под натиском мидийцев и вавилонян. В 600 г. до н. э. вавилоняне были уже в Киликии, которую называли Хумой, а мидийцы продвигались дальше через горы Армении. К 585 г. до н. э. мидийцы дошли до р. Галис, где произошло сражение с лидийцами **. Затем последовали переговоры, в которых арбитрами, по словам Геродота, были вавилонянин Лабинет и киликиец Сиеннесий — по-видимому, это были правитель Хумы и царь Хилакку.

Мир сохранялся еще несколько лет, до тех пор, пока персидский царь Кир не разгромил и не сверг мидийского царя в 550 г. до н. э. В Центральной Анатолии снова возник политический вакуум. Царь Лидии Крез поспешил пересечь р. Галис, пытаясь захватить все, что можно, а в это время Кир вел свои войска через горные перевалы, чтобы защитить основанную им империю. В этой ситуации арбитры мирного соглашения 585 г. до н. э. заняли противоположные позиции: царь Хилакку встал на сторону Кира, а Вавилон поддержал Креза. В 546 г. до н. э. Крез был разбит и Лидия включена в Персидскую империю. А Хилакку за

---

* В разгроме киммерийцев самое активное участие приняли скифы.

** Согласно Геродоту, в момент сражения произошло солнечное затмение (28 мая 585 г. до н. э.). Как только «день обратился в ночь», лидийцы и мидийцы прекратили сражение. Мирный договор между Лидней и Мидией был закреплен брачными узами.

поддержку Кира получила в подарок Хуму. И уже не в первый раз название Хилакку (Киликия) отождествлялось со всей прибрежной равниной южнее гор Тавра. Почти полтора столетия Киликия оставалась вассальным царством и лишь в 401 г. до н. э. была окончательно лишена независимости и стала провинцией Персидской империи.

Персидское завоевание Анатолии по-настоящему положило конец истории народов, говоривших на хетто-лувийских языках. В Центральной Анатолии еще существовали отдельные группы народностей, которых греки называли «белые сирийцы» — возможно, потому, что они говорили на языке своих предков, когда греки впервые появились в Сирии.

На западе и юге Малой Азии, от Карии до Киликии, хетто-лувийские языки оставались в употреблении весь классический период, вплоть до начала нашей эры. Церковные писцы VI в. н. э. зафиксировали в рудиментарном языке Исаврии, по всей видимости, последние следы языка, носители которого хлынули потоком в Анатолию более трех тысяч лет назад.

Глава IV

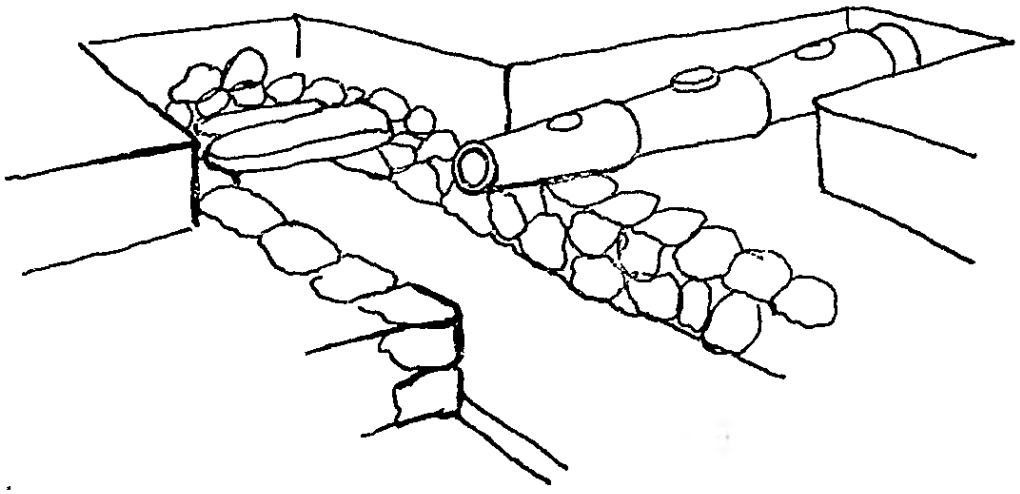
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В КОНЦЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Раскопки в поселениях II тысячелетия до н. э. в Анатолии дали множество сведений о том, как в те времена здесь жили и работали люди. Достаточно обширные исследованные районы в таких местах, как Богазкёй, Аладжа, Бейджесултан и Тарсус, позволили составить довольно ясное представление о плане, архитектуре типичного анатолийского города.

Прежде всего бросается в глаза, что большое внимание уделялось городской планировке. Улицы старались делать прямыми, насколько позволял рельеф местности, и зачастую засыпали их крупным гравием, на склонах же возводились террасы, и большое внимание уделяли дренажной системе и водосливам. Посередине многих улиц тянулись искусно прорытые и покрытые каменными плитами дренажные каналы; к ним примыкали малые каналы или глиняные трубы, отводившие канализационные воды от домов по обеим сторонам улицы. Аналогичные сточные канавы отходили от общественных зданий. Вся система в целом убедительно свидетельствует о наличии общегородской организации водоснабжения и канализации.

Планировка вне улиц зачастую не столь строга. Дома весьма различались по форме и размерам и создавали общее впечатление совершенно произвольной застройки. Хотя хетты-строители и придерживались в целом приблизительно прямоугольной планировки, они, по-видимому, не считали необходимым строго соблюдать прямые углы и расположение комнат. Их основная задача заключалась в том, чтобы до предела использовать все отведенное им в городе пространство.

Иногда встречаются дома определенного типа. Например, в Богазкёе, непосредственно за оградой храма,

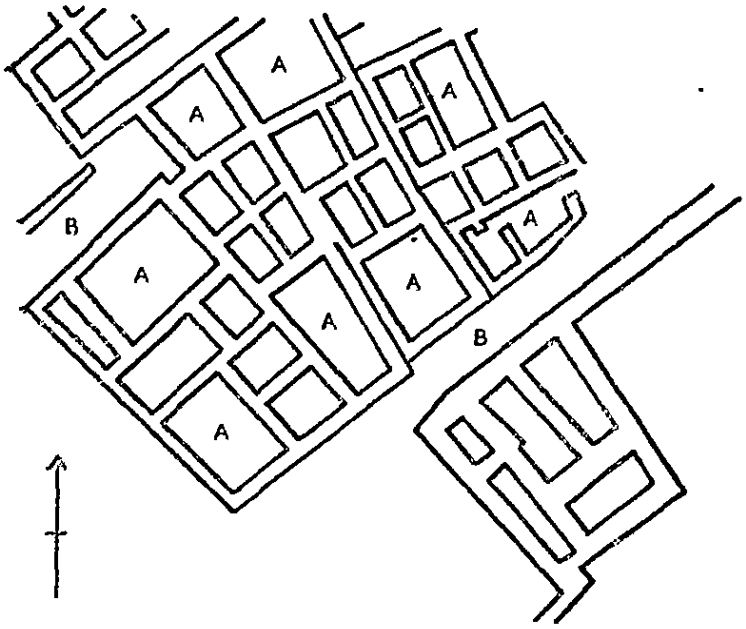

Рис. 14. Часть дренажной системы в Аладже
Рис. 15. План домов севернее храма I в Богазкёе (*A* — дворы, *B* — улицы)

найдена группа одинаковых домов, каждый из которых состоял из внутреннего дворика с двумя комнатами в глубине, к которым были пристроены, стена к стене, аналогичные комнаты с двориками, открывавшимися на параллельную улочку. В остальных случаях можно сказать, что жилище хеттов состояло из нескольких помещений, располагавшихся вокруг внутреннего двора. Следует подчеркнуть, что внутренний двор далеко не всегда располагался в центре архитектурного ансамбля, а зачастую представлял собой передний двор, используемый для различных хозяйственных нужд.

На юго-западе, в Бейджесултане, мы встречаем другой план жилища. Он состоит из двора, за которым располагается крытая веранда-галерея с широкими проемами на деревянных столбах. За этой галереей-холлом располагались другие внутренние комнаты по усмотрению хозяина. Так, один дом в том же городе имел форму мегарона или передней крытой галереи, к которой с одной стороны примыкала дополнительная комната.

Строительным материалом обычно служил необожженный кирпич-сырец, который клали на каменный фундамент. Однако в тех районах, где не было недостатка в камне, он полностью заменял кирпич, а в лесистых местностях зачастую встречались деревянные балки и укрепления. Иногда дома строились в несколько этажей, в отдельных случаях кровля доходила до земли, что позволяло размещать внизу под ней складские помещения, а с другой стороны дома, наверху, как предполагается, находились жилые комнаты. Изредка часть внутреннего двора тоже была крытой. Окна, если они вообще существовали, были маленькие и прорубались в верхней части стен. Крыши делали плоскими из сплетенных и обмазанных глиной ветвей и клали на деревянные стропила.

Внутреннее убранство отличалось крайней простотой. Здесь были, разумеется, необходимые печи и оча-

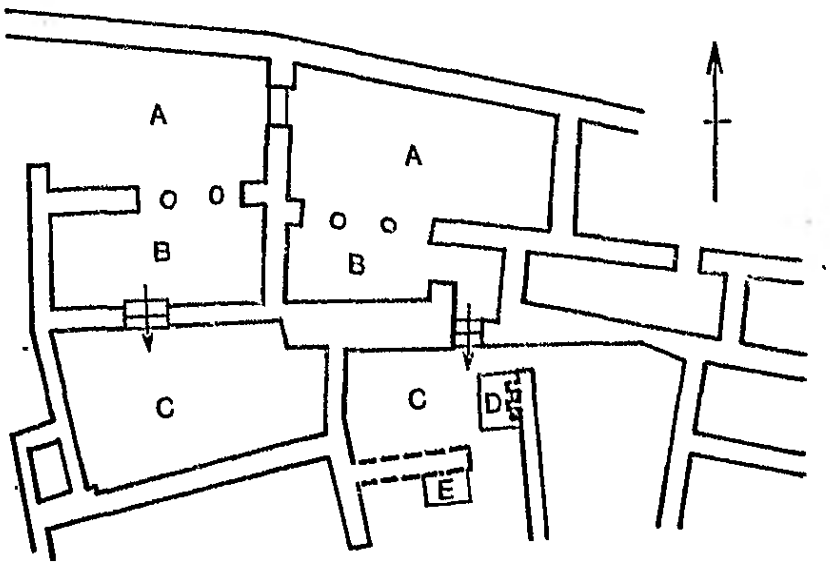

Рис. 16. Дома. Бейджесултан II.А
(*A* — дворы, *B* — передние комнаты, *C* — внутренние комнаты, *D* — очаг, *E* — сточный колодец)

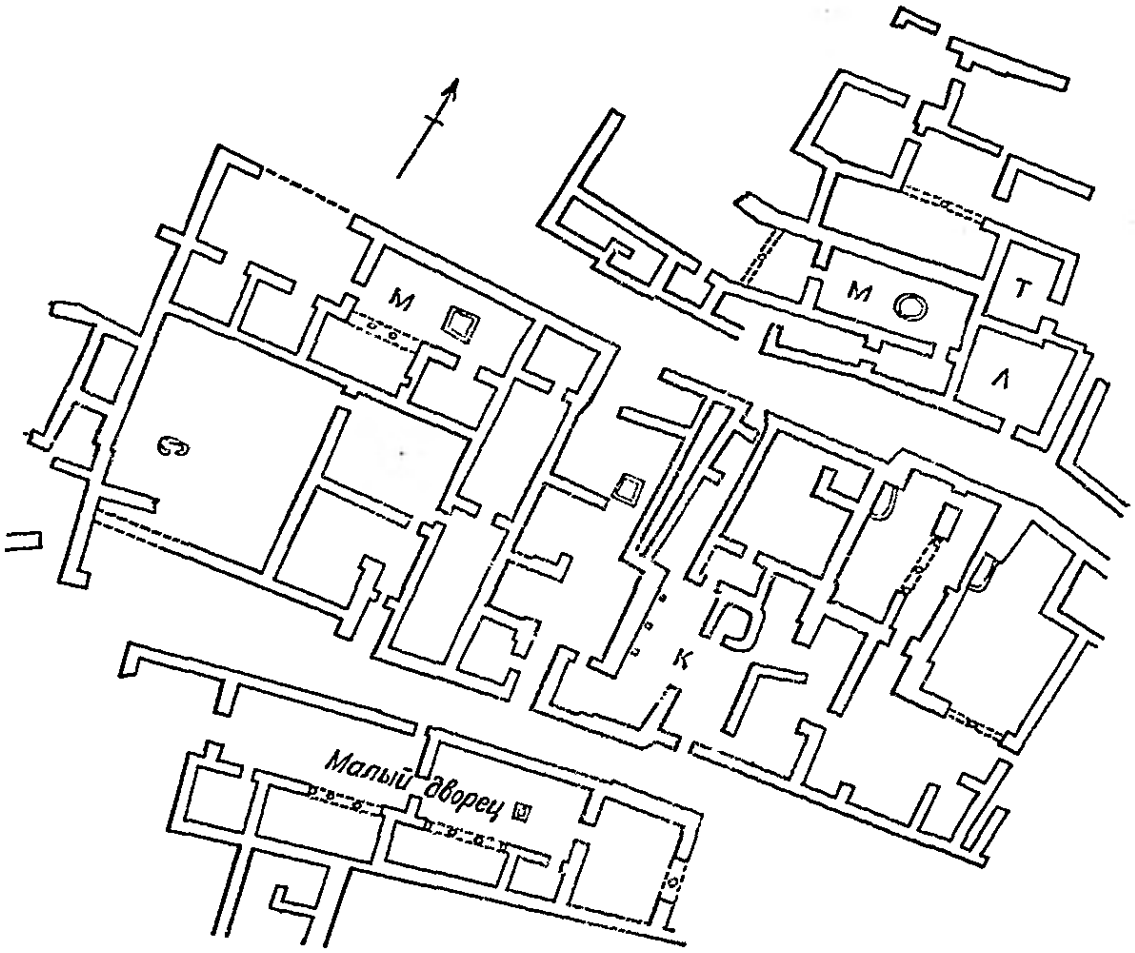

Рис. 17. Район «малого дворца». Бейджесултан II
(*м* — мегарон, *к* — конюшни, *л* — лавка, *т* — «трактир»)

ти, а иногда каменные стоки, соединявшиеся с канализационными отводами. Других удобств и мебели было обнаружено мало. Вымощенные небольшие помещения внутри некоторых домов могли быть «банями» или «туалетами», иногда встречались даже известняковые ванны для детей с высеченными внутри сиденьями. В остальном же люди работали, ели и спали просто на полу.

Дома зажиточных горожан обычно строились вплотную друг к другу, ограничивались улицами или проулками. Встречались и дома, стоявшие особняком, которые зачастую принадлежали богачам или знати. Подобный дом, обнаруженный вблизи Львиных ворот в Богазкёе, по-видимому, был собственностью преуспевающего горожанина, однако строения в верхней части города, воздвигнутые на выступах естественной скалы, явно были «замками» представителей правящего класса. При строительстве этих зданий учитывалась

окружающая местность, и потому в них опять же нет определенного плана.

В Нишантепе подобные строения до какой-то степени сохраняли прямоугольную форму. На внутренний двор выходили комнаты с трех сторон, и лестница, по-видимому, вела на верхний этаж. Такой план дома был, пожалуй, более типичным, чем строения в нижнем городе.

В Сарыкале сохранились остатки здания, которое ближе всего подходит к нашему представлению о замке: башнеподобный донжон на самом верху обрыва, к которому вела извилистая дорога, проходившая через систему многочисленных внешних оборонительных стен.

Планировка замка в Ениджекале имела неправильную форму. В нем было множество помещений, пройти в которые можно было через окруженный стенами внутренний двор, расположенный на скале. Эта предполагаемая реконструкция приблизительна и не претендует на полную достоверность.

Более «оригинальным» является дом, раскопанный в Аладже, вблизи главных городских ворот. Здание

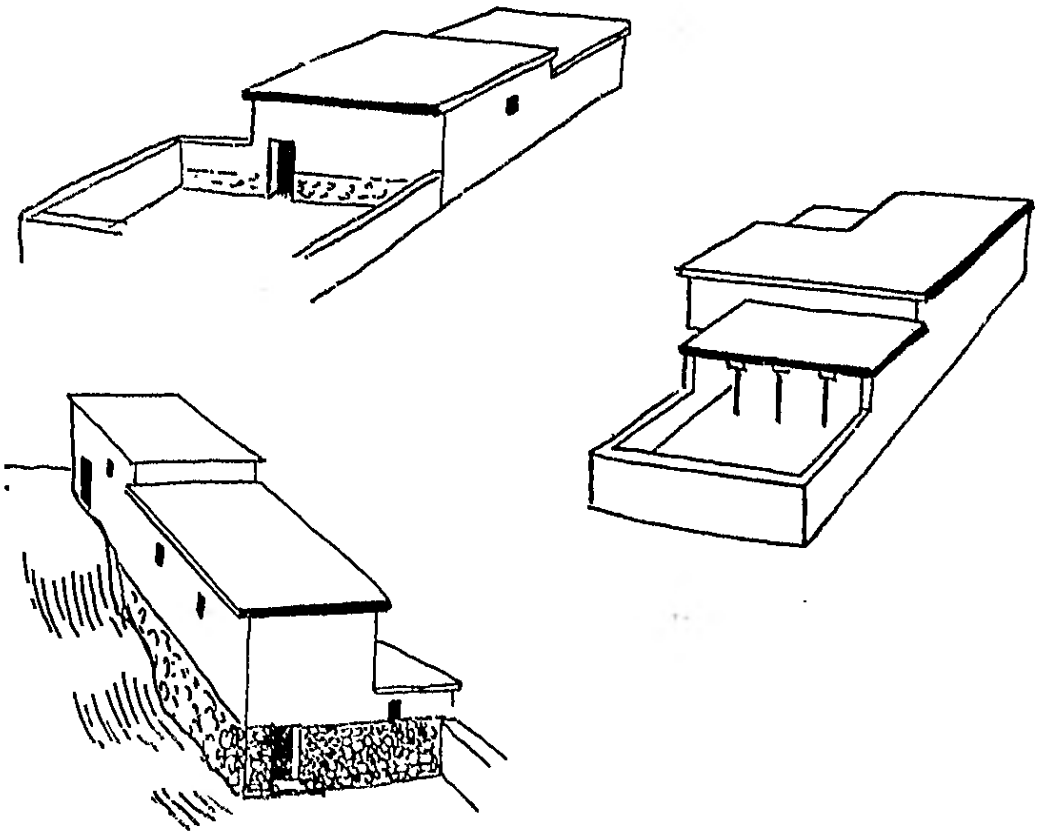

Рис. 18. Реконструкция домов в Аладже

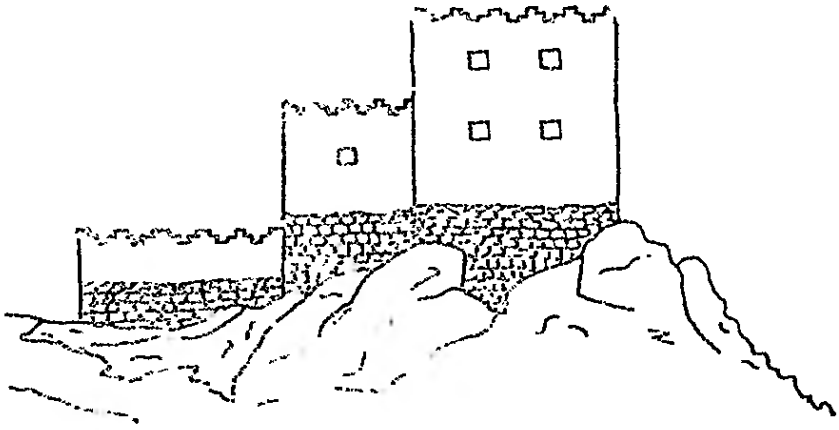

Рис. 19. «Замок» в Богазкёе. Реконструкция

стояло на каменном фундаменте, полы приподняты над уровнем улицы. Камни надземной части фундамента чередуются по цвету — темные со светлыми; это редчайший пример попытки ввести декоративный элемент в гражданское домостроение. План же самого дома обычен, хотя его и нельзя считать абсолютно симметричным, поскольку центральный вход на северной стороне, ведущий во внутренний двор, куда выходили все комнаты, слегка сдвинут. Судя по размерам и местоположению, это было жилище важного чиновника.

Мало что можно сказать о прочих более крупных зданиях в других местах раскопок. Например, в Бейджесултане так называемый «малый дворец» состоял из двух отдельных дворов, внешнего и внутреннего, с рядом примыкающих комнат и с чем-то вроде прихожей или холла с одной стороны. В Тарсусе двухэтажное здание, окружавшее с трех сторон внутренний двор, по-видимому, было чьей-то официальной резиденцией или служило для административных целей. За исключением внешнего двора и внутреннего зала, в архитектуре этого здания нет ничего примечательного.

Внутри частных домов иногда встречаются помещения не только для людей, но и для животных. В Тарсусе, в большом доме на склоне холма, получившем в отчете из-за многочисленных глиняных оттисков печаток название «резиденция правителя», в полуподвальном помещении, нашли вместительное стойло. Судя по его размерам, археологи сначала предположили, что оно предназначалось для ослов. (Позднее, правда, возникла версия, что здесь все-таки жили люди.) [24]. Если первая версия правильна, животные спускались сюда с улицы по ступенькам, пересекали особое помещение

(для упряжи) и только после этого добирались до своего стойла. Сверху эта конюшня была покрыта каменными плитами, которые образовывали террасу для людей, живших над стойлом. В Бейджесултане обнаружены помещения, явно предназначенные для содержания лошадей, со стойлами, загонами для жеребят, с комнатами для конюхов и с остатками соломы на полу.

Если мы теперь обратимся к торговой жизни этих поселений, то найдем немало интересного. Так, одно- или двухкомнатные помещения, выходившие на улицы Аладжи, были, по всей вероятности, лавками или мастерскими. В том же Бейджесултане сохранились руины типичного зернохранилища или продовольственного склада. Он представлял собой прямоугольное помещение размером около 16×13 футов, выходившее непосредственно на главную улицу. Вдоль стен стояли большие, высотой почти 5 футов, кувшины для хранения зерна, многие из которых все еще были наполовину заполнены чечевицей, ячменем или пшеницей. В одном из углов комнаты находилась маленькая лестница, которая вела к своего рода узенькой галерее, огибавшей все помещение; она давала доступ к этим гигантским кувшинам сверху. К задней стене был пристроен большой ларь для зерна из дерева и кирпича. Как ни странно, в той же комнате было обнаружено большое количество глиняной посуды, лежавшей кучками по шесть штук. Видимо, хозяин этой лавки продавал не только зерно, но и глиняную посуду.

Непосредственно к задней стене зерновой лавки примыкало небольшое помещение, размером 13×10 футов, с отдельным боковым входом. Напротив этого входа располагалась, как дружно определили археологи, «стойка бара» из кирпича-сырца. За этой «стойкой» были наполовину вкопаны в землю два

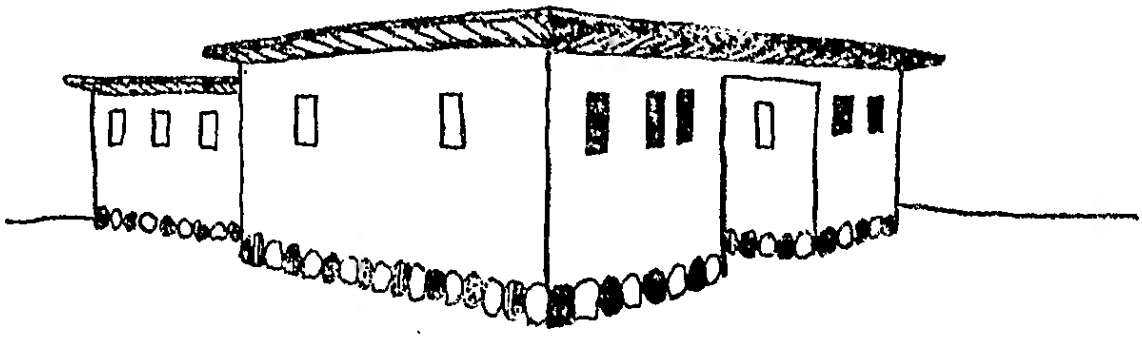

Рис. 20. Реконструкция дома у Ворот сфинксов в Аладже

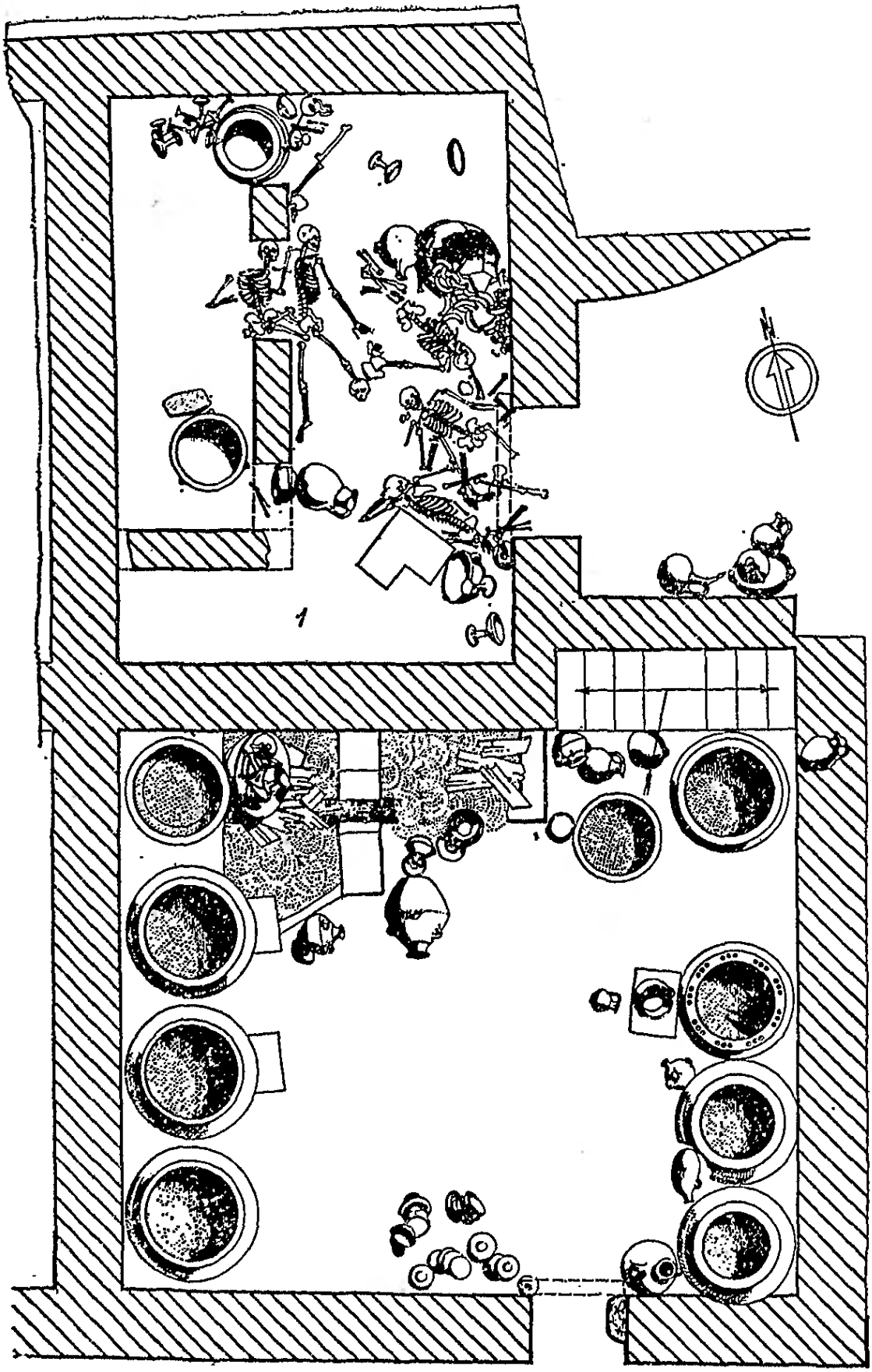

Рис. 21. «Трактир» *(1)* и продовольственный склад *(2)* в Бейджесултане

больших глиняных сосуда, а в углу была свалена гора чаш для питья. По другую сторону «стойки», где сидели, очевидно, посетители, в большом глиняном сосуде обнаружили 77 бабок и 31 серпообразный предмет из терракоты, которые были достаточно широко распространены и служили обычно как разновесы. В данном же случае их, видимо, использовали для счета ставок, как сегодняшние картежники иногда используют вместо фишек спички. На полу в беспорядке валялось восемь человеческих скелетов. Судя по положению костей, можно заключить, что эти люди вовсе не собирались окончить здесь свое земное существование, их где-то забили до смерти дубинками и лишь потом второпях приволокли сюда, в этот «трактир».

Еще один любопытный пример организации снабжения продовольствием в конце бронзового века мы находим в Трое. Одно из зданий слоя VII*а*, располагавшееся сразу же за Южными воротами, по ряду признаков явно не было обыкновенным жилищем. Широкий вход с улицы вел в маленькую прихожую и дальше в обширную комнату с приподнятым очагом в середине. Рядом с ним на седлообразной подставке из глины и кирпича-сырца находился жернов, установленный с таким расчетом, чтобы мука из-под него сыпалась в глиняный сосуд, стоявший на полу. К внешней стене был пристроен водосток из каменных блоков с искусно проложенной дренажной канавой, ведшей за пределы дома. Рядом с этим водостоком сохранились нижние части двух топок, над которыми, по-видимому, находилась когда-то печь для выпечки хлеба. Еще дальше, у выходящей на улицу стены, обнаружены сосуды для хранения зерна с остатками обугленной пшеницы.

Все это говорило о том, что здесь находилось заведение, где жарили, пекли и вообще готовили пищу, и, как шутили археологи[25], здесь, должно быть, поперек широкого входа стояла стойка, и вообще это была закусочная, где троянские герои, утомленные борьбой с гомеровскими греками, подкреплялись пивом и сандвичами, прежде чем отправиться с докладом к царю Приаму в центральный дворец.

От самого дворца сегодня не осталось и следа, и нам приходится черпать информацию о царской резиденции из других источников. Дворец в Бейджесултане был возведен в середине бронзового века, и поэтому еще рано его рассматривать в нашем обзоре. В конце

же бронзового века на этом месте находилось ограж-денное стенами поселение, имевшее в поперечнике около 100 ярдов. Построенные здесь здания относятся к обычному типу жилищ, уже описанных выше. Зато на юго-востоке, в Тилмен-Хююке, близ Исляхие, удалось раскопать настоящий дворец. Он наверняка использовался по назначению и в конце бронзового века, но первоначальная постройка относится к середине бронзового века, и опять же по этой причине его здесь рассматривать еще рано. То же самое относится к дворцам Центральной Анатолии, процветавшим в период торговых колоний в Кюльтепе, Аджем-Хююке и в Карахююк-Конье.

Теперь мы рассмотрим самый значительный дворец из всех известных нам — резиденцию правителей империи хеттов, расположенную на скалистой вершине Бююккале в Богазкёе. То, что именно это место выбрано для царского дворца, объяснялось весьма просто. Оно возвышалось над старым городом и было отрезано с востока и севера обрывистыми скалами, а с запада и юга могло быть легко защищено искусственными укреплениями. Вершина скалы представляла собой наклонное трапециевидное плато площадью примерно 275×165 ярдов. Самые ранние следы поселения здесь восходят к концу III тысячелетия до н. э. И уже к концу периода торговых колоний на этом месте стояли стены из кирпича-сырца на каменном фундаменте. Через сотню лет после их разрушения войсками Анитты из Куссары замок вновь захватил Хаттусили I (около 1650 г. до н. э.), основатель Древнего царства. К сожалению, последующие зодчие разрушили почти все строения предшествовавшего периода, и удалось восстановить лишь остатки некоторых, в основном второстепенных зданий. Приблизительно в 1400 г. до н. э., в начале Новохеттского царства, здесь производились значительные перестройки, которые тоже весьма плохо сохранились. Нижний край плато, огороженный вновь воздвигнутыми стенами, занимали группы довольно небольших, свободно расположенных строений, в основном обыкновенные жилые дома. В юго-западном углу верхней части плато, почти на вершине скалы и вдали от ворот, находился сам дворец.

Он состоял из центрального двора, окруженного колоннадой, на который выходили царские покои. Другие здания возвышались по краю плато, и, поскольку площадь была слишком ограниченна для тщеславных и все

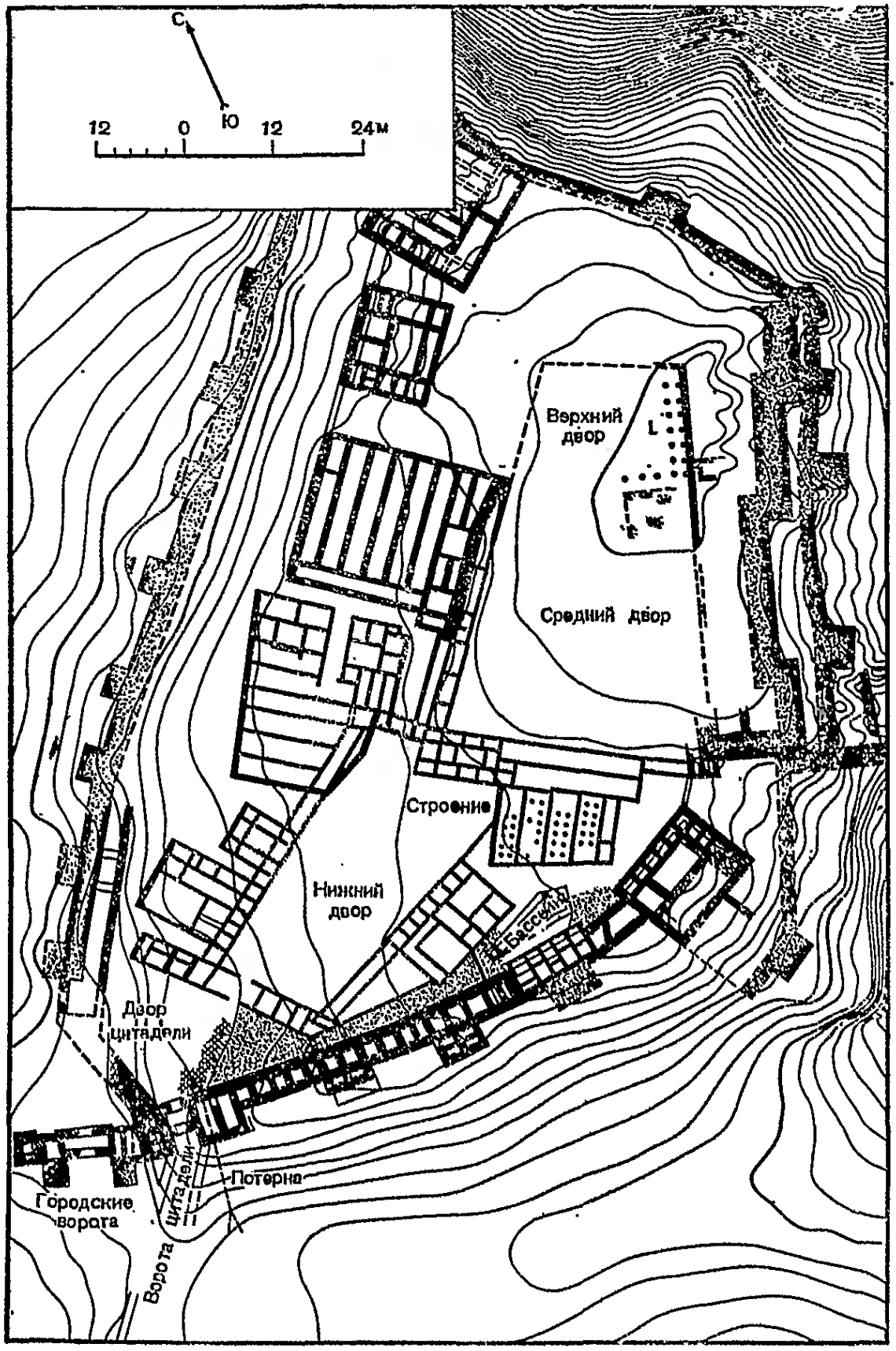

Рис. 22. План Бююккале, цитадели Хаттусы

возраставших замыслов хеттской монархии, она была расширена огромными террасами из циклопических глыб, на которые опирались фундаменты оборонительных стен и других зданий. К сожалению, впоследствии бóльшая часть этих сооружений была разрушена.

Незадолго до 1300 г. до н. э. Муваталли перенес свою резиденцию дальше на юг, в Датассу, и Хаттуса превратилась на короткое время в своего рода провинциальную столицу. К этому периоду можно отнести скромные жилые строения в нижней части плато, известные как слой IV*a*. Позднее, в царствование Урхи-Тешуба, дворец все-таки был частично разрушен, и лишь его преемник Хаттусили III начал широкую реконструкцию дворца, которая завершилась в царствование Тудхалии IV. Это и был уже дворец — Бююккале III, достаточно сохранившийся до наших дней, чтобы получить довольно ясное представление о резиденции хеттских царей XIII столетия до н. э.

В этот период дворцовые строения заняли все плато. Для того чтобы максимально использовать ограниченную площадь, скальные террасы предыдущего периода были отведены под здания, а новые оборонительные стены воздвигнуты ниже на крайне опасных и крутых склонах. Главный вход в крепость по-прежнему оставался в юго-западной части плато. Подобно городским воротам, он имел двойные проходы со сторожевыми башнями по обеим сторонам; пройти между ними можно было только по узкому мосту, предназначенному лишь для пешеходов.

Сразу за крепостными воротами находился двор неправильной формы, через который дорожка, вымощенная плитами красного мрамора, вела под арку во внутренний, более обширный двор. С трех сторон его обрамляла открытая колоннада, объединявшая все окружающее здания в единый архитектурный ансамбль. В дальнем конце внутреннего двора были еще одни ворота — сложное сооружение со сторожевыми башнями по обеим сторонам. Через эти ворота попадали в другой внутренний двор с такой же открытой колоннадой, объединявшей фасады более значительных зданий. А далее располагался третий аналогичный двор, вокруг которого на самой высокой точке плато стояли дворцы царской семьи.

Царю не обязательно было пользоваться общим входом. Он мог покинуть средний внутренний двор че-

рез дверь или ворота в юго-восточном углу, а оттуда пройти сквозь вторые ворота в стене крепости, к которым также был подведен мост, но на сей раз достаточно широкий и прочный для проезда колесниц.

Для слуг и мелких чиновников, обитавших в нижней части города, существовал третий вход — пологий подъем или лестница, которые вели от южного конца западной стены к террасам позади главных дворцовых строений. И, наконец, мощеная дорога вдоль южных стен соединяла главные ворота. Дорогу можно было перекрыть в двух местах внутренними воротами. Несмотря на то что она была вымощена, она не имела никакого особого значения, а служила, по-видимому, лишь кратчайшим путем для чисто дворцовых нужд.

Пытаясь разобраться, для каких целей были построены те или другие здания дворцового комплекса, мы постоянно сталкиваемся с трудностями. Сам характер местности — довольно крутой склон — послужил причиной того, что входы в здания с внутренних дворов располагались на уровне первого этажа, а все остальные комнаты — наверху. В результате от этих строений остались только фундаменты и стены нижних этажей. Мало того, некоторые наиболее значительные постройки на верхней скальной площадке были разрушены позднейшим строительством. Например, от строений в восточном углу среднего внутреннего двора практически ничего не сохранилось, а на самóм внутреннем дворе остались лишь углубления под фундаменты каменных колонн, вырубленных в скальном грунте самого плато. Зачастую невозможно точно определить назначение тех или иных зданий.

Лишь в отдельных случаях остались свидетельства, позволяющие сделать некоторые достаточно обоснованные предположения. Например, два здания к западу от верхнего двора (строения *E* и *F*) почти наверняка были жилыми. В здании к югу от среднего двора (строение *A*) сохранилось большое количество глиняных табличек; здесь, по-видимому, находились царский архив и библиотека. Немало табличек найдено и в строениях *E* и *K*; предполагают, что они попали сюда в результате постоянных перестроек, производившихся в библиотеке [26].

Здание *D* на западной стороне того же среднего двора имело полуподвальное помещение, состоявшее почти целиком из длинных комнат. Стены этого поме-

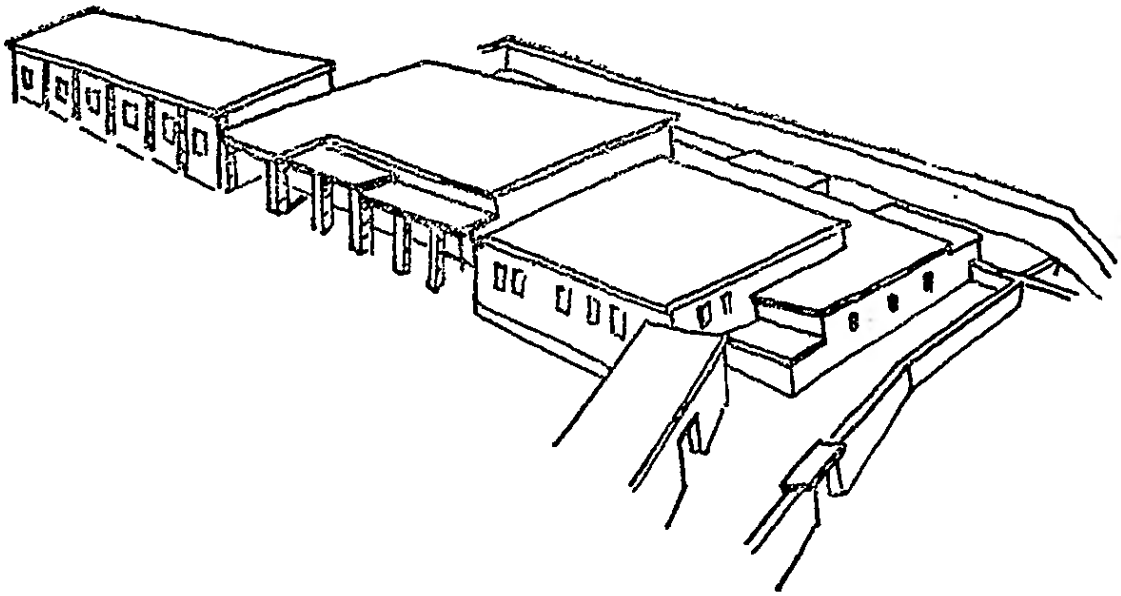

Рис. 23. Реконструкция восточной части дворца в Аладже

щения, очевидно, служили фундаментом для колоннады верхнего двора. А сама колоннада, в свою очередь, подчеркивала наличие верхнего этажа, где находился главный зал приемов площадью около 100 квадратных футов. В этот зал можно было пройти либо через средний двор, либо через узкий проход в нижнем дворе, который вел от северо-восточного угла нижнего двора к угловому входу, расположенному на уровне фундамента. По этому проходу посетители попадали прямо в вестибюль зала приемов, минуя средний двор.

Далеко не все здания дворцового комплекса несли оборонительный характер. Например, строение *C*, расположенное поодаль от главного прохода, ближе к западному краю плато, по всей видимости, имело ритуальное назначение. Но об этом поговорим в главе, посвященной религии хеттов.

В Аладже, находившейся всего в нескольких милях севернее Богазкёя, самые крупные здания имеют сходные черты со строениями в Бююккале, которые позволяют отнести их к дворцовым. Вход в этот комплекс расположен напротив главных ворот, между ними лежит широкая, открытая площадь. Дорога из внешнего двора ведет через двойные ворота к узкому внутреннему двору площадью 250×50 футов. В середине правой стороны когда-то стояла открытая колоннада.

Главный зал находился непосредственно справа за двойными воротами; проходили в него через две узкие комнаты в южном углу колоннады. Размеры зала

(площадь 40 квадратных футов), а также его расположение рядом с главным внутренним двором говорят о том, что он был крытым. Кровлю, должно быть, поддерживали внутренние столбы, образовавшие еще один «колонный зал», как в Бююккале. Другие комнаты были, по-видимому, жилыми или административными помещениями, а одна, в северо-западном углу, возможно, была святилищем.

Повседневная жизнь Анатолии II тысячелетия до н. э. почти полностью была связана с сельским хозяйством. Хотя мы и не имеем исчерпывающих данных об экологии этого района, письменные источники и археологические свидетельства позволяют нам составить достаточно ясное представление о флоре и фауне Анатолии, о ее одомашненных и диких животных и растениях.

Основными злаками были разновидности пшеницы и ячменя; кроме того, здесь произрастали горох, фасоль, чеснок, лен, фиги, оливки, виноград, яблоки, а также, возможно, гранаты и груши. Жители Анатолии содержали коров, свиней, коз, овец, лошадей, ослов, собак и буйволов, а также разводили пчел. Фауна включала львов, леопардов, волков, оленей, ланей, диких буйволов, кабанов, горных козлов, орлов, диких уток, гусей, змей и мышей. Повседневная пища анатолийцев состояла в основном из всевозможных хлебопечений, сыра, молока, меда, разных каш и либо мясных, либо овощных похлебок.

В различных поселениях сохранились свидетельства сельскохозяйственной деятельности. В словаре хеттов мы находим такие названия: ферма, овчарня, свинарник, козий загон, стойло, молотильный ток, дровяной сарай, фруктовый сад, луг, пасека, зернохранилище, мельница, водоотвод, плуг, лопата, телега, сбруя. Иными словами, жизнь земледельцев древней Анатолии мало чем отличалась от жизни их современников на всем Ближнем Востоке и весьма походила на жизнь их преемников в современной Турции.

О значении сельского хозяйства можно судить хотя бы по тому, сколько требовалось продовольствия для снабжения такого огромного города, как Хаттуса, не говоря уже о других городах империи хеттов. Предположительные данные о числе их населения весьма спорны, однако столица хеттов занимала площадь 414 акров, и даже если половину этой площади занима-

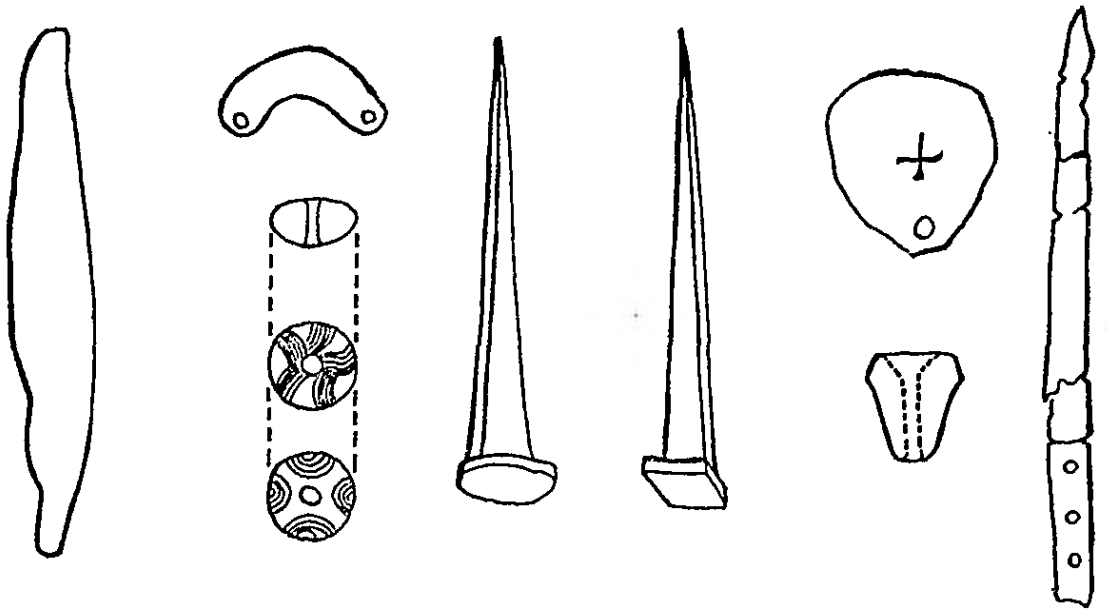

Рис. 24. Нож из Трои; пряслице из Кусуры; грузило из Трои; гвозди из Аладжи; пряслице из Полатлы; грузило из Аладжи; иож из Кусуры

ли жилые дома, то в среднем 150—200 человек на один акр дает нам 30—40 тыс. жителей. Было подсчитано, что производство зерна в сельском хозяйстве бронзового века составляло примерно семь бушелей с одного акра, а потребление — примерно десять бушелей на человека в год. Таким образом, годовая потребность жителей Хаттусы составляла от 300 тыс. до 400 тыс. бушелей, для чего требовалось возделывать от 400 тыс. до 600 тыс. акров земли. Бóльшая часть зерновых культур выращивалась на плодородных полях в непосредственной близости от города.

Однако сельское хозяйство не было единственным занятием хеттов. Сохранились свидетельства, что среди них были врачи, строители, плотники, каменщики, ювелиры, медники, гончары, пекари, сапожники, прядильщики, портные, ткачи, рыбаки, повара, носильщики и стражники, хотя в основном все эти люди состояли на службе во дворцах или храмах.

Порою встречаются кварталы, которые можно определить как «промышленные», особенно если там занимались обработкой металлов. Частично эта обработка производилась в самих рудниках, о чем неопровержимо свидетельствуют такие же груды заготовок, какие найдены, например, на Кипре. Металл перевозили из рудников в виде слитков, и лучшим примером тому может служить опять же Кипр; подобные слитки были

найдены на древнем сирийском корабле, затонувшем близ южного побережья Турции.

Превращение таких заготовок в орудия или оружие производилось на месте; в Богазкёе и Тарсусе были найдены кварталы, где это делалось. Именно там, в домах-мастерских, осталось большое количество металлического шлака. В Тарсусе были обнаружены также глиняные формы с сохранившимися следами бронзы.

Работы по камнерезанию производились у хеттов, видимо, по тому же принципу, что и металлообработка: первоначальная форма придавалась каменным блокам еще в карьерах, а окончательная отделка статуи завершалась на месте. В Еземеке, к юго-востоку от Исляхии, обнаружены буквально сотни незавершенных

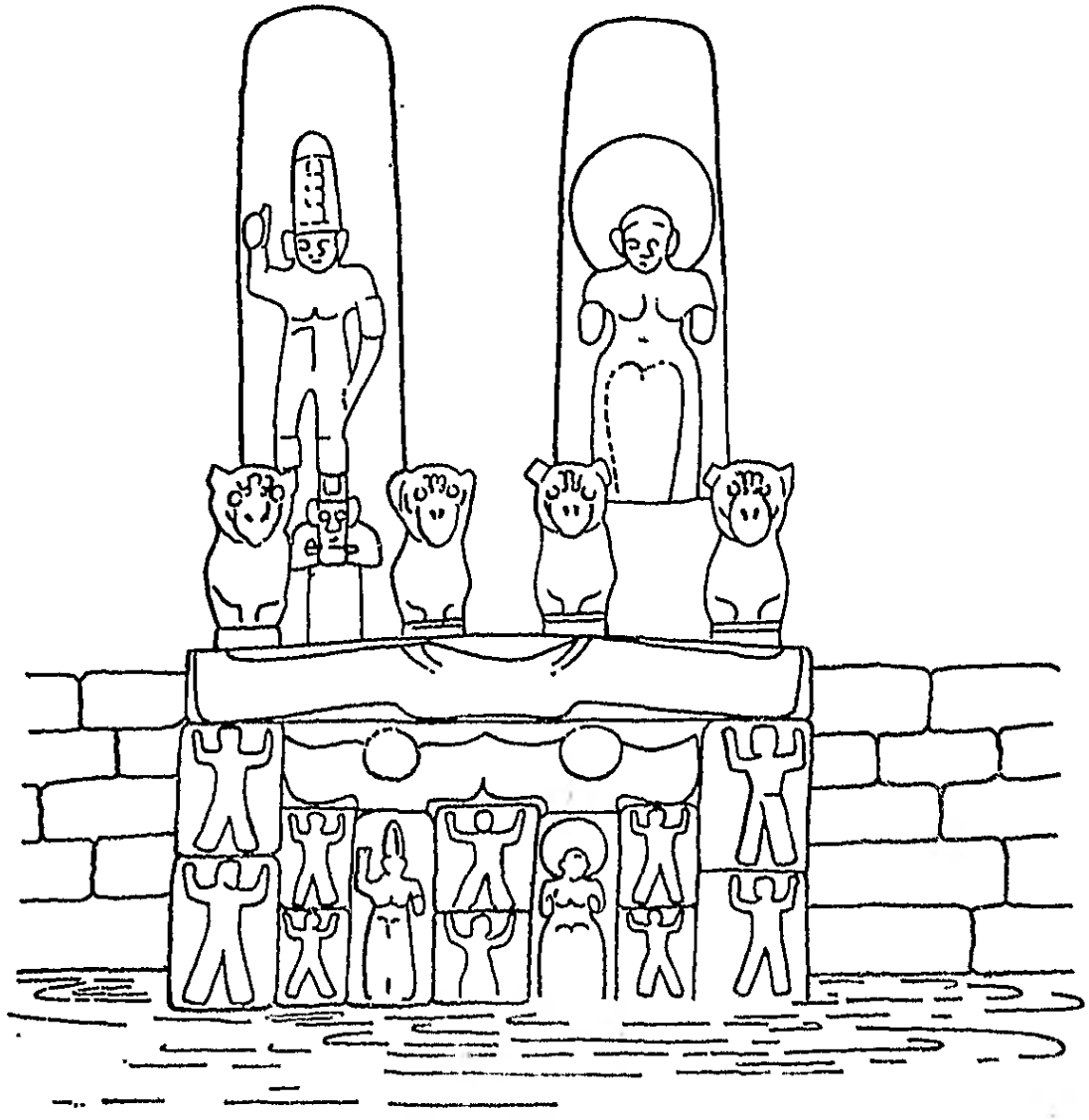

Рис. 25. Предполагаемая реконструкция монумента в Эфлатун-Пынаре

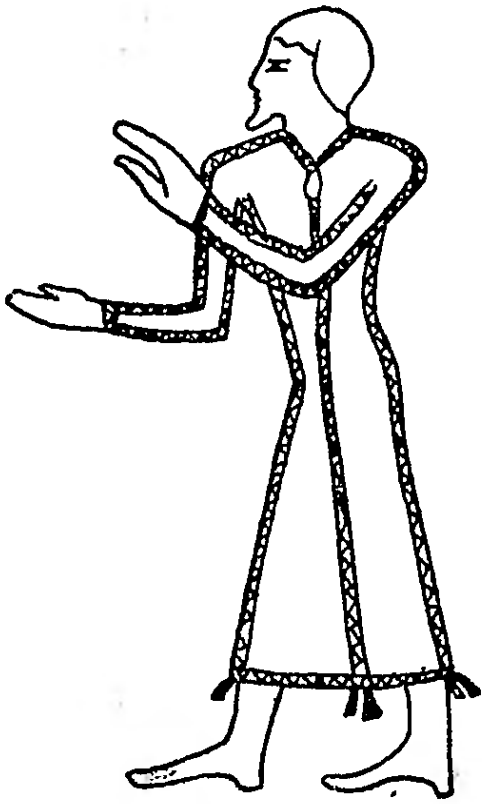

Рис. 26. «Хурритская рубаха» (с египетского рельефа)

статуй, относящихся к последней четверти II тысячелетия до н. э. и первой четверти I тысячелетия до н. э. Их, вероятно, подготовили для перевозки на предназначенные для них места, а гигантская статуя, брошенная на склоне холма Фассилара, близ оз. Бейшехир, по всей видимости, находилась на пути к своему пьедесталу, в святилище в Эфлатун-Пынаре, в 30 милях отсюда, где должны были состояться весенние торжества.

Недавно в Эскияпаре, поблизости от Аладжи, был раскопан квартал, где жили и работали горшечники. В слое хеттского периода был обнаружен открытый внутренний двор с двумя круглыми диаметром около 5 футов печами для обжига гончарных изделий. Каждая печь имела центральную топку и поддувала, которые вели к подам верхних камер для обжига. Вода подводилась на этот двор по трубам из обожженной глины. Здесь же были найдены осколки необожженных или отбракованных глиняных табличек. Подобные мастерские, несомненно, имелись во многих хеттских городах.

Другие ремесла носили более домашний характер. Прядение и ткачество производились на дому, о чем свидетельствует большое количество веретен и грузиков от ткацких станков, обнаруженных во многих поселениях. Сохранились и более древние ремесла. В од-

ной из комнат в Кюльтепе осталось множество обсидиановых заготовок для молотильных цепов.

Обычной, повседневной одеждой для хеттов служила похожая на рубаху туника, которая доходила до колен, имела длинные рукава и носилась обычно без пояса. По праздникам хетты надевали более длинную и роскошную тунику, известную под названием «хурритская рубаха». Обычно эту одежду украшали вышивки или металлические аппликации, а иногда пояс и манжеты с вышитым на них орнаментом.

Легкая туника и «шотландская» юбка, которую мы часто видим на хеттских памятниках, были, по-видимому, формой легковооруженных воинов, а длинная хламида или плащ, также часто встречающиеся на памятниках, обычно служили облачением царей и жрецов во время священных церемоний. Кроме того, цари и жрецы носили на головах круглые шапки или головные повязки, но такие же головные уборы мы видим у охотников и «акробатов» на рельефах Аладжи. Иногда цари по случаю важных государственных торжеств надевали высокую коническую шапку, символ божественного происхождения.

Башмаки или сапоги с загнутыми кверху мысками изготовляли из разноцветных кож, со всевозможными украшениями. Хетты носили также чулки или гетры.

Обычно одежда городских женщин состояла из пла-

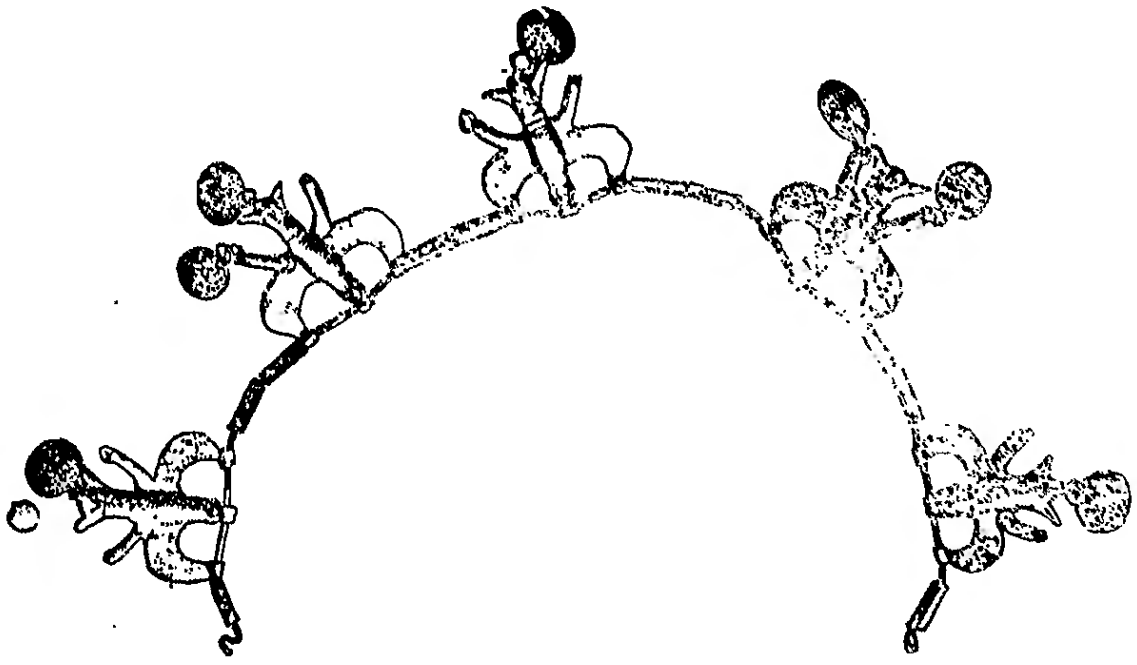

Рис. 27. Детский браслет, по-видимому, из Западной Турции. Британский музей

ща, в который они закутывались с головы до пят, и легкой туники под ним. Последняя предназначалась только для дома. В длинную тунику, ниспадающую складками, с вышитым поясом и высоким головным убором, вероятно, первоначально облачали только богинь в Язылыкая, но позднее так стали одеваться и царицы, исполнявшие функции верховных жриц.

Все эти одеяния, как правило, скреплялись на плечах одной или двумя бронзовыми булавками. Обычно хетты носили длинные волосы, спадающие на шею и затылок, иногда заплетали их в косицу. Мужчины брились. И мужчины и женщины носили ювелирные украшения — иной раз серьги, но чаще браслеты и ожерелья. Особенно популярны были подвески, очевидно игравшие роль амулетов: солнечные диски, полумесяцы, изображения диких животных или быков.

Носили хетты и кольца. Один найденный такой искусный экземпляр, видимо, служил личной печаткой, однако кольца с печатками, как и цилиндрическая печать, были у хеттов редкостью.

Обычные печатки хеттов имели форму маленьких конусов: на нижней круглой поверхности была печать, а в верхней заостренной находилось кольцо или отверстие, сквозь которое продевали веревочки, на которых эти печатки подвешивались. Попадались также печатки линзообразной формы. Они имели изображения на каждой стороне и и-образную металлическую скобку для удобства использования. Печатки древнехеттского периода происходили непосредственно от таких же печаток позднего периода ассирийских торговых колоний. В основном на них были нанесены геометрические фигуры или же изображения орла, грифона, какого-либо животного, а то и человека, порой на печатки наносилось сразу несколько изображений. Иногда изображения располагались по краям круглой печати. К концу древнехеттского периода декоративные изображения в центре печати, окруженные орнаментом, постепенно вытесняются надписями, сделанными на «иероглифическом хеттском». Среди имен, которые удалось прочесть, преобладают имена, оканчивающиеся на-*мува,* и -*ціти,* и, поскольку такие имена имеют лувийское происхождение, можно заключить, что население в период Древнего царства было по преимуществу лувийским. Изредка попадались печати, где иероглифы комбинировались с клинописью.

Рис. 28. Оттиски печатей. Верхний ряд, слева направо:
из Богазкёя, из Угарита, из Богазкёя.
Нижний ряд, слева направо: из Богазкёя, из Угарита, из Угарита

Рис. 29. Оттиски царских печатей. Верхний ряд, слева направо: Хуцции, Асмуникал и Мурсили II; нижний ряд, слева направо: Арнуванды и Асмуннкал, Хаттусили III, Пудухепы и Муваталли

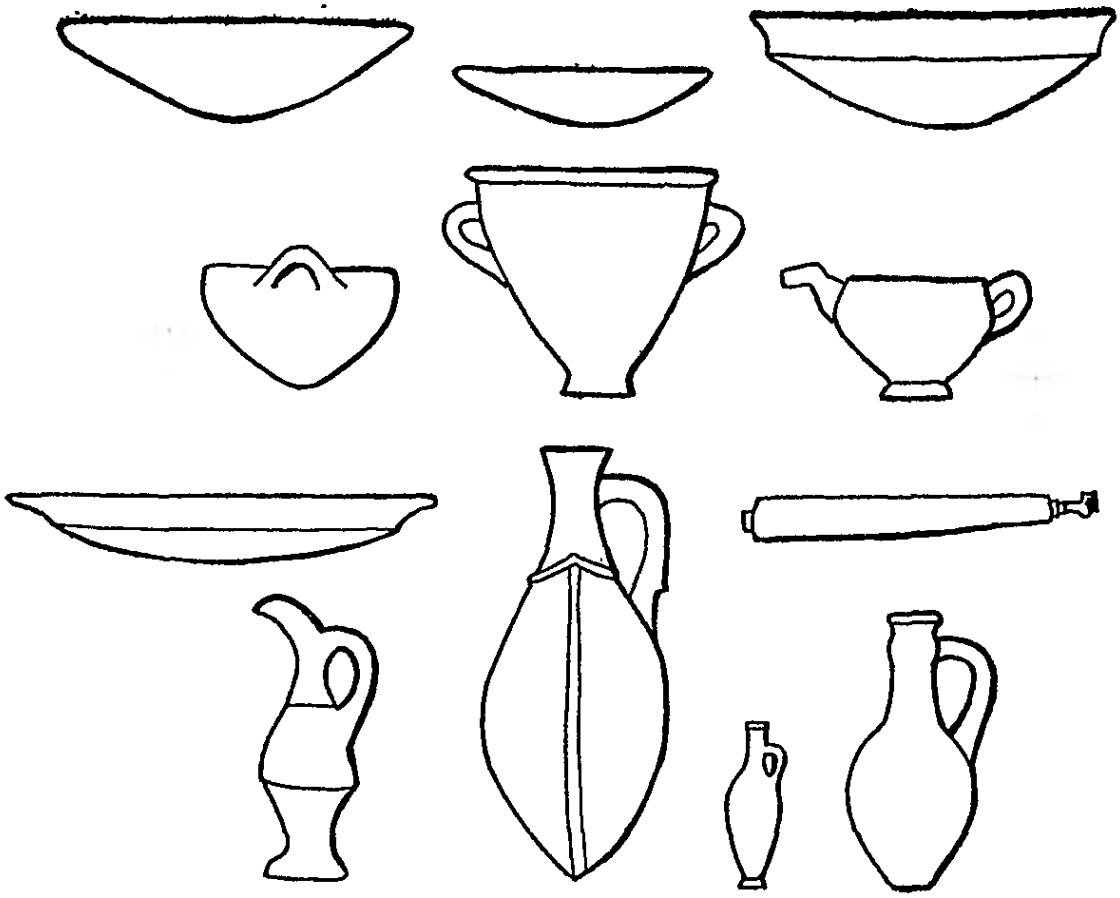

Рис. 30. Типичные формы сосудов из Богазкёя

Со времен Телепину (1500 г. до н. э.) возрастает количество печатей так называемого стиля «табарна», который становится характерным для царских печатей Среднего царства. Они круглой формы, с орнаментальным или иероглифическим обрамлением, в свою очередь окруженным двумя кольцами клинописных знаков с царским титулом «табарна», в них почти никог-

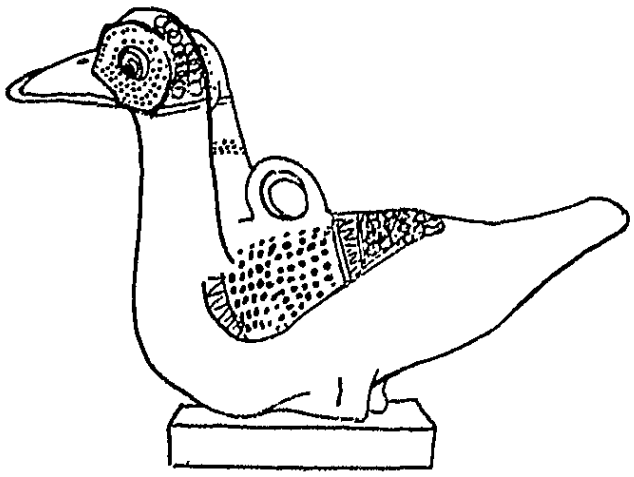

Рис. 31. Кувшин
в форме двухголовой утки
из Богазкёя

да не встречается имя владельца печати. Одновременно существовали печати стиля «тавананна», принадлежавшие царицам. На них по неизвестным причинам внутренние надписи были сделаны клинописью.

Однако примерно к 1400 г. до н. э. царские печати начинают приобретать характер печатей периода Нового царства. На них изображен крылатый солнечный диск. Клинописная надпись на печати сообщает имя,

Рис. 32. Типичные формы сосудов Северо-Западной Анатолии

титулы, изредка происхождение монарха, а иногда и имя его супруги. На наиболее красивых и сложных печатях (впервые появившихся, видимо, в царствование Муваталли) царь изображен в объятиях его бога-покровителя. Такие печати использовались в международных делах для скрепления договоров. Царские печати представляли собой вершину хеттской глиптики.

Печати простых смертных того же периода Нового царства продолжали традиции печатей с иероглифической надписью. В некоторых случаях к надписи, расположенной в центре, прибавлялась фигурка — изображение божества, человека или животного. В других — надпись окружалась цепочкой фигур или треугольных знаков; последние можно было принять за царскую печать с клинописью.

И, наконец, необходимо сказать несколько слов о керамике конца бронзового века в Анатолии. Вряд ли стоит говорить, что во всей Анатолии не было единого стиля керамических изделий, скорее здесь можно выделить множество отдельных гончарных типов. Так называемый хеттский тип керамики был широко распространен в Центральной Анатолии и во всех соседних районах, испытывавших влияние хеттов.

Преимущественно это была одноцветная глиняная посуда, цвета́ которой варьировались от коричневого до красно-коричневого и красного. По большей части хеттская керамика восходит к ранним традициям центральных областей, однако позднее в ней наблюдается определенный упадок, видимо вызванный «массовым производством» [27].

Характерными формами сосудов были кувшины с носиками (более тонкие и не столь элегантные, как в период торговых колоний), так называемые «чайники», кувшины с круглым узким горлышком и ручкой, соединявшей горлышко с плечиком, а также чечевицеобразные сосуды с одной или даже тремя ручками. Чаши встречаются редко, зато кубки самой разной формы довольно распространены. В некоторых кубках края утолщены снаружи, а в других (особенно XIII в. до н. э.) — изнутри. Чаши в виде лодочки встречаются во всех слоях, а в период Нового царства большое распространение получают блюда с нанесенным по краю орнаментом. В то же время чаши или кубки с двумя ручками встречаются довольно часто. Нередко

попадаются и миниатюрные сосуды — видимо, для религиозных обрядов. Обнаруженные «крученые бутыли» и «сосуды для возлияний с ручками» указывают на непосредственную связь с Северной Сирией и Кипром, на влияние гончарных изделий юго-востока.

Для Центральной Анатолии характерна и редко встречавшаяся керамика с лепным орнаментом. Многоцветные сосуды с изображенными на них ритуальными сценами, найденные в Битике, а недавно и в Инандыке, относятся, по-видимому, к эпохе Древнего царства, а одноцветные сосуды, от которых дошли до нас лишь черепки,—к периоду Нового царства.

Пожалуй, наиболее привлекательные образцы хеттской керамики — изделия в форме животных. Известны сосуды, имитирующие львов, но чаще встречаются гончарные изделия в форме быков, а также птиц, особенно водоплавающих.

Самыми ценными из этих образцов справедливо считаются два больших сосуда в форме быка, высотой почти 3 фута, найденные в раннем слое периода Нового царства в нижней части крепостной террасы в Богазкёе.

Каждая фигура выкрашена в красный цвет с кремовыми пятнами, у каждой инкрустированные черные глаза, отверстие в шее для наливания жидкости и по два отверстия в ноздрях для ее выливания. Судя по тому, как одинаково свисают их хвосты, эти сосуды были парными. По всей видимости, они олицетворяли Хурри и Шери — быков бога грозы хурритского и хеттского культов в период Нового царства.

Хеттская керамика встречается далеко на западе, вплоть до района Эскишехира. Это позволяет судить о сфере хеттского политического влияния (эта область, по-видимому, и была Вилусой), чего нельзя сказать о Северной Анатолии, где хеттские гончарные изделия обнаружены в окрестностях Кастамону, Эфлани, Илгаза и Гереде, а также непосредственно к северу от Хаттусы, в Хорозтепе и в Дундартепе, на Черноморском побережье, вблизи Самсуна. Керамика этого района, хотя и происходит от хеттской, во многом сохраняет более тонкие традиции периода торговых колоний, превосходя изделия Центральной Анатолии. Очевидно, *каски*, стараясь воспринять культуру хеттов, все же в каких-то областях самостоятельно достигли более высокого уровня, чем их южные соседи.

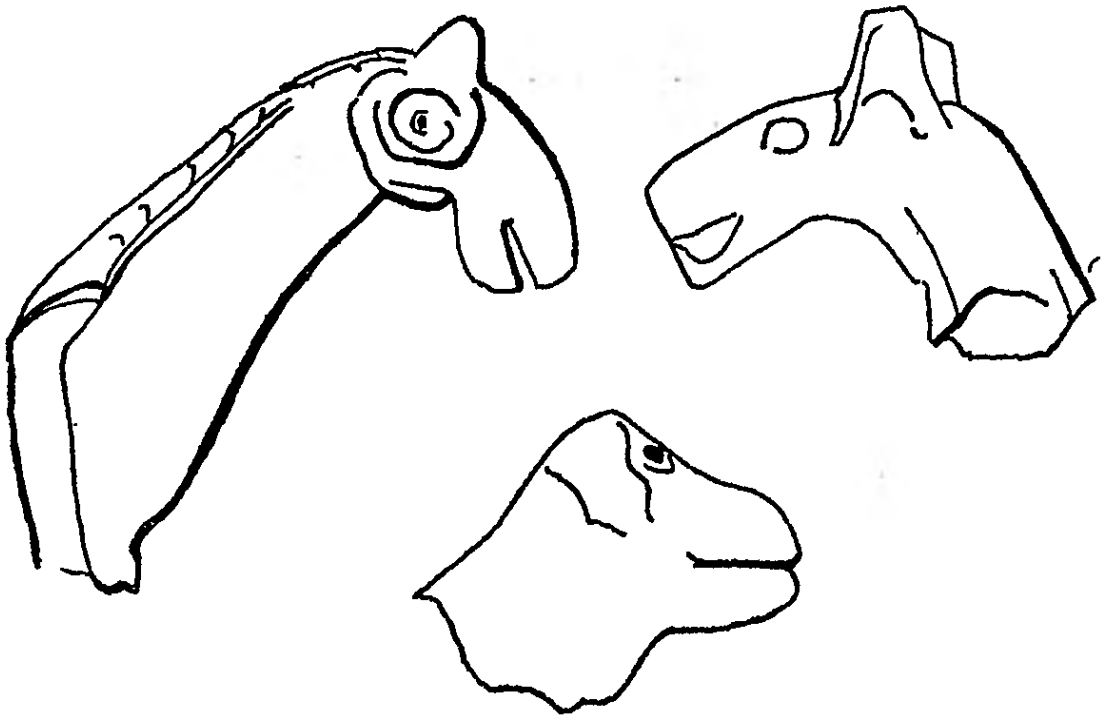

Рис. 33. Ручки сосудов в форме голов животных. Троя VI

Киликия — еще один район, керамика которого свидетельствует о политическом господстве хеттов. Здесь найдены небольшие чаши, блюда, кувшины с узкими горлышками и другая посуда, типичная для Центральной Анатолии. В районе Элязыга тоже можно выявить присутствие хеттов по их керамике. Здесь серые вазы, относящиеся к ранней местной традиции, соседствовали с типичными сосудами периода Древнехеттского царства. За ними следовали характерные гончарные изделия времени Нового царства, в частности грубые блюда, в основном оранжевых оттенков, в отличие от коричневой или красной керамики Центральной Анатолии.

В Восточной Анатолии почти нигде не сохранилось остатков керамики конца бронзового века. Высказывалось предположение, что после периода расцвета в III тысячелетии до н. э. население здесь вновь перешло на кочевой образ жизни вплоть до II тысячелетия до н. э.[28], однако подтвердить эту гипотезу могут только дальнейшие исследования и раскопки.

Если теперь мы обратимся к Западной Анатолии, перед нами предстает совершенно иной тип керамики. Для северо-запада, например, были характерны сосуды особой формы и обработки, известные большей частью

по находкам в Трое (слои VI и VII*a*), а также далее на побережье, близ Смирны, на прибрежных островах и в глубине материка, на равнинах Балыкесира и Акхисар-Манисы. Наиболее интересная керамика этого района — сосуды высокого качества и искусной отделки, покрытые при обжиге серой глазурью, так называемая «серая минойская» посуда из раскопок Трои. Но вместе с ней всегда находили красные или желтоватые сосуды. В той же Трое, например, красная керамика типична для раннего слоя VI, однако в позднем слое VI и в слое VII*a* она исчезает, и наиболее характерными становятся желтоватые гончарные изделия. С другой стороны, в Смирне серая посуда появляется довольно поздно и становится доминирующей только в конце бронзового века.

Гончарные изделия всего этого района с их характерными высокими ручками, острыми углами и похожими на заклепки выпуклостями наводят на мысль, что вся эта керамика серых, красных и желтоватых тонов — имитация драгоценных сосудов из серебра, золо-

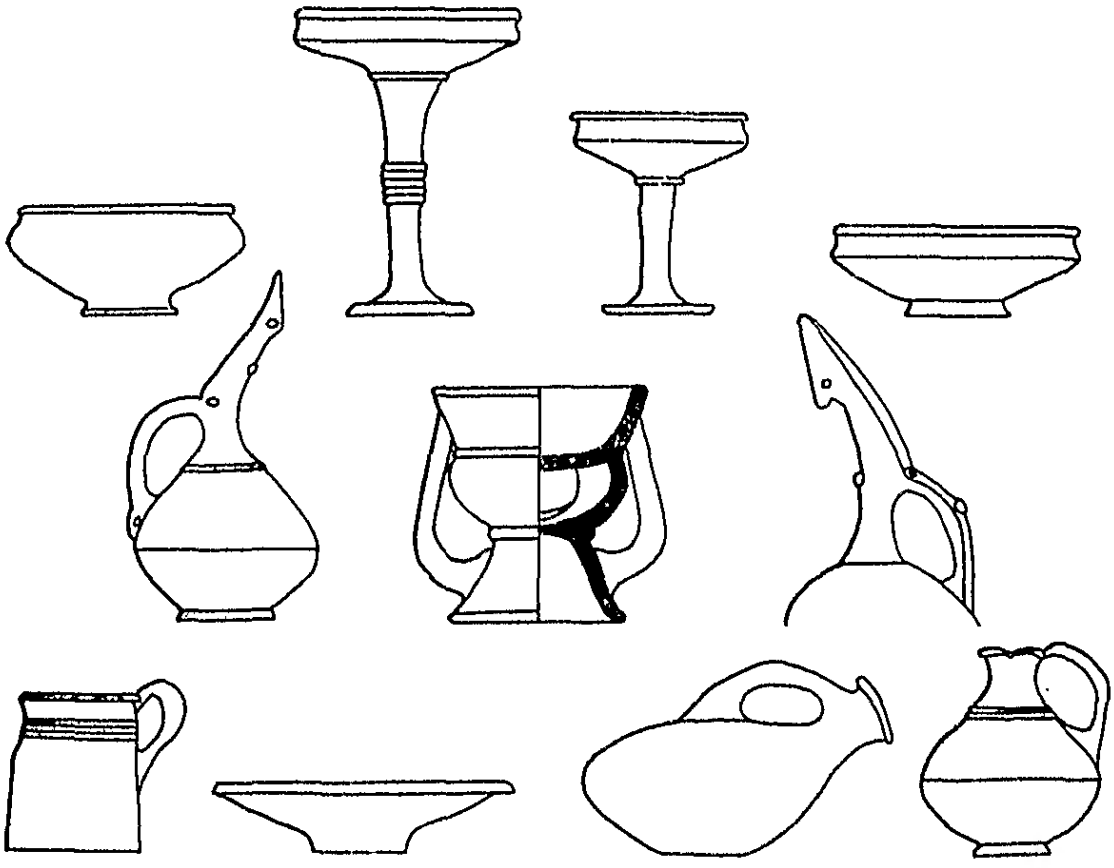

Рис. 34. Типичные формы гончарных изделий. Бейджесултан

та и меди[29]. Гончарные изделия Центральной Анатолии, такие, как кувшины с клювообразными носиками и широкие блюда с орнаментированными краями, говорят в пользу этих предположений.

Наиболее характерными остаются кубки с прямыми стенками, с подставками или без них, красные кубки с орнаментом по внутреннему краю и часто с высокими выступающими ручками, а также изящные круглые кубки, кувшины со скругленными или тройными носиками наподобие трилистника и разнообразные по форме широкогорлые вазы. Украшались они в основном волнообразными линиями, которые чаще всего наносились на верхнюю часть сосудов.

Особое пристрастие у троянцев вызывали сосуды с ручками в виде голов зверей. В самой Трое найдено достаточно привозной микенской керамики и местных образцов, подражавших ей. Но в общем в этом районе влияние микенской керамики почти не чувствуется, хотя по некоторым признакам она проникла в глубь материка вплоть до Сард и даже дальше.

Район Изника на первый взгляд может показаться какой-то обособленной гончарной провинцией, для которой характерна обожженная посуда оранжево-желтоватого оттенка с довольно часто встречающимся глазурованным орнаментом и одновременно необожженная — по-видимому, упрощенный образец обожженной. Без новых археологических данных точно определить ее возраст пока не представляется возможным.

Поздний бронзовый век в Анатолии, лучше всего представленный слоями III, II и I в Бейджесултане, характерен особой и весьма отличной по формам керамикой.

В слое III попадаются еще сохранившиеся с середины бронзового века окрашенные в темно-коричневые цвета сосуды, однако бóльшая часть керамики этого же слоя покрыта красной или желтоватой глазурью. Попадаются также великолепные сосуды красного, серого или золотистого цвета с вкраплениями слюды. Эти имитации металлической посуды становятся особенно популярными в слое II, хотя наряду с ними обнаружены и обычные глазурованные изделия.

В слое I в основном попадается керамика, типичная для слоя II, однако ее постепенно заменяет новая глазурованная посуда с более богатой палитрой красок — белая, оранжевая, розовая, ярко-красная и др., а также

грубая кухонная посуда с орнаментом, воспроизводящим веревочную оплетку. Для юго-запада наиболее характерны различные по форме чаши, «вазы для фруктов», «пивные кружки» с одной ручкой, красные бокалы, обычно без ручек, плоские блюда, кувшины с двумя или тремя носиками, кувшины с носиками в форме клювов.

В слое II был найден необычный для этого уровня любопытный сосуд, так называемый «подогреватель питья» — двуручный, разделенный по горизонтали на две части. Верхняя похожа на вазу, а нижняя имеет отверстия, через которые туда можно было засыпать горящий уголь, и вентиляционные отверстия для тяги. Подобных «самоваров» того же периода археологи еще не встречали.

Керамика на юго-западе Анатолии в поздний бронзовый век была повсеместно одинаковой до появления в I слое иноземных изделий, бóльшая часть которых, по всей видимости, происходила из Центральной Анатолии.

Ранее это объяснялось притоком на юго-запад беженцев после крушения Новохеттского царства, однако сравнительное изучение этих гончарных изделий показало, что типичная для Бейджесултана керамика скорее относится к XIII, а не к XII в. до н. э. И никаких исторических причин для ее появления здесь в это время пока еще не установлено.

Следует добавить, что некоторые ученые считают, что керамика позднего бронзового века из Бейджесултана имеет столько параллелей с керамикой среднебронзового века Центральной Анатолии, что ее фактически следует отнести к последнему периоду, а не к концу II тысячелетия до н. э. Но в общем-то имеющиеся свидетельства говорят в пользу позднего бронзового века. И только с помощью новых материалов мы сможем решить эту проблему.

Остается еще вопрос о микенской керамике на юго-западе Анатолии. Раскопки поселений и захоронений Милета, Иасоса и Мюсгеби не оставляют никаких сомнений: это микенские колонии южной части западного побережья. В других частях побережья подобных колоний не обнаружено, а проникновение микенцев в глубь материка было минимальным.

Многочисленные данные об укрепленных городах Милета и Иасоса, казалось бы, свидетельствуют о том, что именно здесь находилось царство, известное хеттам как Аххиява. Эта теория во многом привлекательна, однако что касается автора данной книги, то, по его мнению, она создает множество исторических и географических неувязок. Именно из-за них в этой книге Аххиява показана на карте в северо-западной части Анатолии.

Глава V

ВОЙНА И ОБОРОНА

Военные и дипломатические проблемы, стоявшие перед хеттами, диктовались прежде всего географическим положением их страны и ее экономическими потребностями. Для того чтобы лучше понять эти проблемы, необходимо подробнее ознакомиться с землей Хатти и ее отношениями с ближайшими соседями.

За отправную точку следует взять столицу Хаттусу и ее местоположение — на северной стороне скалистого хребта, у подножия которого лежит плодородная равнина — объект нашего внимания. Эта богатая сельскохозяйственная область была основным поставщиком зерна в столицу, и защита ее от набегов *касков* с северных холмов доставляла немало забот хеттским правителям. При этом страшна была не только долговременная оккупация плодородных земель, ежегодные налеты, губившие урожай, тоже подрывали снабжение столицы продовольствием. Чтобы предотвратить такие налеты, хеттам пришлось создать пограничную линию крепостей, которая была главной заботой хеттских царей всего цериода Нового царства.

Стратегическим центром этой оборонительной линии была Хакписа (скорее всего нынешняя Амасья). Отсюда линия укрепленных фортов шла через районы Ханханы и Хаттены (по-видимому, поблизости от Мерзифона и Гюмюшхаджикея) к священному городу Нерику, находившемуся скорее всего в излучине р. Галис, напротив современного Каргы [30].

Сам Нерик располагался в опасной близости от земель *касков* и долгое время был в руках каскских племен. В целях безопасности этой северной границы район между укрепленными фортами постоянно патрулировался, и местное население следило за передвижениями *касков*. Если они прорывали эту линию, остава-

лось последнее оборонительное сооружение — ров, выкопанный от Амасии через Чорум, где еще можно было сдержать врага. Если же и эта линия не выдерживала, сама столица хеттов оказывалась беззащитной перед *касками.*

К востоку от Хакписы граница проходила, по-видимому, по узкой долине Ешиль-Ирмака вплоть до Гациуры (сегодняшнего Турхала). Отсюда оборонительная линия шла к верховьям Галиса и заканчивалась где-то между Сивасом и Зарой. Вся эта граница подвергалась постоянным набегам *касков.* И хотя во время ответных рейдов хетты доходили до берегов р. Куммесмаха (возможно, Келькит), им ие удавалось добиться здесь постоянного превосходства. Отряды *касков* не только опустошали северные районы долины Галиса, но иногда переправлялись на южный берег и устремлялись к Канесу, располагавшемуся вблизи современного Кайсери, и угрожали самым важным путям, связывавшим хеттов с востоком.

К востоку от Зары по холмам проходила граница, где кончались земли *касков* и начинались владения Ацци (Хайасы). Здесь были, пожалуй, самые богатые рудники Северо-Восточной Анатолии, и, хотя Суппилулиума пытался заполучить их дипломатическим путем, а Мурсили позднее захватить их силой, у нас нет достаточных сведений, что хетты надолго задерживались в этом районе. Они смогли только закрепиться на пограничной линии от верховий Галиса до Евфрата. За этой линией находилось буферное государство или провинция под названием Верхняя страна, административным и религиозным центром которой был город Самуха. Согласно одним ученым, он располагался на берегах Галиса, другим — Евфрата [31]. По мнению же автора, он находился вблизи или на месте современного Дивриги.

В стратегическом отношении Верхняя страна была очень важна, потому что, если бы она пала, враг легко перерезал бы путь от Сиваса (по-видимому, хеттской Марассантии) к равнине Малатьи (вероятно, хеттской Тегараме), путь, который был важнейшей для хеттов дорогой в Северную Сирию и который со времен Мурсили I вплоть до царствования Суппилулиумы оставался единственным для связи с этой областью.

За Евфратом и равниной Малатьи лежала страна Исува, где находились медные рудники Эргани-Мадена, самые богатые на всем Ближнем Востоке. Они распо-

лагались между Хатти и Митанни, что делало эти рудники постоянным источником раздоров, и только все тот же Суппилулиума сумел прибрать их к своим рукам. С этого момента и вплоть до нападения ассирийцев в царствование Тудхалии IV (примерно в 1265 г. до н. э.) рудники Исувы служили главным источником вооружения хеттских войск.

Мы уже подчеркивали, насколько важны были для хеттов пути из Центральной Анатолии в Северную Сирию. Помимо упомянутой выше торговой дороги Сивас—Малатья другие основные дороги вели: одна — от Канеса (близ современного Кайсери) через перевалы Антитавра, через знаменитые Киликийские ворота к Киликийской равнине, другая — с южного плато в современном Карамане к району Силифке на Средиземноморском побережье и дальше вдоль берега через Мерсин, Тарсус и Адану. До расцвета хеттского царства ассирийские купцы свободно проходили через перевалы Антитавра, но уже первые хеттские монархи, начиная с Хаттусили I (около 1650 г. до н. э.), взяли под контроль эти перевалы и Киликийские ворота. Однако ко временам Телепину (около 1500 г. до н. э.) Киликия стала независимым государством Адания со столицей предположительно в Адане, а более северные пути оказались на территории царства Кицтуватна, столица которого Куммани находилась, по-видимому, где-то поблизости от современного Шара. Согласно договору, заключенному с Кицтуватной, Телепину пользовался этими торговыми путями, но недолго. Быстро возросшая мощь Митанни заставила Кицтуватну отказаться от союза с хеттами. После этого перевалы в горах Антитавра неоднократно переходили из рук в руки по мере усиления того или иного соперника. Похоже, что в этот смутный период Кицтуватна ухитрилась поглотить Аданию и что контроль над Киликийскими воротами, а также над путем Караман — Силифке и над более северными дорогами перешел к ней. Суппилулиума вовремя смог заключить с Кицтуватной договор, по которому та продолжала контролировать южные дороги, а весь район Антитавра со всеми перевалами полностью был включен в пределы царства хеттов. При Мурсили в него же вошла и вся Киликия, так что, когда хеттам пришлось столкнуться с египтянами, Муваталли смог перенести свою столицу в Датассу, стоявшую на торговом пути Караман—Силифке. Возможно,

это было временным явлением, но именно по этому пути продвигались хеттские войска из Западной Анатолии в Киликию и дальше в Северную Сирию.

После захвата Киццуватны границы царства хеттов расширились до Средиземноморского побережья и долины Евфрата. Здесь главной мощной державой был Халеб, основной соперник Хаттусили I и Мурсили I, однако после быстрой победы над сирийцами Суппилулиума посадил на трон этого государства своего сына. В то же время он отдал корону главного соперника Халеба, Кархемыша, другому сыну. Так осуществлялась политика хеттов.

Вокруг этого района Евфрата было создано множество вассальных царств, например реорганизованная Митанни, которая должна была противостоять Ассирии, Угариту и Алалаху на Средиземноморском побережье, а также Кинза (Кадеш) и Амурру на юге. Цель последних — перекрыть дороги, по которым мог бы продвинуться Египет, чтобы взять реванш.

Таково было достаточно эффективное для империи хеттов расположение сил.

В предыдущей главе немало говорилось о политических отношениях хеттов с западом и юго-западом. Здесь естественной границей был западный край равнины Конья (по-хеттски «Нижняя страна»). По другую сторону этой границы лежали земли Арцавы. Здесь, так же как на границе с *касками*, была необходима сильная линия укреплений, потому что, несмотря на ряд успешных завоеваний Арцавы и создание буферных царств в Хапалле (вокруг озер Бейшехир и Эгридир), а также Миры (в районе Афьон-Кютахья), здесь, на западе, не было прочного прохеттского объединения.

Далее на севере пролегала вторая жизненно важная артерия хеттов — путь к Мраморному морю и Троаде. Здесь обычно обходились дипломатией, ибо в общем-то государства, лежавшие на этом пути, такие, как Аххиява (Троада) и Вилуса (на равнине Эскишехир), понимали, что этот торговый путь был им взаимовыгоден.

Однако этот торговый путь необходимо было защищать от арцавцев, и именно для этой цели было создано буферное государство — «страна реки Сеха» (в районе Балыкесира?).

К северу от этого пути лежали земли Хуланы (в районе нынешнего Бейпазары), Кассия (в долине Дев-

рез), Пала и Туммана (в районе Кастамону). Политика хеттских монархов заключалась в том, чтобы поддерживать эти центры для отражения набегов северных народов на Черноморское побережье.

Страна эта представляла собой, по существу, продолжение земель *касков*, а потому никакая окончательная победа была здесь невозможна. Царства Маса (в районе Болу) и Араванна (возможно, Сафранболу) постоянно находились под угрозой нападения с запада, в то время как Туммана и Пала, расположенные чуть западнее нижнего течения Галиса, были более доступны для нападений *касков*. Что же касается остальной границы с *касками*, единственными мерами защиты были здесь повседневная бдительность и решительные контратаки.

При таких протяженных и разных границах проводить однозначную политику обороны было невозможно. В идеальном мире, где ресурсов предостаточно и торговля одинаково хорошо удовлетворяет производителей и потребителей, а те и другие осознают свою взаимозависимость, заключаются твердые соглашения и границы практически перестают существовать. Однако мир Анатолии был далеко не идеальным. Хеттское царство было окружено державами, стремившимися захватить те же самые источники сырья, и именно защита этих источников или путей, ведущих к ним, определяла политику хеттов. Союзы между великими державами становились возможными лишь в том случае, если двум из них угрожала третья; например, хетты объединились с египтянами против Ассирии. За исключением подобных редких случаев, мирная международная политика вряд ли могла принести значительные успехи.

В этом противоборствующем, противоречивом мире на стороне хеттов было одно большое преимущество: их царство являлось внутренней, «континентальной» державой. И хотя противники окружали их со всех сторон, было весьма мало вероятно, чтобы они сумели все объединиться, в то время как хетты, используя свою центральную позицию, имели возможность быстро перебрасывать свои войска с одной границы на другую в самые опасные точки. В отдельных случаях пограничные проблемы разрешались путем завоеваний. Так, Суппилулиума вторгся в Митанни, а Мурсили захватил Арцаву. Но в конечном счете хеттские цари поняли, что им и собственных владений вполне достаточ-

но для сохранения превосходства над соседями. Чтобы оставаться хозяином положения, хеттское царство использовало, как мы видели, два способа: дипломатические союзы с малыми буферными государствами и военную силу.

О дипломатии хеттов пойдет речь в другой главе. А сейчас нас прежде всего интересует армия, которая играла столь значительную роль во всей истории хеттов. Эта армия, насчитывавшая иногда до 30 000 человек, состояла из двух основных частей — пехоты и колесниц. В пехоту входило сравнительно небольшое число постоянных отрядов, из которых одни были в личной охране царя, другие патрулировали границы и подавляли мелкие бунты. О том, как они формировались, нам ничего не известно, но мы знаем, что в отдельные периоды среди них были и наемные войска.

Во время военных кампаний пехота пополнялась за счет рекрутов из местного населения, а в случае необходимости — отрядов из вассальных государств. В пехоту входили также специальные отряды «саперов», которых использовали при осадных работах, и особые гонцы, иногда верховые. Но, как правило, лошади предназначались только для колесниц — главной ударной силы империи хеттов, как, впрочем, и других держав Ближнего Востока той эпохи.

Главным военачальником был сам царь, и достоверно известно, что хеттские цари лично участвовали в сражениях. Царь перепоручал кому-либо командование лишь в тех случаях, когда сам был болен, или занят военными действиями в другом месте, или же исполнял культовые обязанности верховного жреца. Тогда во главе войска вставал, как правило, член царской семьи, носивший какой-нибудь громкий дворцовый титул, вроде «главного виночерпия» или «главы пастухов». В отдельных беспокойных районах, например на северной границе и в Кархемыше, требовалось постоянное присутствие царского военачальника. В таких случаях одному из принцев присваивали титул «царя» данной области и наделяли правами более или менее самостоятельного командования.

Систему рангов в хеттской армии сейчас уже воссоздать почти невозможно, но, по всей видимости, низшие командные должности распределялись в соответствии со знатностью, а сама организация строилась по десятичной системе, где низшим было объединение из десяти

человек, далее — из ста и, наконец, тысячи по возрастающей иерархии командования.

Так же мало мы знаем и об оплате воинов. Во многих случаях военная служба была одной из повинностей, но о системе повинностей мы поговорим в другой главе, а пока можно только добавить, что хетты наверняка рассчитывали на победы, за которыми немедленно следовал раздел захваченной добычи. Опасность этой системы ярко проявилась в битве при Кадеше, где сравнительно легкая победа хеттов едва не обернулась их поражением, когда колесничие бросились грабить египетский лагерь, не убедившись, что враг полностью разбит.

Находясь на вражеской территории, хеттские воины наверняка старались поживиться за счет местных жителей. Гарнизоны пограничных крепостей, очевидно, собирали дань с местного населения, и, по-видимому, та же система применялась, когда крупные воинские контингенты перемещались из одного конца хеттского царства в другой. Но помимо этого у хеттских воинов были большие обозы из вьючных ослов и влекомых быками повозок, в которых за ними следовало не только вооружение, но, видимо, и провиант. Главной проблемой и в Анатолии и в Северной Сирии всегда была вода. Во многих районах число дорог, по которым могли следовать даже небольшие отряды, резко ограничивалось отсутствием этого главного жизненного элемента.

Что касается вооружения хеттских войск, то здесь, пожалуй, стоит начать с современного определения военного искусства: «чтобы превзойти противника, необходимы три вещи: маневренность, превосходство в огневой мощи и надежность защиты» [32].

В первом случае главным оружием хеттов, как и других народов того времени, были легкие колесницы. Эти колесницы появились у хеттов около середины II тысячелетия до н. э. и быстро распространились по всему Ближнему Востоку. Усовершенствованная колесница была чудом искусства — легкая и чрезвычайно маневренная на большой скорости. Основу ее составляла деревянная рама, обитая кожей. Она стояла на широкой оси с деревянными колесами со спицами. Из-под рамы спереди выступало дышло, к которому с обеих сторон припрягали двух лошадей. Однако превосходство хеттов объяснялось не тем, что они имели эти колесницы (у всех их противников они тоже были), а тем, что хет-

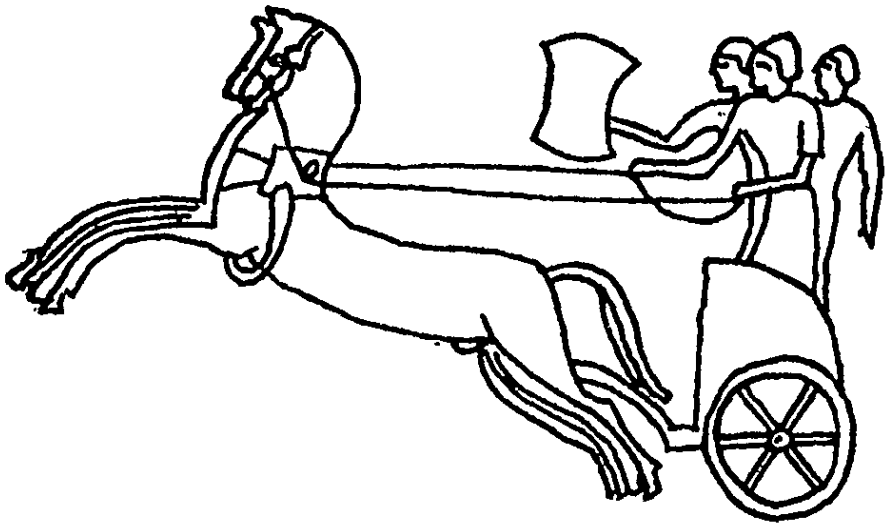

Рис. 35. Хеттская колесница
(с египетского рельефа в Фивах)

ты умело видоизменяли основную конструкцию применительно к обстоятельствам.

Главная проблема в конструкции колесниц заключалась в том, чтобы совместить скорость и маневренность с огневой мощью и безопасностью. Для достижения этих задач конструктор был обязан обратить особое внимание на легкость рамы, длину и расположение оси, а также на достаточную ее устойчивость, чтобы эффективно использовать применяемое с нее оружие. И надо было еще придумать какие-то приспособления для обороны или же найти способ, с помощью которого воин на колеснице мог бы защищаться. Иными словами, колесничему приходилось выполнять сразу три функции: управлять колесницей, использовать оружие и как-то обороняться.

Египетские фараоны разрешили эту проблему по-своему. Например, в битве при Кадеше Рамсес II изображен в кольчуге, вожжи привязаны у него к поясу, и, таким образом, обе руки свободны, что позволяет ему разить врагов из лука. Кроме того, сбоку его колесницы прикреплен колчан с дротиками. Сама колесница, подобно всем египетским колесницам того периода, имела ось в задней части кузова; такое расположение делало ее чрезвычайно маневренной на большой скорости. Однако далеко не все египтяне обладали универсальным боевым искусством фараона, и на обычных египетских колесницах были двое — возница и воин, вооруженный луком и дротиками. Совершенно очевид-

но, что египтяне рассматривали колесницы как боевые платформы, с которых можно было на большой скорости поражать врагов метательными снарядами, внося в ряды противника максимум замешательства.

Отношение хеттов к боевым колесницам было иным. Для них колесницы представляли собой тяжелую наступательную силу, способную мощной организованной атакой прорвать и уничтожить оборонительные линии вражеской пехоты. Поэтому основным оружием хеттских воинов на колесницах были копья для ближнего боя. Ось колесницы располагалась не сзади, а в середине кузова, из-за чего колесницы легко переворачивались на большой скорости, но такой недостаток маневренности с лихвой искупался более мощной поражающей силой, потому что благодаря среднему расположению оси хеттская колесница несла не двух, а трех человек: возницу, воина с копьями и воина со щитом, защищавшего всех троих. Таким образом, дополнительный вес усиливал мощь атаки, а в последующей рукопашной схватке у хеттов сразу оказывалось численное превосходство.

У других анатолийских держав, таких, как Арцава, Аххиява и даже Каска, тоже были колесницы, но они лишь упоминаются в хеттских текстах, и мы ничего не знаем об их конструкции и вооружении. Дело в том, что в такой пересеченной местности, как Анатолия, от колесниц в сражениях было немного толку, и они, по-видимому, служили в основном для быстрого передвижения царей и высокопоставленных чиновников и, конечно, для поспешного бегства врагов хеттов, которые после поражения «бежали в одиночку», бросая свои войска и даже детей и жен на милость великого хеттского царя.

Об организации хеттской пехоты мы знаем меньше. В битве при Кадеше она играла весьма незначительную роль, в основном защищала обозы с провиантом и вооружением от внезапных налетов противника. Однако в горах Анатолии пехота играла самостоятельную роль, и в этих сражениях, если судить даже по явно пристрастным записям в царских хрониках, хеттская армия и здесь превосходила своих противников. Это превосходство, по-видимому, достигалось не огневой мощью, а лучшей тренированностью и дисциплиной, позволявшей военачальникам скрытно и быстро передвигать свои войска на большие расстояния, пользуясь естественными складками местности или темнотой, что давало

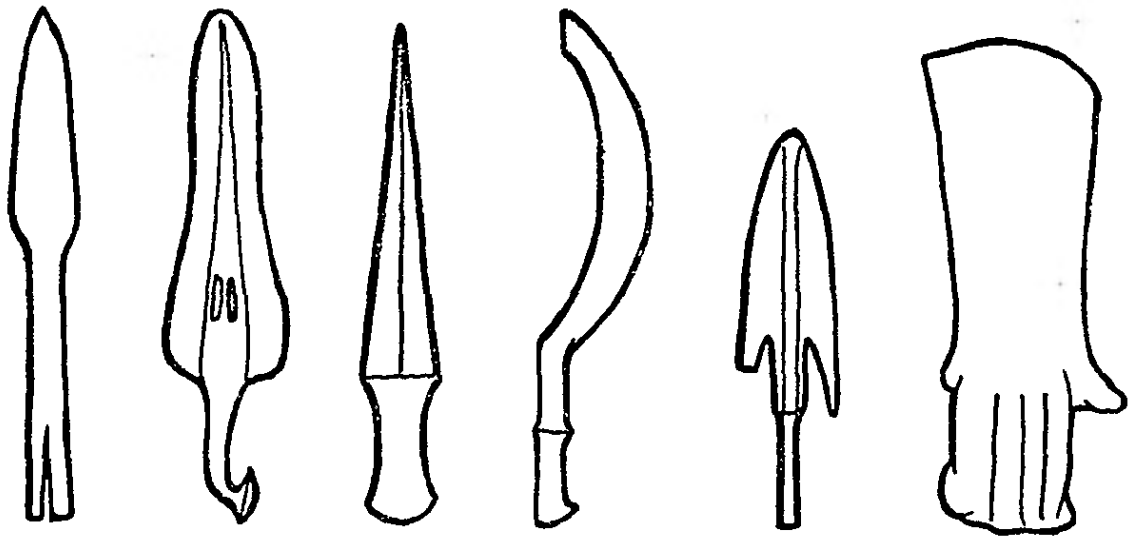

Рис. 36. Оружие: наконечник копья из Бейджесултана; наконечник копья (середина бронзового века), происхождение неизвестно; прямой меч с египетского рельефа в Мединет-Абу; серповидный меч с рельфа в Язылыкая; наконечник копья из Богазкёя; боевой топор из Богазкёя

им элемент внезапности, столь важный для успешного развития боя. А когда начиналась атака, маршевую колонну с хода разворачивали в боевые порядки, которые прорывали ряды врагов, прежде чем те успевали организовать оборону. Некоторое представление о быстром продвижении хеттских боевых колонн дает скульптурная галерея Язылыкая, где изображены зловещие в своем однообразии стремительно шагающие воины-боги.

Главное оружие хеттской пехоты, по-видимому, варьировалось в зависимости от характера местности. Так, в Северной Сирии, где сражения происходили на открытых равнинах, воин был вооружен длинным копьем.

В начале II тысячелетия до н. э. наконечник копья прикреплялся к древку с помощью комбинации загнутых язычков (иногда с «пуговицей» на конце), вонзаемых в древко, и прорезей в самом наконечнике, через которые наконечники можно было дополнительно привязывать к древку. Аналогичные загнутые язычки использовались для крепления металлического острия к другому концу деревянного древка. Первоначально это острие служило для балансировки копья, однако в бою им можно было пронзить врага, а на отдыхе или на привалах во время перехода воин мог втыкать свое копье этим острием в землю. К концу II тысячелетия до н. э. появились более эффективные формы наконечников с отвер-

стиями в торцах, куда входил конец древка. Такие наконечники, по-видимому, реже слетали с древка в бою.

В Анатолийских горах хеттские воины использовали рубящие мечи — страшное оружие в форме больших серпов с режущим наружным краем. И только почти в самом конце II тысячелетия до н. э. мастерство кузнецов настолько возросло, что появились длинные прямые мечи. Это оружие, возможно впервые, распространилось в Западной Анатолии, что вполне объяснимо, если принять эту область за прародину многих «народов моря», которые на египетских рельефах обычно изображаются с длинными прямыми мечами.

Кроме того, у хеттских воинов были короткие колющие мечи или кинжалы, которые часто изображались на скульптурах. Эфесы их часто имеют изогнутую серпообразную форму или искусно украшены головами животных (по-видимому, такие кинжалы использовались во время религиозных церемоний). И эти мечи-кинжалы часто бывали слегка изогнуты, как на скульптурных рельефах из Богазкёя и Трои. Встречаются также прямые мечи с расширенным в центре лезвием — изделие, особенно популярное у анатолийских оружейников.

В ранний период II тысячелетия до н. э. рукоятка мечей и кинжалов крепилась к лезвию с помощью заклепок, но позднее появилась более усовершенствованная форма: лезвие и основа рукоятки ковались из одного бруска металла, а уже к основе рукоятки заклепками и загибающимися краями крепили инкрустированные пластины из дерева или кости. В Западной Анатолии, естественно, чувствовалось эгейское и европейское влияние, например в кинжале из Терми. Однако расширенное в середине лезвие кинжала говорит скорее за то, что он был местного производства, а не привозной. Далее к востоку подобное же влияние прослеживается в форме мечей с рельефов в Карабеле (к востоку от Измира), в Гявуркале (близ Анкары), в Язылыкая, а в начале I тысячелетия до н. э. такие мечи распространились на юго-восток. Часто эфесы мечей и кинжалов были украшены головками из камня, кости или металла, которые сохранялись гораздо дольше, чем само лезвие.

Еще одно оружие хеттских воинов — боевые топоры. Они имели две основные формы: первая — с отверстием, куда вставлялась рукоятка, и вторая — плоский топор, который вклинивали в расщепленное топорище, а затем привязывали для прочности. Наиболее ранние в Анато-

лии топоры с отверстиями для топорища явно восходили к каменным топорам, но довольно скоро появились их характерные металлические разновидности. Образцы боевых топоров из самых разных и отдаленных районов Анатолии свидетельствуют о широком международном влиянии сходной техники металлообработки во II тысячелетии до н. э. Мастерские кузнецов располагались вдоль торговых путей, и государственные границы мало влияли на их изделия. Топоры из Кюльтепе начала I тысячелетия до н. э. имеют характерную ассирийскую форму. Это легко объяснить влиянием местных ассирийских торговых колоний, однако рифленые насечки вокруг отверстия для топорища характерны не только для Восточной Анатолии, но также для Сирии, Ирана и Северного Кавказа и не связаны с особенностями какого-либо местного производства.

Пожалуй, самым известным топором с отверстием для топорища можно считать боевой топор, который держит воин на рельефе Царских ворот в Богазкёе. На этой скульптуре острый выступ на задией части обуха является как бы развитием рифленых насечек, о которых упоминалось выше, как и на палестинском образце из Бет-Шана. Но само лезвие больше всего напоминает боевые топоры из районов Кавказа. Изогнутое топорище и декоративные кисточки делают это оружие уникальным: подобных экземпляров археологи еще не находили.

Вопрос о плоских топорах без отверстия для топорища усложняется тем, что они могли скорее служить орудиями для обработки дерева или металлов, чем боевым оружием. Тем не менее очевидно, что по крайней мере некоторые из них были топорами, а не широкими долотами или теслами и, несомненно, использовались как в дни мира, так и во время войн. Такие топоры имели обычно выступы или ушки по обеим сторонам лезвия в том месте, где оно вставлялось в топорище. Они широко использовались во многих районах Анатолии.

На вооружении хеттских войск были, разумеется, и луки. Иногда ими пользовались на египетский манер воины на колесницах, и вполне возможно, что они были оружием хеттской легкой пехоты, так же как у *касков* и других народов того времени. Сам лук был склеен из отдельных частей дерева и рога и согнут так, чтобы иметь наибольшую прочность и силу. Это оружие, вероятно, ввезено в Анатолию из Месопотамии в аккадский

период. Его можно узнать на скульптурных изображениях по характерной особенности: оба конца выгнуты наружу, либо же лук имеет треугольную форму, где основанием треугольника является тетива. Наконечники стрел ковались из бронзы, часто они имели зазубрины у основания. Крепились они с помощью хвостовиков к деревянным или тростниковым стрелам. Колчаны из кожи или древесной коры вмещали, вероятно, от 20 до 30 стрел.

Для личной защиты хеттские воины носили шлемы, а иногда щиты. Лучший образец шлема представлен на изображении с Царских ворот. У него заостренная верхушка (шишак), пластины, прикрывающие щеки и затылок, и длинное перо, свисающее с шишака на спину воина.

Хеттские щиты изображены на египетских рельефах битвы при Кадеше. Они были деревянными, обтянутыми кожей и по форме отдаленно напоминали восьмерку. Несмотря на уменьшенные размеры на египетских рельефах, они явно предназначались для защиты всего тела воина. Заметное отсутствие щитов у пехотинцев на этих изображениях подтверждает нашу мысль, что длинные одеяния хеттских воинов на самом деле кольчуги или своего рода тяжелая защитная одежда, которую оставляли в обозе на время быстрых переходов, а не «тропическое обмундирование». Судя по анатолийским рельефам, хеттские воины обычно носили короткие подпоясанные туники или килты, распахнутые на груди. Фигура на Царских воротах изображена именно в такой тунике, однако существует предположение, что то, что ранее принималось за изображение волос на обнаженной груди, в действительности символизирует кольчугу.

В конце I тысячелетия до н. э. «народы моря» ввели щиты круглой формы, и они стали обычным снаряжением новохеттских войск.

Искусство фортификации было известно в Анатолии с глубокой древности. Примерно в 6000 г. до н. э. неолитическое поселение в Чатал-Хююке защищалось самым простым способом: дома стояли вплотную друг к другу, и войти в них можно было только через отверстия в крышах. (Впрочем, возможно, такой план поселения первоначально был продиктован необходимостью защищаться от паводковых вод, а не от вражеских нападений, но это мало вероятно). Таким образом, напа-

дающие оказывались перед сплошной стеной, которая, очевидно, была достаточно высокой и прочной.

Но время шло, оружие усовершенствовалось, и нужно было изобретать для обороны нечто более эффективное. Так, поселение в Хаджиларе II (около 5400 г. до н. э.) уже было окружено стеной из кирпича-сырца толщиной от 5 до 10 футов, с маленькими башнями, позволявшими защитникам стрелять вдоль внешней стороны стены. Немного позднее в Хаджиларе I (около 5250 г. до н. э.) стена становится еще массивнее и на ней появляются «выступы» для лучшего обзора при стрельбе вдоль лицевой стороны.

Воздвигнутая на вершине холма около 4000 г. до н. э. крепость в Мерсине (слой XVI) дает нам пример дальнейшего развития фортификационного искусства. Стены из кирпича-сырца стояли на расположенных террасами каменных основаниях (в Хаджиларе каменный фундамент был только под башнями), а круглые склоны у подножия были завалены каменными глыбами, которые крайне затрудняли подход к этим основаниям. Сами же стены представляли собой сочетание отдельных прямоугольных секций с узкими выступами в разных направлениях, на которых стояли, чередуясь, башни для бокового обстрела.

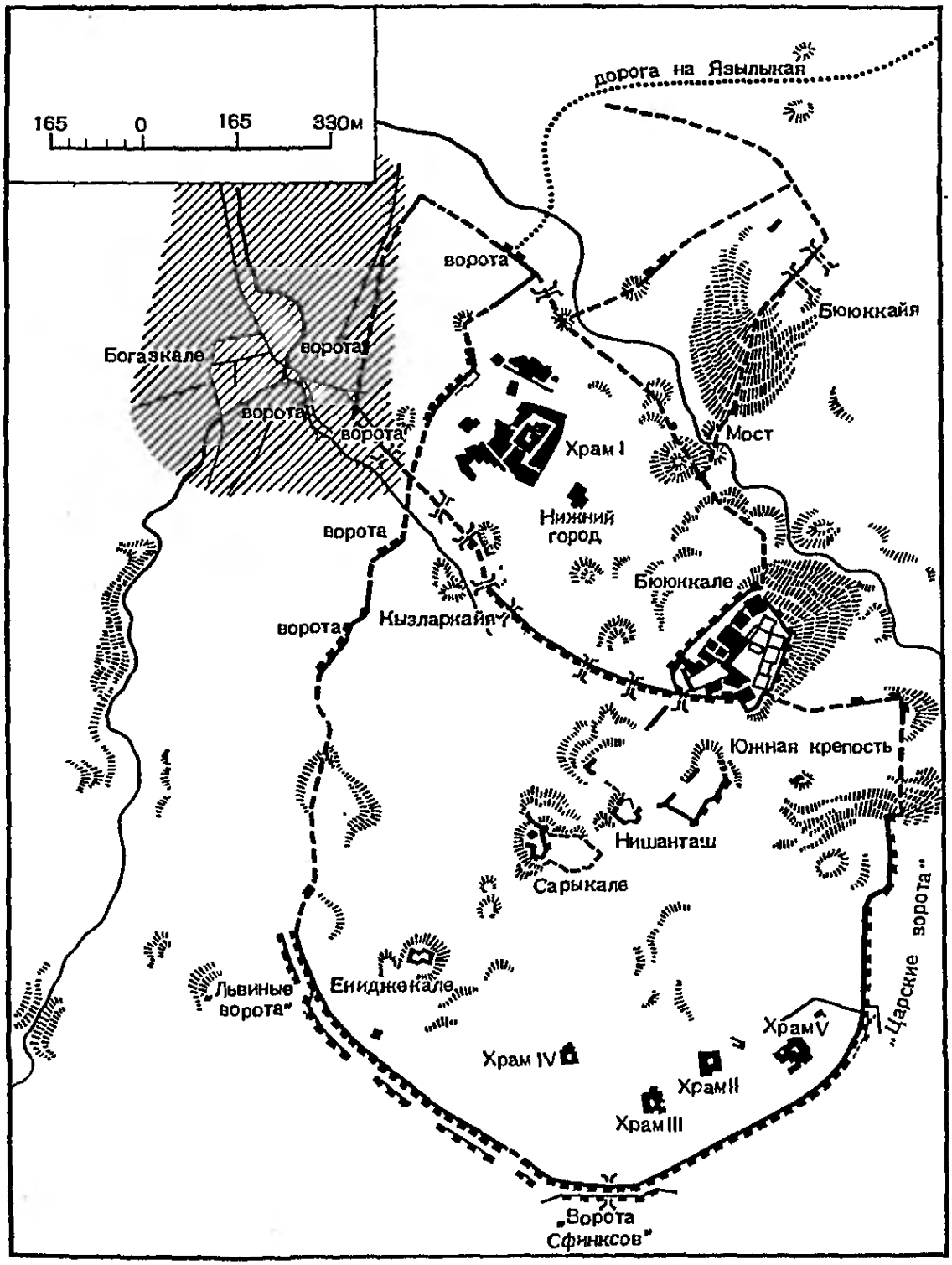
В III тысячелетии до н. э. эта техника обороны получает дальнейшее развитие, особенно на северо-западе. Развитие каменной архитектуры позволило возводить внушительные и эффективные крепостные стены. Примером тому могут служить оборонительные сооружения Трои и Полиохнии — крутые булыжные стены с надстройками из необожженного кирпича, башнями и мощными бастионами.

Если мы обратимся теперь к оборонительным стенам II тысячелетия до н. э, то увидим, что строители того времени успешно разрешили большинство проблем, связанных с этими фортификационными сооружениями. Важно напомнить, что они возводились не только для того, чтобы остановить врага, что вело бы к длительным осадам, когда защитники неминуемо оказались бы в невыгодном положении, они должны были обеспечить защитникам превосходство в маневренности и огневой мощи. Это достигалось тем, что защитники находились над противником и на его флангах. Кроме того, их конструкция должна была позволять обороняющимся активно отвечать на любые действия противника.

Первое, что впечатляет при взгляде на остатки стен того периода,— это их непомерная толщина, но именно она позволяла возводить достаточно высокие стены, чтобы обороняющиеся были недосягаемы для противника и господствовали над ним. Толщина фундаментов делала высокие стены устойчивыми и позволяла обороняющимся успешно защищать наиболее уязвимые места. Гребень делался достаточно широким, дабы защитники могли по нему свободно передвигаться и стрелять без помех. Отсюда — необходимость в бойницах и в широкой дороге за ними. Подножие стены приходилось защищать от таранов и от атак нападающих со штурмовыми лестницами. Эта задача решалась следующим образом: нижнюю часть стены делали не вертикальной, а покатой, сооружая так называемые гласисы, которые давали еще одно преимущество — сброшенные сверху камни отскакивали от них во все стороны, нанося противнику максимальный урон и сея панику. Углы крепостных стен были наиболее уязвимы для подкопов, поэтому анатолийские строители старались обходиться вообще без углов. Их крепости явно тяготели скорее к круглым формам, а не к прямоугольным, и, если у крепости все же были углы, их, как правило, защищали массивные башни. То же самое относилось и к воротам — самому слабому месту любого укрепления. Кроме того, проход к воротам делался с несколькими крутыми поворотами, что мешало быстрому продвижению противника.

Наиболее крупные города, которые могут служить примером всех этих фортификационных ухищрений,— это Богазкёй и Троя; кроме того, дополнительные сведения дают нам Аладжа, Алишар, Бейджесултан, Кусура и Мерсин, а также находившиеся под анатолийским влиянием города, такие, как Алалах и Угарит в Северной Сирии. Все это позволяет нам составить достаточно ясное представление об оборонительной архитектуре Анатолии II тысячелетия до н. э.

Стены Богазкёя позднего периода Нового царства образуют неровный эллипс длиной более трех миль. Они окружают участок, который поднимается от старого города на севере к высокому, скалистому хребту на юге. А незадолго до падения Нового царства они были продолжены и охватили пологие холмы, известные под названием Бююккайя. Сначала подготовили неровную местность, на которой предстояло возвести стены: насыпали земляные дамбы, достигавшие у основания 80 ярдов.

План Богазкёя

На этом фундаменте стояла главная городская стена, состоявшая из внешней и внутренней каменной кладки с разными перегородками, промежутки которой были заполнены щебнем. На гребне этого сооружения, на высоте примерно 30 футов над основанием, возвышалась еще одна стена из кирпича-сырца, очевидно увенчанная бруствером, изображения которого, видимо, запечатлены в орнаменте осколков вазы из этого города.

Прямоугольные башни выступали из стен примерно на расстоянии 100 футов друг от друга, а в некоторых местах дополнительные выступы нависали над крепостными стенами через каждые 25 футов над фронтальной стеной и усиливали бастионы между главными фронтальными башнями.

Центральные ворота охранялись высокими башнями, к которым примыкали с обеих сторон гребни главной стены. Между этими башнями, несколько позади, стояли ворота, украшенные снаружи бронзовыми рельефами, но уже вторые ворота украшались со стороны города. К воротам можно было подойти только по пологому подъему, параллельному городским стенам, что заставляло атакующего противника подставлять открытый фланг защитникам. Кроме того, в одном из известных нам вариантов еще одна башня на внешней стороне прохода обеспечивала дополнительное прикрытие.

В самом южном районе города находились маленькие ворота (Ворота сфинксов) только для пешеходов. Здесь крепостная стена возвышалась всего футов на тридцать пять, однако войти в эти ворота можно было только по двум лестницам, вырубленным в основании крепостной стены, на некотором отдалении по обе стороны ворот.

Под этими воротами задолго до того, как появилась сама крепостная стена, был прорыт крытый туннель длиной почти 90 ярдов, который вел к центру города. Наверняка этот туннель не предназначался для сокращения пути ленивых горожан. Он был одной из характерных особенностей хеттской оборонительной архитектуры, ибо мы знаем аналогичные примеры в более древних городах, таких, как Аладжа, Алишар и Угарит. Подобные туннели использовались либо для контратак, либо для того, чтобы захватить противника врасплох, когда он уже ослабел, однако расположение этого туннеля в Богазкёе под южной стеной, противоположной обычному направлению постоянных налетов *касков,* поз-

воляет думать, что это — оставленный на крайний случай путь отступления в сторону дружественного юга во избежание позорного плена.

Внешнее кольцо стен Богазкёя — не единственная его оборонительная линия. Внутри город разделялся на отдельные кварталы, которые могли защищаться самостоятельно, если бы городская стена не устояла. Самым мощным из этих внутренних укреплений, несомненно, была цитадель, где располагались царские дворцы и архивы, самая высокая точка над старым городом. Естественное господствующее положение ее укреплялось такими же стенами, как внешняя. Еще одни стены делили город на отдельные меньшие кварталы, в которых иногда были укрепленные здания. Из всего сказанного выше видно, насколько трудно было захватить такой город.

Фортификация других городов Центральной Анатолии повторяла многие элементы оборонительной архитектуры Богазкёя. В Алишаре и Карахююке, близ Коньи, сохранились остатки стен, построенных еще в период торговых колоний.

Таким образом, этот метод никоим образом нельзя назвать изобретением позднего бронзового века. Крепостная стена Алишара не имеет оборонительных башен, но зато она представляет собой в плане как бы серию «ступенек», весьма напоминавших более раннюю крепость Хаджилара. В Аладже крепостные стены в плане скруглены, имеют башни и характерные хеттские укрепленные ворота. Хотя Аладжа и лежит южнее границы с *касками,* она типичный образец укрепленного пограничного города. Большое здание в центре города обычно описывают как дворец, но оно вполне могло служить казармой для местного гарнизона.

О распространении хеттского влияния на Киликию во времена Древнего царства можно судить по Мерсину, где был применен аналогичный способ возведения крепостной стены с угловыми выступающими башнями. Здесь, как и в Алишаре, внутри вдоль стен пролегала дорога, по которой в случае необходимости могли быстро передвигаться отряды защитников.

В Западной Анатолии ярче всего основные черты оборонительной архитектуры просматриваются в крепостных стенах Трои VI. Стены Трои VI были не сплошными, а состояли из секций. Сами стены были сложены из кирпича-сырца на каменном фундаменте с крутым отко-

сом (гласисом) с внешней стороны. Изгибы стен отмечены ступенькой в несколько дюймов. Эти ступеньки выкладывались отдельно и приставлялись к стене. Подобная техника была обусловлена трудностями постройки наклонных стен на неровной местности, а главное — она позволяла строить стены без всяких углов, где кладка всегда ослаблена и где наиболее велика опасность подкопов. Таким образом, для защиты углов башни были не нужны, они охраняли только ворота. Главные из них (южные ворота) представляли собой проход шириной 11 футов с башней с одной стороны. Другие ворота были построены по иному плану, который лучше всего иллюстрируют восточные ворота. Здесь две секции стен шли параллельно друг другу, оставляя проход в 6 футов шириной и 16 футов длиной. В конце этот проход резко поворачивал, и здесь стояли сами ворота. Примерно в 30 ярдах южнее этого прохода из стены выступала мощная прямоугольная башня. Таким образом, если бы противник попытался прорваться через эти ворота, его бы сразу заметили с обеих сторон узкого прохода, крутой поворот затруднил бы его продвижение, а огонь с крепостной башни не позволил бы нападавшим сосредоточиться.

Однако успех обороны любой фортификационной системы, даже самой продуманной, зависит от того, смогут ли защитники долгое время обходиться без общения с внешним миром. Это прежде всего означало, что крепость должна иметь достаточные запасы продовольствия и воды.

Продовольствие запасти сравнительно нетрудно. Пожалуй, наиболее типичен пример Трои VIIa, где в пол почти каждого дома были вкопаны многочисленные глиняные сосуды для хранения зерна и т. п. Другое дело — вода. Естественные источники внутри крепости тщательно оберегались, а если их не было, строили для сбора воды цистерны. Главным источником воды в Трое VI, например, был колодец или цистерна в северо-восточном углу крепости, представлявшие собой шахту сечением более 14 квадратных футов и глубиной более 30 футов, вырубленную в естественной скале. Для защиты этого жизненно важного источника над ним была построена огромная башня из квадратных известняковых блоков, которая возвышалась примерно на 30 футов, а на ней еще была надстройка из кирпича-сырца. К этой башне со двора крепости вела каменная лестница, по которой жи-

тели ходили за водой. Другая лестница вела к короткому проходу с поворачивающейся дверью в крепостной стене. Этот проход был очень узок, и его легко было защищать. По всей видимости, в мирное время он использовался, когда нужна была вода для полей и скота.

С таким удобным источником и еще двумя находившимися поблизости колодцами относительно небольшая крепость Трои была вполне обеспечена водой. Но в городе, подобном Богазкёю, водоснабжение было трудной проблемой. В этом районе с густонаселенными долинами необходимо было множество родников, ручьев или колодцев; большинство из них сегодня найдено и описано. В самой крепости, в районе, известном под названием Сарыкале, обнаружены вырубленные в скальном грунте цистерны поперечником около 6 футов и глубиной до 9 футов. Наверняка они служили для хранения воды на случай необходимости, однако этих запасов вряд ли хватило бы при длительной осаде города.

Недалеко от стен крепости, в слое позднего фригийского периода, был раскопан еще один колодец. К нему вела винтовая каменная лестница из 36 ступеней, защищенная с боков стенками высотой около 6 футов; сверху ее оборонял пост дозорных, а у подножия стояла крепостная башня. Однако этим колодцем вряд ли пользовались во времена хеттов, потому что он вырыт на месте, где ранее стояли ворота хеттской крепости. Так что мы до сих пор не знаем, как решалась проблема водоснабжения в столице хеттов.

Наконец, следует отметить, что жители анатолийских городов II тысячелетия до н. э., защищаясь от врагов, вовсе не надеялись только на камень и кирпич-сырец. Считалось, что ни один город, как бы он ни был укреплен, не мог выстоять без помощи и покровительства сверхъестественных сил. Например, в Богазкёе Царские ворота, Львиные ворота, Ворота сфинксов были украшены портальными рельефами, которые должны были отгонять от них злые силы и недобрых людей. Сфинксы на главных воротах Аладжи выполняли ту же функцию. В Трое скульптурная техника много беднее, однако и здесь имелись символические добрые духи. Перед южными воротами, вдоль надвратной башни, стояли пилоны — вероятно, первоначально их было шесть[33]. Эти пилоны, к сожалению, разбиты, и мы не знаем, что было вырублено на их верхней части, но назначение их совершенно очевидно. Они, несомненно, были связаны с алтарем,

воздвигнутым внутри надвратной башни, и с длинным узким зданием напротив ворот с другой стороны, где на протяжении всех периодов Трои приносили жертвы во славу божественных сил, чьи символы или изображения стояли напротив, через дорогу. Аналогичный пилон был поставлен перед западными воротами крепости. И хотя эти священные монолиты — с помощью мощных стен! — сумели отразить многочисленные нападения людей, они не устояли перед грозной силой землетрясения, которое опустошило Трою VI и разрушило бóльшую часть ее сооружений.

Глава VI

ОБЩЕСТВО И АДМИНИСТРАЦИЯ

Наши сведения о социальной и политической структуре Анатолии опираются главным образом на архивы высшей прослойки горожан, однако не следует забывать, что основой анатолийского общества всегда была — и во многом до сих пор остается — деревня. В хеттских текстах приводятся сотни названий, которым предшествует детерминатив, обычно переводимый как «город» или «большой город», но совершенно очевидно, что он обозначал любую группу жилищ, как бы ни была она мала, и что в действительности большинство этих «городов» были обыкновенными деревнями. Археологические изыскания показали, что настоящих городов было тогда очень мало, а такой большой город, как Хаттуса, вообще был исключением. Таким образом, подавляющее большинство анатолийцев II тысячелетия до н. э. жили отнюдь не в городском обществе. Жизнь сосредоточивалась в маленьких поселениях земледельцев, в сообществах, которые сами себя обеспечивали, удовлетворяли свои потребности и на протяжении столетий почти не менялись. Нетрудно заметить, что, несмотря на неоднократную смену правителей и правительств за огромный обозримый период, сегодняшнее анатолийское село мало чем отличается от своего предшественника, существовавшего более трех тысяч лет назад. Поэтому часто, когда наши сведения об этом предшественнике слишком скудны или их вовсе нет, изучение современного анатолийского поселения [34] может помочь нам в понимании условий жизни и организации маленького хеттского сельского сообщества.

Каждое поселение имело свою обрабатываемую территорию, отделенную от соседней «ничейной» необработанной землей. На своей территории жители выращивали зерно и пасли скот, отвечали за поддержание законного

порядка и безопасность иноземцев. Большей частью земли крестьяне владели сообща, но какие-то участки принадлежали отдельным жителям («ремесленникам» — по хеттским законам)—очевидно, в награду за то, что эти искусные мастера оказывали сообществу услуги. Однако владельцы земли должны были уделять какое-то время и общественным работам, например рытью колодцев и оросительных каналов.

Самую важную роль в жизни поселения играли старейшины, которые решали все вопросы и, очевидно, управляли всеми делами сообщества, вплоть до семейных. Семья имела патриархальный строй, и авторитет отца был очень высок. Он мог не только «отдать» своих дочерей их будущим мужьям, но мог также отдать своего сына в другую семью, члена которой он убил. Однако жены не были собственностью своих мужей, они обладали некоторой независимостью. Например, если свободная женщина выходила замуж за раба, она сохраняла свой статус свободной. Жены имели влияние и на выбор мужей для своих дочерей, а иногда (правда, при неясных обстоятельствах) могли отрекаться от своих сыновей и даже разводиться с мужьями. Обычно после свадьбы мужчина «брал» жену и «строил дом и зачинал с нею детей» (предполагается, что основной была нуклеарная, а не большая семья, что не расходится с археологическими данными). В отдельных же случаях жена после свадьбы могла оставаться в доме отца. С другой стороны, известный здесь обычай левирата, по которому вдова становилась женою брата покойного мужа, или его отца, или любого другого его родственника, мог существовать только в обществе, где главенствующую роль играл мужчина.

Мы упомянули выше о рабах. Несомненно, рабство существовало в хеттском обществе. Однако невозможно установить, какую роль играли рабы в жизни поселения. Во всяком случае, в период Нового царства рабы были собственностью своих хозяев, которые распоряжались их жизнью, в то время как в период Древнего царства рабы согласно хеттским законам имели юридические права и могли обладать собственностью. Весьма вероятно, что их использовали главным образом как слуг в богатых домах.

Значительную роль в сельском хозяйстве играли многочисленные пленные из завоеванных стран. Они находились в распоряжении государства. Дополнительные

рабочие руки были особенно нужны в новохеттский период, когда все больше хеттских граждан уходило на военную службу.

Государство контролировало жизнь поселений путем установления цен на целый ряд предметов и платы за различные услуги. К сожалению, нет ни одного частного документа, по которому можно было бы судить, оказывали ли хеттские эдикты о ценах и доходах какое-либо влияние на повседневную жизнь. Не хватает также данных о возможных инфляциях при системе твердых цен. Но в общем-то государство вряд ли могло строго контролировать товарообмен, который повседневно шел в жизни поселений.

Какова же была административная система, которая контролировала сельскую общину и во многом была ей чуждой?

До возвышения Хаттусы Анатолия состояла из множества городов-государств, каждое из которых имело свою ограниченную территорию и свою центральную дворцовую администрацию. Когда во главе всех этих микрогосударств встала Хаттуса, это привело не к фундаментальным переменам, а скорее к всеобщему распространению и усовершенствованию традиционной анатолийской системы. Вся реальная власть осталась в руках кучки семей или кланов, которые составляли аристократию.

Среди них наиболее значительной был «великий род»; из него происходили цари и высшие государственные чиновники, чьи обязанности, судя по их титулам, заключались в надзоре над различными службами царского хозяйства.

Остальные представители аристократии сочетали обязанности воинов с административными должностями во дворце, и их называли «воины и слуги царя». В целом они входили также в «панкус», или «в число всех граждан».

Панкус прежде всего являлся судебной инстанцией, и члены его были подсудны только ему. Даже царь в принципе мог быть призван на суд панкуса, но у нас таких свидетельств нет. Впрочем, однажды Хаттусили I, намереваясь объявить о назначении своего преемника, создал подобный суд — то ли для того, чтобы он отверг, то ли, чтобы одобрил его выбор. Этот факт позволил многим ученым предположить, что панкус был своего рода рудиментом индоевропейского института наподобие

тевтонского «теута»* [35] и что царь, как в других индоевропейских обществах, первоначально выбирался. Однако следует подчеркнуть, что если это действительно было так, то все данные, свидетельствующие об этом, исчезли задолго до рассматриваемого нами периода, ибо панкус при Хаттусили I и Телепину давно уже утратил какую-либо власть. Ничто не указывает на то, что Хаттусили нуждался в его одобрении относительно выбора своего наследника, и даже в одном-единственном случае, о котором мы знаем, решение панкуса было отвергнуто царем.

Царица пользовалась почти такими же правами, как и царь, и существует предположение, что она обладала этим титулом, не только будучи женой царя. Она сохраняла свое положение после смерти мужа и часто принимала участие в управлении страной. Это можно рассматривать как остатки анатолийского матриархата, который позднее был вытеснен индоевропейской традицией передачи престола по мужской линии, однако очевидных доказательств тому нет [36]. Более вероятно, что царица сохраняла свое положение главным образом благодаря своим религиозным функциям, а возможно, ее значение первоначально определялось обычаем браков между братьями и сестрами в царской семье. Но если даже этот обычай и существовал, он утратил свое значение задолго до образования хеттского царства.

Члены аристократических семей были связаны с царем клятвой верности и за свои заслуги получали земельные владения. Таким образом, элементы феодального строя были заложены в древнейшие времена, что бы ни говорили ученые, специализирующиеся на западноевропейском средневековье, которые не видят в древности четко разработанной системы повинностей, характерной для настоящего феодализма.

Власть над завоеванными территориями переходила непосредственно к членам царской семьи, а затем, по мере расширения хеттского влияния, к управителям и военачальникам из других аристократических семей. Эти чиновники должны были в принципе сотрудничать со старейшинами своих областей, следить за исполнением законов, за соблюдением религиозных обрядов. Однако несомненно, они прежде всего заботились о своих инте-

---

* Название народного собрания у тевтонов (древнегерманского племени).

ресах. В период Древнего царства такие «бароны» представляли собой постоянную угрозу царской власти, особенно когда царь умирал, а его преемник еще не утвердился на троне. Только при Телепину, когда было установлено незыблемое право престолонаследия, их власть была сокрушена и ограничена законом.

Между 1500 и 1400 гг. до н. э. мы наблюдаем значительные изменения в государственной организации и положении хеттского царя. В этот период царь забирает всю полноту власти, панкус перестает существовать, зато «феодальная» организация набирает силу. Причины этих изменений до сих пор не ясны. Не исключено, что они связаны с появлением легких боевых колесниц. Они стоили дорого, а для успешного управления ими необходимы были повседневные тренировки и для коня и для колесничего. Для решения этой проблемы пришлось значительно расширить категорию «баронов» и гарантировать им личные земельные владения, т. е. связывать их с царем «феодальными» узами.

Возросшее хурритское влияние, видимо, послужило причиной других перемен в Анатолии, так как оно способствовало распространению месопотамских идей относительно царской власти. Однако эти изменения объяснялись не иностранным влиянием, а потребностями все более усложнявшейся системы управления расширяющейся империи.

Поэтому институт локальных правителей, происходивших из аристократии и связанных личной клятвой с царем, был расширен; в него включались вассальные правители завоеванных государств, которые были обязаны воздавать честь великому царю, принимать участие в его войнах и ежегодно платить дань. В отдельных случаях крупные завоеванные государства получали видимость некоторой независимости: они приобретали скорее статус протекторатов, а не вассалов, однако внешняя политика все равно решалась хеттскими царями. Например, кое-где на границе с *касками* или в Северной Сирии сохранялась древнейшая система управления, когда для поддержания порядка и лояльности этих жизненно важных районов туда назначали местными царьками членов царской семьи.

Положение вассалов определялось подробно разработанными договорами с исторической преамбулой, в которой перечислялись все милости, оказанные предкам вассала со стороны хеттских царей, а завершался текст

длинным списком богов, чей гнев обрушится на того, кто посмеет нарушить этот договор.

Не менее тщательно продуманные договоры заключались с другими великими державами того времени. Они основывались на равенстве и «братстве» сторон и включали в себя такие статьи, как непременные совместные действия против общего врага и поддержка законного наследника на случай смерти одного из монархов, подписавших договор.

Междинастические браки были обычным явлением политики этого периода. Хеттских царевен довольно часто выдавали замуж за иноземных властителей, стремясь таким образом закрепить с ними союз или обеспечить преданность вассального государства. Помимо всего этого существовала система международной гражданской службы, с помощью которой державы поддерживали между собою связь и заключали взаимовыгодные соглашения. Часто практиковался обмен дарами, и властители вели постоянную переписку со своими царственными «братьями» и со своими вассалами.

Все, что сказано выше, относится главным образом к хеттам и к той части Анатолии, которая находилась под их контролем, однако в сопредельных районах дело, видимо, обстояло таким же образом. Например, жизнь земледельцев на западе вряд ли сильно отличалась от жизни земледельцев Центральной Анатолии, и трудно представить, чтобы в Арцаве не правила подобная царствующая семья и дворцовая администрация не походила бы на аналогичную организацию хеттов.

Взаимоотношения между самой Арцавой и ее землями не совсем ясны. Возможно, между ними существовали вассальные отношения. Во всяком случае, царские семьи мелких государств были тесно связаны с Арцавой целым рядом династических браков. В международном плане Арцава страдала прежде всего оттого, что находилась как бы на периферии Ближнего Востока, и царь Арцавы стремился заручиться «братской» поддержкой хеттского великого царя. Однако его гражданские службы не могли соперничать с аккадскими, чей язык был в то время международным, и, когда он писал своему «брату» в Египет, его письма приходилось переводить на хеттский, менее употребительный язык внутренней анатолийской дипломатии. Этот недостаток наверняка был бы быстро устранен, если бы царь Арцавы сумел утвердиться как международная фигура.

Нам мало известно о социальной и политической организации северо-запада Анатолии. Единственное, что можно сказать: больше всего на резиденцию «феодального» правителя с его «баронами» походила Троя и общий характер строя, описанного выше, видимо, вполне подходил к этому району. Те немногие данные, которые нам доступны, позволяют предполагать, что во всех других областях Анатолии, например в Аццы (Хайасе), ситуация была весьма сходной, в то время как в более отдаленных областях на протяжении всего II тысячелетия до н. э., по-видимому, сохранялся племенной строй.

Глава VII

РЕЛИГИЯ

Религиозные представления и обряды определенного сообщества обычно очень трудно выстроить в единую стройную систему. Зачастую эти обряды и верования вырабатываются столетиями, а иногда тысячелетиями, со всевозможными изменениями и добавлениями, вызываемыми внешними влияниями или внутренними социальными и экономическими переменами, и порой стороннему наблюдателю невозможно разобраться в противоречивых обрядах и сущности, казалось бы, однозначных божеств. Религия хеттов — прекрасный тому пример. Корни ее уходят в каменный век, а бесчисленные изменения и добавления между VI и II тысячелетиями до н. э. привели к такой мешанине, что сами хеттские «теологи» лишь с трудом могли организовать какое-то подобие «официального» культа и пантеона. За этой государственной культовой организацией нетрудно разглядеть множество различных элементов, как местных, так и инородных, которые, частично слившись, образовали идеологию хеттской империи.

Древнейшая религия Анатолии, как и многих других регионов мира, прежде всего пыталась установить связь людей с силами природы. Важнейшая из них, несомненно, земля, мать всего сущего. Второстепенные роли играли ее спутники — божества, связанные с водой, без помощи которой мать-земля не могла плодоносить. От этих и многих других божеств зависело благосостояние и продолжение жизни рода людского, а потому каждый человек и любое сообщество должны были стараться обеспечить их благоволение с помощью соответствующих ритуальных церемоний. Каждое поселение имело своего бога-покровителя, свой культовый центр, свою мифологию и свой календарь празднеств, связанных главным образом с сельскохозяйственным циклом. Кроме того, в

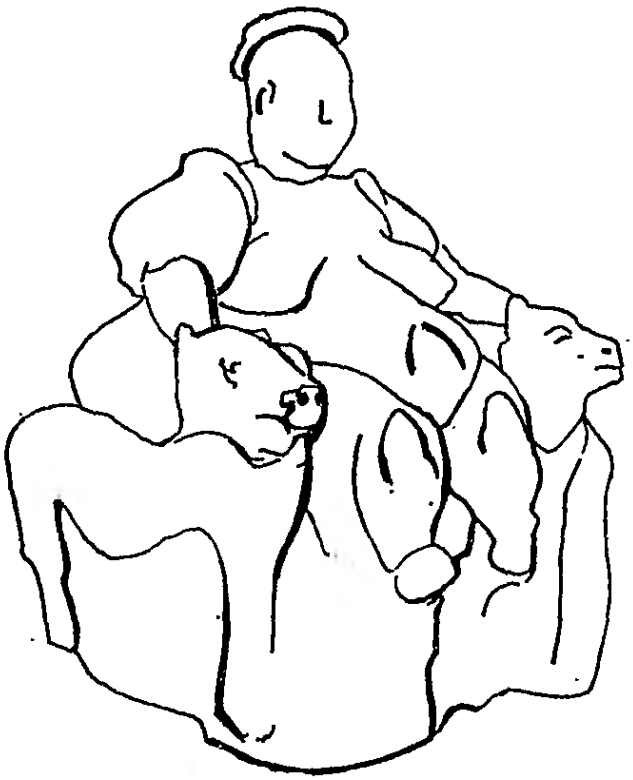

Рис. 37. «Богиня-мать» из Чатал-Хююка. Голова реставрирована

каждом поселении были, конечно, свои ворожеи и знахари.

Эта простая и, можно сказать, во многом предполагаемая картина сразу усложняется, если речь заходит о более крупных политических объединениях, чем обычное поселение. Когда сообщества объединялись, одна группа божеств не заменяла другую. Отличительный характер местных божеств сохранялся, и в результате общий пантеон становился все многочисленнее и сложнее. Сегодня мы знаем только имена этих богов и почти ничего не знаем об их функциях, однако некоторые из них заняли главные места в хеттском пантеоне.

Неанатолийские народы также сыграли немаловажную роль в создании религии хеттов. Из этих народов самое большее влияние оказали индоевропейские, проникшие в Анатолию во второй половине III тысячелетия до н. э., а также хурритские, чье влияние особенно чувствовалось во II тысячелетии до н. э. Поэтому в период империи в религиозной системе лишь с трудом можно отыскать индоевропейские следы. Новые завоеватели могли, разумеется, принести с собой своего Зевса, и его влияние прослеживается в некоторых атрибутах культа бога грозы, который был собратом богини-матери официального хеттского пантеона [37]. Другие индоевропейские заимствования можно видеть в изображениях периода

Карум II (около 1940—1840 гг. до н. э.) в Кюльтепе, на найденных там оттисках с цилиндрических печатей.

Если судить по статуэткам предыдущих столетий, культ богини-матери был доминирующим, однако на оттисках печатей мы видим пантеон в основном мужских богов, который возглавляет бог грозы и в котором важное место занимает бог Пирва, связанный с культом лошади. В свою очередь, этот культ сопоставляли с традицией коневодства у индоевропейцев.

Но если иноземные боги и пользовались каким-то превосходством в период торговых колоний, совершенно очевидно, что культ богини-матери вскоре вновь завоевал первое место. Хеттский бог грозы, несмотря на то, что он был одним из самых могущественных, явно уступал главенствующую роль этой богине в пантеоне великих хеттских богов.

Влияние хурритов на хеттскую религию было гораздо сильнее и шире. В одной из первых глав этой книги уже высказывалось предположение, что династия периода империи, начавшаяся примерно в 1450 г. до н. э. с восшествия на престол Тудхалии I, была по происхождению хурритской и к концу этого периода весь официальный пантеон богов был хурритизирован. Это особенно четко определяется по скульптурам божеств хеттского пантеона святилища Язылыкая, которые выстроены по хурритской иерархии и носят имена хурритского происхождения. Следует, однако, подчеркнуть, что синкретизм подобного рода не типичен и относится к более позднему времени.

Таким образом, религия периода империи представляла собой результат длинного и сложного процесса. Бóльшая часть сохранившихся свидетельств говорит об официальных, государственных культах, но и они дают некоторое представление о религиозных верованиях небольших сообществ земледельцев на Анатолийском плоскогорье. Большинство из них скорее можно определить как магию, а не религию, однако простой хетт вряд ли мог уловить разницу между этими понятиями.

Существовали сложнейшие ритуалы с использованием симпатической магии, которые применялись по любому случаю жизни — от восстановления мужественности до обрядов, предназначенных для того, чтобы зловредные божества не выходили из своих святилищ. Местная жрица, известная под именем «старая женщина», играла большую роль, и большая часть ее действ происходила

либо в доме просителя, либо под открытым небом. Особо почитались родники. Такие «священные родники» не сохранились, однако наскальный памятник наподобие того, что остался в Эфлатун-Пынаре над все еще бьющим родником, пожалуй, может служить примером таких маленьких святилищ под открытым небом.

Другие наскальные изображения, такие, как изображение Муваталли в Сиркели и сильно поврежденная статуя богини в Сипилусе, явно стояли над родниками и были связаны с подобными верованиями. Очевидно, такое же, хотя и более скромное святилище над родником недавно найдено поблизости от Илгина, где у подножия холма для родниковой воды был выложен прямоугольный каменный бассейн, на стенах которого сохранились иероглифы с картушем царя Тудхалии IV.

Несомненно, существовали и небольшие культовые сооружения, но о них мы почти ничего не знаем. Образец такого трехкомнатного домашнего святилища, обнаруженного в нижнем городе в Хаттусе, возможно, был типичным для городских жителей. Там, очевидно, отправлял службу один из жрецов, каких было множество по всей стране. Некоторые сооружения крепости тоже, по-видимому, были связаны с этим домашним культом. Здание *C* позднего периода империи представляло собой прямоугольник из пяти помещений; внутренний двор, который они окружали, был на 5 футов ниже. Он был покрыт слоями тины и песка, со следами многочисленных раковин и ритуальных сосудов, а в углу находился водосток. Более раннее здание (слой IV $в_2$) на нижней террасе крепости тоже, по-видимому, имело в центре площадку с водостоком и пологим полом, на котором лежала большая расписная ваза в форме утки.

В Западной Малой Азии ученым повезло больше. В Бейджесултане во время раскопок городской стены было обнаружено несколько святилищ периода позднего бронзового века. Одно из них состояло из двух узких помещений, каждое площадью 30×10 футов, с входом с одной стороны и небольшими помещениями, которые археологи окрестили «ризницами», с другой. К стенам «ризниц» примыкала низкая платформа, на которой стояли вплотную к стене два терракотовых «рога», украшенные тисненым орнаментом в виде концентрических кругов, а в одном месте справа от «рогов» на небольшом глиняном столбике стоял горшок для приготовления пищи.

Остатки аналогичного сооружения были найдены в частном доме Бейджесултана того же периода, и еще одно такое же «святилище» обнаружили в поселении Кусура. Эти сооружения скорее всего были домашними очагами, однако гораздо лучше сохранившиеся керамические «рога» в Бейджесултане вряд ли можно рассматривать как «подставки для горшков». Кроме того, большое количество посуды, бусин от ожерелий, бронзовых украшений и оружия, хранившихся в этих помещениях, говорит о том, что они использовались не для жилья.

Если теперь мы обратимся к более значительным религиозным сооружениям Богазкёя, перед нами сразу же предстанут образцы самых поразительных памятников хеттского государства периода империи. По мере возвышения хеттской державы местные божества, которые были первоначально богами — защитниками маленьких поселений земледельцев, довольно быстро превратились в стражей царского дома и границ расширявшейся империи. Однако основной характер этих богов и их взаимоотношения с человеком не изменились. Для хеттов боги были хозяевами, которым человек должен служить так же, как хороший слуга служит своему господину. В свою очередь, бог, как хороший хозяин, защищает своих слуг от болезней, голода, врагов и наказывает плохих слуг, если они пренебрегают своими ритуальными обязанностями. Таким образом, по мере усиления хеттской державы на плечи царя ложилось все больше обязанностей, ибо в качестве главного «слуги» богов он служил всем божествам своего царства и как бы являлся ключевой священной фигурой государства. Основная обязанность царя как жреца заключалась в ежегодном объезде главных святилищ в определенные сезоны года, чтобы заручиться благоволением богов. В такие дни его помыслы и дела должны были быть чисты. Если он по каким-либо причинам не выполнял всех положенных ритуалов, боги могли разгневаться, и тогда сам царь должен был узнать причину их гнева, принести покаяние и вымолить себе прощение. В такой ситуации порой было трудно установить, что именно разгневало богов, потому что, хотя боги и были наделены человеческими чертами, они далеко не всегда являлись молящимся и разъясняли причину своего недовольства. Иногда они говорили устами впавшего в экстаз, но чаще являлись во снах. Во всех других случаях для выяснения причины немилости богов прибегали к гаданиям — по внутренностям жертвенных

животных, по полету птицы или же с помощью чего-то наподобие «лотереи», о которой мы почти ничего не знаем. Процедура гадания заключалась в том, что задавался вопрос: «Такое-то деяние разгневало бога? Или такое-то? Или такое?» Когда причина немилости богов обнаруживалась, проситель мог непосредственно обратиться к божеству с молитвой, и именно в этих молитвах предстают перед нами хеттские цари, а также царицы и принцы как живые люди, борющиеся с человеческими проблемами и ищущие на них ответы. «Молитва по случаю чумы» Мурсили II, пожалуй, является самым ярким образцом молитвы хеттского монарха, удрученного личной ответственностью за бедствие, постигшее его страну.

Однако главные жреческие обязанности царей заключались не в частных молениях, а в отправлении публичных обрядов в обстановке, достойной великого царя.

Такая обстановка была создана в огромном храмовом комплексе (храм I), возвышавшемся над нижним городом. Он занимал площадь в форме квадрата со сторонами примерно 300 ярдов, окруженного крепостной стеной. Кусок этой стены был ранее оборонительной стеной нижнего города, но бóльшая часть ее была позднее специально пристроена для ограждения храма. Сами храмовые сооружения находились в центре квадрата. В западной и северо-западной части святилища (т. е. позади храма, если смотреть на него со стороны главной царской цитадели, расположенной на юго-востоке) стояли дома многочисленных служителей храма. Дома эти были различных размеров. Некоторые располагались на террасах на склоне холма, вдоль главной дороги. Узкие проулки и аллеи разделяли этот жилой массив на отдельные кварталы. Были и дома, особенно в северной части святилища, которые стояли особняком, по-видимому, они принадлежали высшим служителям храма. Вход в святилище со стороны нижнего города находился в середине северо-западной стены, где стояли монументальные ворота. Напротив должен был находиться церемониальный вход для царя, в непосредственной близости от школы писцов, большого двухэтажного здания, стоявшего рядом с храмовой стеной на юго-востоке, у единственной дороги, связывавшей царскую цитадель с храмовым комплексом.

Между этими воротами и самими храмовыми сооружениями местность была совершенно незастроенной, что

открывало вид на весь комплекс в целом. Он был воздвигнут на массивной искусственной террасе длиной 150 ярдов и шириной 110 ярдов, которая на западной стороне перекрывала фундаменты более ранних жилых домов, что свидетельствует о постепенном расширении храмового комплекса на протяжении тринадцатого столетия. По сторонам этой террасы тянулись узкие помещения, над которыми возвышался второй этаж зданий, почти полностью окружавших мощеную площадь, где стоял сам храм.

Главный вход на эту площадь находился поблизости от ее юго-восточного угла, напротив школы писцов, но были и еще три входа — на северо-востоке, северо-западе и юго-западе.

В само здание храма можно было войти только через сложные, типично хеттские ворота — через центральные ворота с комнатами «привратников» по обеим сторонам, а также с маленькими комнатами с широкими окнами внутрь этого привратного строения и наружу, на мощеный внутренний двор. В противоположном углу внутреннего двора стояло маленькое здание для ритуальных омовений, а за ним — главное святилище храма с колоннадой, построенное из гранита в отличие от остального комплекса, где в основном применялся известняк.

Внутри стояли алтари главных богов храма, предположительно бога грозы страны Хатти и богини солнца города Аринны, чьи статуи когда-то возвышались на низких каменных платформах. Ни одна из статуй не сохранилась до наших дней, однако мы знаем из текстов, что чаще всего они отливались из драгоценных металлов и, по-видимому, походили на изображения, оставшиеся на рельефах, как, например, в Язылыкая.

В отдельных случаях божество изображалось в виде священного животного, как на рельефе в Аладже-Хююке, или же оружия — меча или копья.

Уже неоднократно отмечалось, что внутренние святилища хеттских храмов были почти всегда невидимы со стороны храмового двора. Только избранные допускались сюда, остальные же не удостаивались чести лицезреть божество. Следует остановиться на еще одной особенности: культовые помещения и почти все покои храма освещались не из внутреннего двора, а окнами, прорубленными во внешних стенах храма.

На площади, окружавшей храм, и в его святилищах

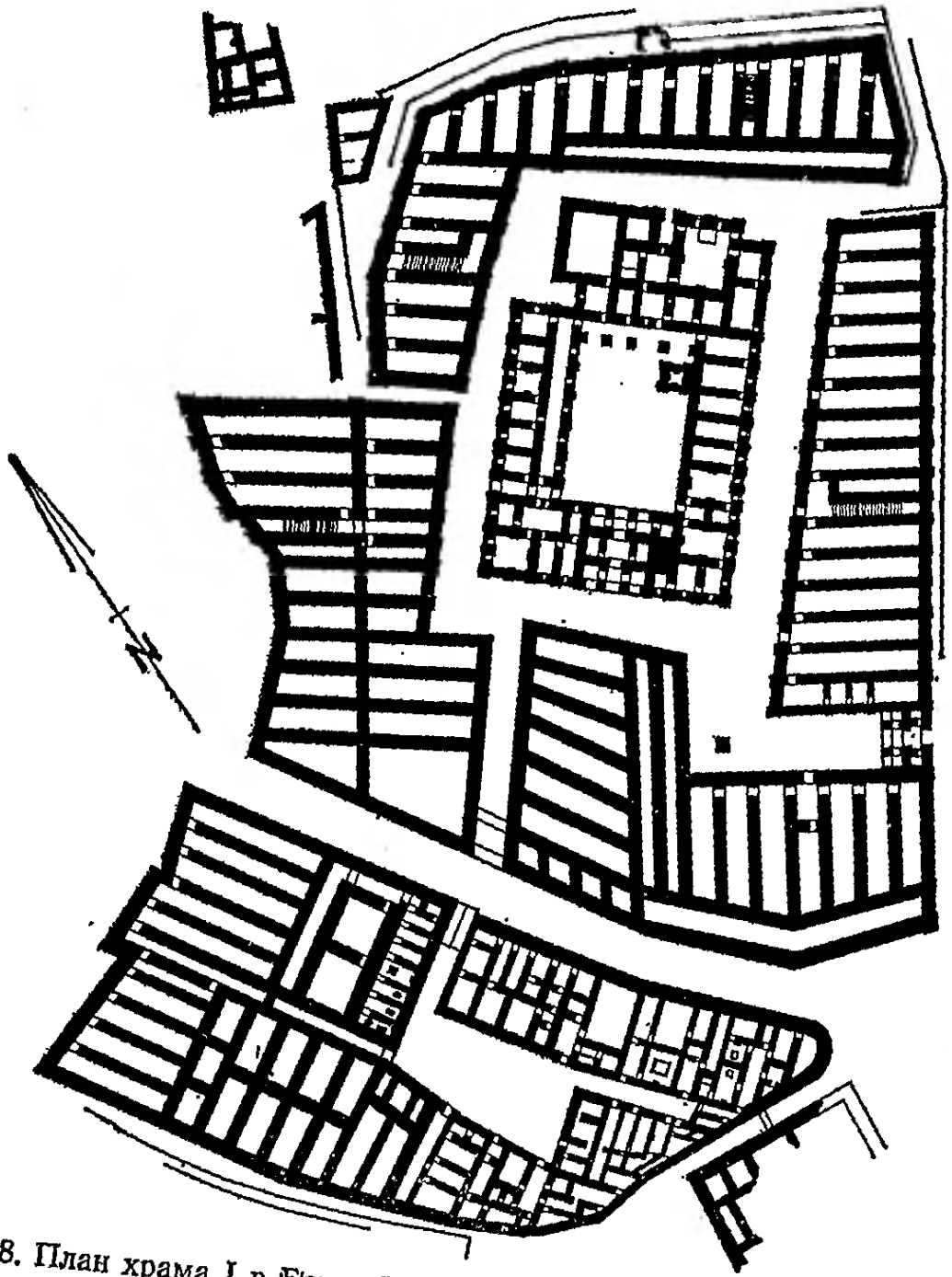

Рис. 38. План храма I в Богазкёе

происходили, по-видимому, главные празднества хеттского религиозного календаря. Они состояли в основном из ритуальных омовений, жертвоприношений и возлияний. Культовые предметы представляли собой диски, изображавшие луну и солнце, сосуды из драгоценных металлов и керамики, по большей части в форме быков и других животных.

Однако почитались у хеттов не только культовые статуи, но и царский трон и весь храм. И еще камни «хуваси» — особые стелы на постаментах с орнаментом, они тоже играли в религии хеттов значительную роль.

«Большие собрания», проводимые, по-видимому, на храмовом дворе, были обычной частью ритуала и, как правило, сопровождались священными процессиями, в которых принимали участие сам царь, его телохранители, жрецы, знать и служители храма, а также певцы и музыканты, игравшие на различных инструментах.

Храм был не только местом, где происходили большие ритуальные церемонии, но также домом бога. Здесь находилась его трапезная и его опочивальня, и здесь же, в отдельных комнатах, размещались его гости, служители храма, которые должны были во всем угождать ему. Некоторые из этих слуг божьих предположительно занимали дома за храмовым святилищем, однако остальные жили в главной части города или же обитали и работали в довольно странном квартале неопределенной формы площадью примерно 400×180 футов, расположенном непосредственно к юго-западу от основного храмового комплекса на расстоянии 25 футов. Укрепленные ворота — единственный вход в этот обособленный квартал — располагались напротив одного из боковых входов в храмовой комплекс. Через эти ворота попадали на трапециевидную площадь длиной более 100 футов и шириной примерно 50 футов. Вокруг этой площади стояло 16 отдельных строений различного размера. Весь этот комплекс можно сравнить с аналогичным кварталом храмовых египетских ремесленников в Амарне и в Мединет-Абу.

Там же, вокруг храма-святилища, находились другие здания, помимо перечисленных выше, однако они до сих пор малоизучены. Большое прямоугольное строение (комплекс 2), во многом сходное со зданиями в цитадели, стояло на открытой площади вплотную к кварталу ремесленников. В нем находился бассейн для родниковой воды, перекрытый низким коробчатым сводом; к нему

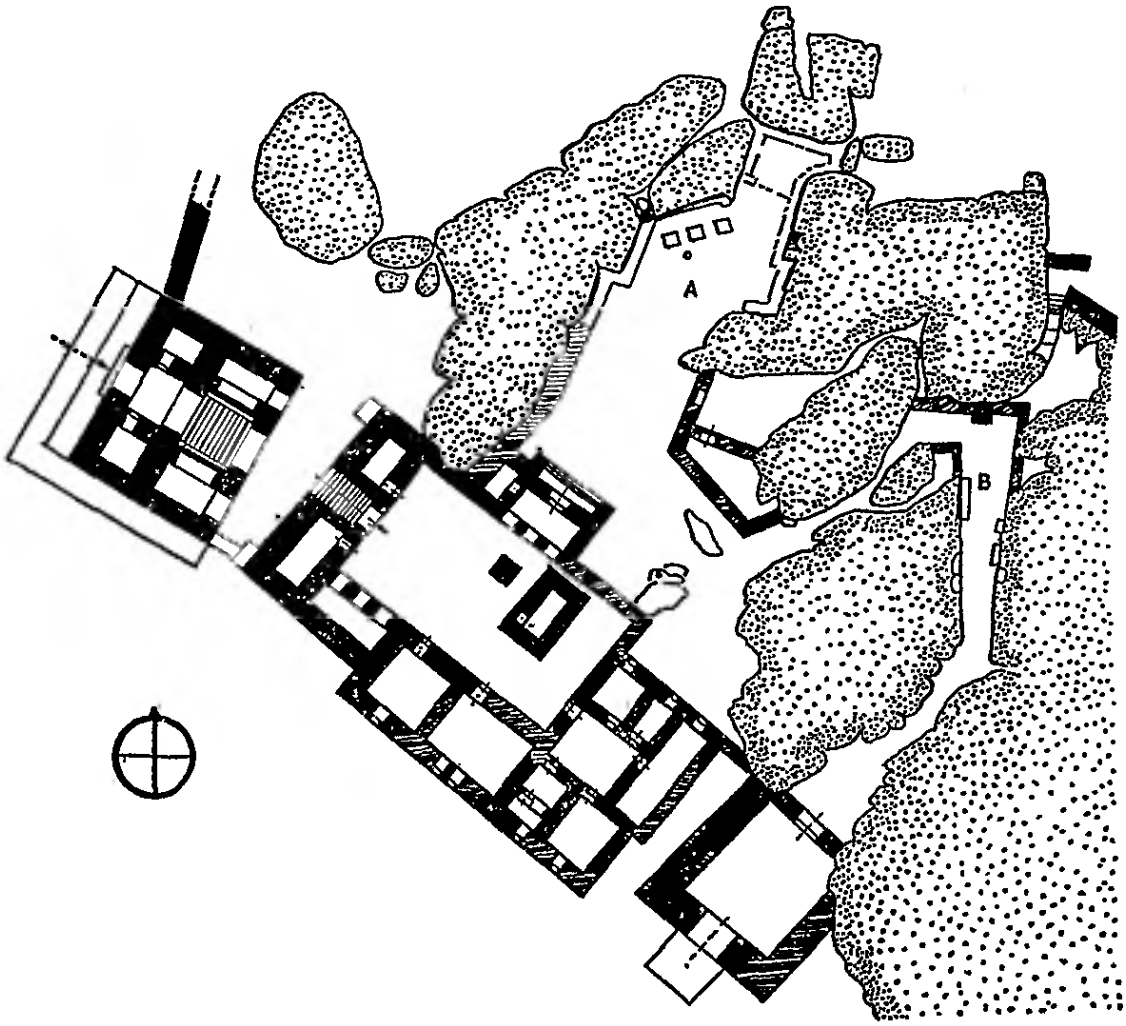

Рис. 39. План Язылыкая

вела с северной стороны каменная лестница. Вода поступала в этот бассейн через отверстие в задней стене и текла под ступеньками лестницы по каналу, проложенному под улицей.

Над входом в этот подземный грот было высечено несколько изображений, из которых уцелело только последнее. Оно представляет собой мужчину в профиль, в длинном одеянии и круглой шапке. Рука его поднята в знак приветствия божества. Все детали указывают на несветский характер этого помещения, еще раз подчеркивая связь с древнейшим культом источников.

Известны еще четыре храма в южной части города. Три из них, по-видимому, были окружены одной храмовой стеной и стояли на естественных возвышениях над нижним городом. Если не считать отдельных деталей, все они довольно точно воспроизводили план главного храма (№ 1). У всех были церемониальные входы, центральные внутренние дворы с колоннадой и внутренни-

ми святилищами или алтарями с окнами, чаще обращенными наружу, а не во внутренний двор.

В храмах II, III и IV были особые культовые помещения. В храме V, как и в главном храме I, их было два, однако в храме V по неизвестным причинам второе культовое помещение находилось не в конце центрального двора, а сбоку от него.

Примерно в миле от Богазкёя, северо-восточнее его, находится Язылыкая — пожалуй, самое внушительное хеттское святилище. Здесь в скале, где когда-то бил родник, были две естественные пещеры разных размеров. Этот скальный храм во многом напоминает другие анатолийские святилища, связанные с почитанием родников, и, возможно, существовал еще задолго до возвышения хеттской державы — может быть, за многие столетия. Первоначально была воздвигнута стена, отгородившая главное святилище от внешнего мира. При Хаттусили III на ее месте был построен целый храмовой комплекс, весьма напоминавший храмы столицы. Каменная лестница вела от больших надвратных строений через вторые ворота в прямоугольный внутренний двор, где находились алтарь и небольшое помещение для очистительных жертв или омовений. Проход с колоннадой вел отсюда в главное святилище, сооруженное на месте внутренних ритуальных помещений. Вторые ворота за внутренним двором и прилегающими помещениями открывали когда-то доступ к меньшему алтарю, однако после пожара в храме, при Тудхалии IV, помещения позади внутреннего двора были перестроены и открывались в общий коридор или проход, который соединял большее святилище с меньшим; так все эти строения соединились в единый комплекс.

Однако привлекают в святилище в Язылыкае не храмовые его здания, а рельефы, высеченные на стенах двух естественных древних пещер.

В первом, более обширном (помещение *A*) изображены две процессии — богов и богинь. Они как бы движутся навстречу друг другу, а главный бог и главная богиня, отмеченные особым своим положением и размерами, стоят друг перед другом в середине наскальной композиции. Почти в конце правой процессии изображен хеттский царь, тоже более крупным масштабом и отмеченный царским картушем с именем Тудхалии. За ним узкий проход, охраняемый крылатыми чудовищами с львиными головами, ведет в меньшее святилище (по-

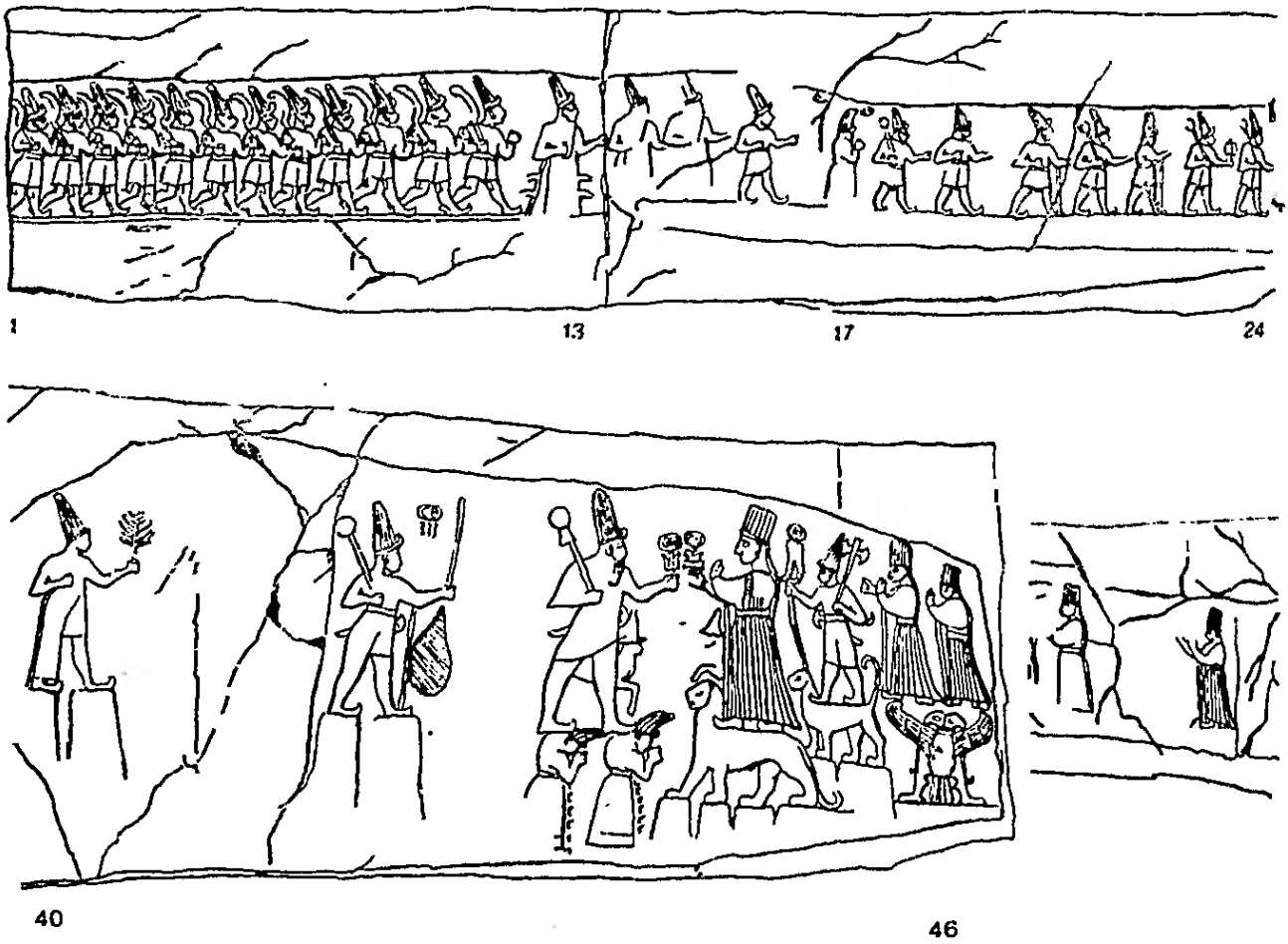

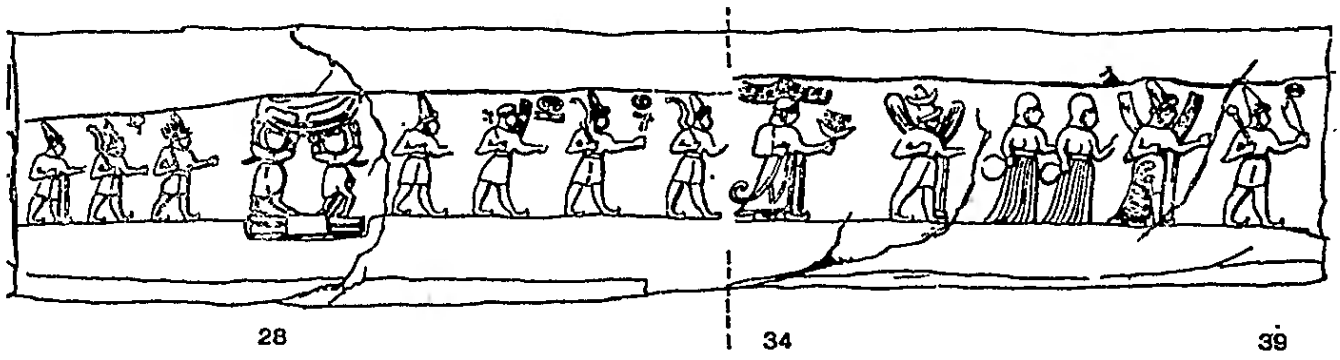

Рис. 40. Наскальный рельеф. Язылыкая

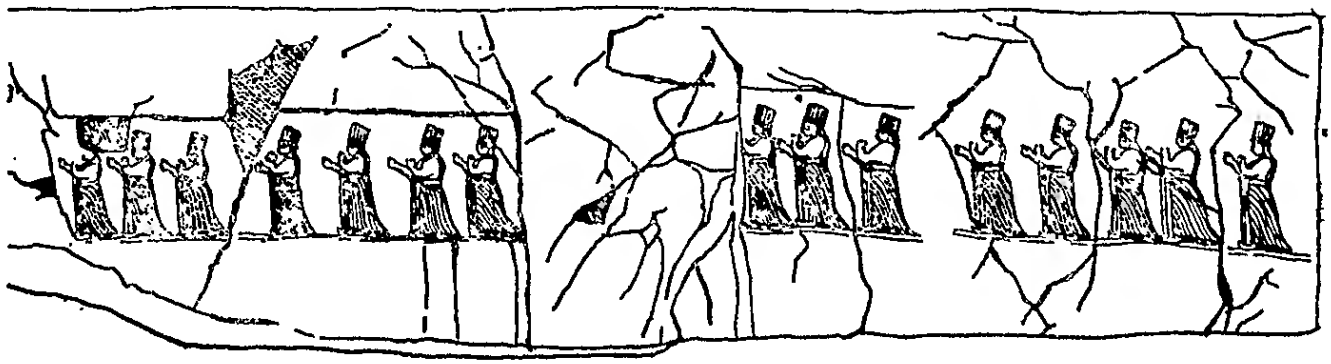
мещение *B*) — в узкий коридор с гладкими стенами, шириной не более 9 футов, с примыкающей подземной комнатой на глубине около 30 футов, в северо-восточном углу. Стена из циклопических блоков отделяет эту комнату от внешнего мира, оставляя по левую руку лишь узенький лестничный проход, где жрец мог один на один встречать любого, кто осмелился бы проникнуть в эту святая святых.

Перед этой стеной сохранилась гладкая известняковая платформа, а на ней и вокруг нее, как выяснилось при раскопках, большое количество древесного пепла.

На стене помещения *B* обнаружен еще один картуш с именем Тудхалии, а ниже на той же стене — самая удивительная и загадочная сцена. На ней изображен огромный меч, по-видимому вонзенный в скалу, ибо острия его не видно. Рукоять изображена в виде четырех львиных голов и человеческой фигуры над ними; судя по остроконечной шапке или шлему, это изображение божества.

Позади этого большого рельефа, 11 футов высотой,

высечены две меньшие фигуры. Более крупная — предположительно бог Шаррума — покровительственно обнимает маленькую — это опять же царь Тудхалия.

На противоположной стене и тоже как бы в сторону подземного святилища движется процессия из 12 воинов-богов наподобие тех, что изображены на стене внешнего помещения. Они идут стремительно и грозно, подняв серповидные мечи.

До сих пор трудно определить, какую роль играли рельефы Язылыкая в религии. Археолог, производивший здесь раскопки, отметил, что все храмовые строения в отличие от столичных были построены так, что не могли бы выдержать надстройки верхних этажей. Это позволяет предположить, что здешние храмовые сооружения использовались не повседневно, а только в редких случаях, скорее всего во время ежегодного празднества[38].

Как убедительно предположил археолог, это было большое празднество в начале нового года, которое продолжалось более месяца; на нем восхваляли всех богов, а заканчивалось оно «священным бракосочетанием».

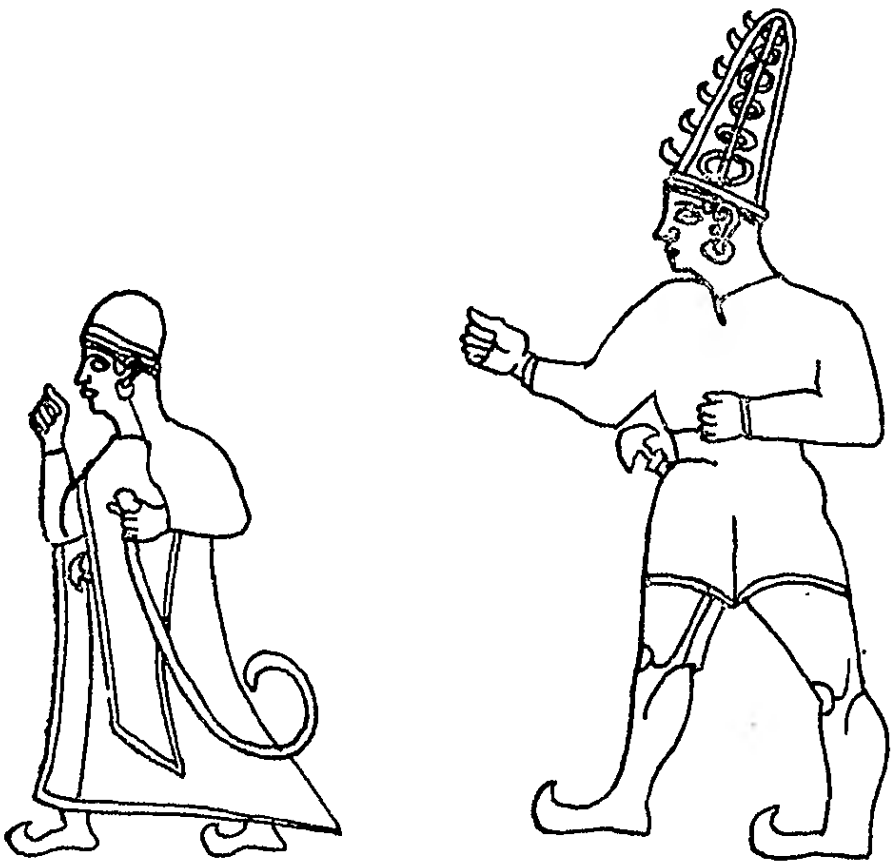

Рис. 41.
Царь Тудхалия (слева) и бог Шаррума (справа).
Язылыкая

Такое истолкование вполне подходит к первому, большему помещению, но его нельзя применить ко второму, меньшему, назначение которого явно было другое. При разгадке его назначения следует обязательно учитывать частный характер этого внутреннего «алтаря» и символ его — огромный меч, вонзенный в скалу!

Ближайшая параллель этого любопытного изображения меча наблюдается в период торговых колоний и посвящена богу подземного царства. В хеттских ритуальных текстах, также посвященных подземным богам, говорится о том, как жрец создает их образы в виде меча, вонзенного в землю. Кроме того, в других текстах бог подземного царства упоминается вместе с «дюжиной богов распутья» (неизвестно, каких); невольно сразу вспоминаются 12 воинов-богов на западной стене.

Кроме того, в скалах вокруг этих подземных комнат найдены погребения, где иногда встречаются не только человеческие скелеты, но и скелеты птиц. Например, в одном случае чучело птицы было пригвождено к стене

в распростертом виде четырнадцатью большими гвоздями. Поскольку из хеттских текстов известно, что птиц обычно приносили в жертву подземным богам, археологи, естественно, заключили, что внутренняя комната была своего рода погребальным святилищем[39]. Картуш с именем Тудхалии (скорее всего четвертым, поскольку он, как известно, считал Шарруму своим богом-покровителем) позволяет предположить, что это помещение предназначалось для погребения либо самого царя, либо одного из его предков с таким же именем. Статуя, должно быть, стояла в северном конце комнаты или в прилегающей комнате, а в одном из маленьких прямоугольных углублений, вырубленных в стенах этих святилищ, по-видимому, хранился пепел покойного царя.

Эти предположения приводят нас к вопросу о хеттских обрядах, совершавшихся при погребениях. Свидетельства о них мы имеем из двух источников — письменных и археологических. Древние захоронения хеттов найдены в Богазкёе, в Илыдже, милях в сорока к западу от Анкары, в бывшей фригийской столице Гордионе и вблизи Хиссарлыка, где находилась знаменитая Троя.

Во всех этих захоронениях погребены простые люди. Там нет царских гробниц с золотыми кладами, как в гробницах Египта или Микенского царства той же эпохи. Подобного в Анатолии не обнаружено. Возможно, единственное исключение представляет захоронение в Гявуркале, к юго-западу от Анкары. Оно расположено на вершине холма с площадкой примерно 40 квадратных ярдов, обнесенной стеной из циклопических камней. В начале дороги, ведущей к нему, на естественной скале высечен рельеф: два бога приближаются с двух сторон к сидящей богине. А в конце верхнего плато осталось давно ограбленное погребальное помещение площадью 13×10 футов. Судя по письменным источникам, таковы были царские погребения, не сохранившиеся до наших дней.

Хеттских царей после смерти сжигали, что часто сравнивали с обычаями кремации героев гомеровского эпоса[40]. До недавнего времени традиция кремации не была выявлена ни в микенском, ни в хеттском мире, а захоронения в Трое, относившиеся в основном к позднему периоду Трои VI, состояли целиком из погребений с трупосожжением. На основании этого был сделан вывод, что такая традиция проникла и в гомеровские и в

хеттские ритуалы в результате контактов с Северо-Западной Анатолией.

Однако последние данные говорят, что подобное заключение слишком все упрощает. Сегодня известно, что кремация практиковалась в Греции еще с середины бронзового века[41] и распространилась в Центральной Анатолии с самого начала хеттского периода. Раскопки многочисленных погребений с трупосожжением в Гедикли, в долине Исляхии, в Юго-Восточной Турции, которые явно относятся к концу III тысячелетия до н. э., указывают на то, откуда могла пойти эта традиция. А наличие сосудов в захоронениях Гедикли, которые Шлиман называл δέπας — ἀμφικύπελλον *, говорит о несомненной связи их с захоронениями в Трое II, хотя эта связь до сих пор недостаточно объяснена. В погребениях с трупосожжением в Греции, например в Перати, тоже прослеживается сходство с аналогичными погребениями на Левантийском побережье.

Сейчас обнаружено множество погребений с трупосожжением в Анатолии периода позднего бронзового века; захоронение в Трое всего лишь одно из раскопанных и исследованных. Могилы там располагались на южном крае плоскогорья, примерно в 550 ярдах к югу от крепости. Пепел сожженных покойников обычно ссыпали в глиняные сосуды различной формы и размеров с крышками. Их ставили в узкие могилы, зачастую чуть ниже поверхности почвы. Погребальные дары были немногочисленны и, как правило, недороги: бусы, небольшие глиняные сосуды, булавки или бронзовые кольца.

Нет никаких свидетельств, что эти могилы были индивидуальными и что даже все кладбище имело четко обозначенные границы. За крепостной стеной, под западным склоном крепости, найдены останки сожженного человека, а примерно в 220 ярдах к северо-западу от кладбища стояло кирпичное строение, весьма похожее на печь. Все это напоминает более древнее кладбище в Гедикли, где тоже были печи для сожжения покойников и где хоронили их прах.

Кладбище в Богазкёе тоже располагалось за пределами города, у дороги, ведущей к святилищу Язылыкая. Здесь большое количество погребений — урн с прахом или грунтовых захоронений — помещалось в естественных

* Название этого типа сосудов (кубок, чара, чаша) встречается уже в гомеровском эпосе.

расщелинах и гротах. Стратиграфический анализ показывает, что эти погребения относятся к XVIII—XIV вв. до н. э. И здесь прах умерших тоже помещали в глиняные сосуды различной формы и размеров, многие из которых, как в Трое, использовались в виде погребальной урны после того, как были надбиты.

Это можно считать признаком бедности, но не исключено, что это имело какое-то ритуальное значение. Погребальные дары ограничивались раковинами, небольшими горшками, несколькими бронзовыми цепочками или одной простой печаткой. Во многих захоронениях найдены кости животных. Кости коров, овец и свиней, видимо, представляют собой остатки своего рода погребальных трапез. Что же касается костей собак, то это, по-видимому, говорит об обычае, когда покойного в загробное царство сопровождает верный друг. Однако существует и другое, письменное свидетельство, по которому жертвоприношение собак имело магическое или ритуальное значение.

Останки лошадей (два черепа и отдельные кости) свидетельствуют о древнейшей связи с кочевой жизнью в русских степях. Таким образом, это еще одно звено в связи хеттов с народами «культуры курганов», которую, как мы предполагаем, привнесли в Анатолию носители индоевропейских языков. Обнаруженные в погребениях черепа и кости ослов, видимо, говорят о том, что некоторые обитатели Хаттусы были недостаточно богаты и не могли принести в жертву коней, а потому обошлись более дешевыми животными.

Обращает на себя внимание одна особенность этого кладбища. Она заключается в том, что в большинстве сохранившихся погребений рядом со скелетом взрослого лежит скелет ребенка. Это могло быть простым совпадением, однако возможность своего рода детских жертвоприношений тоже не исключена.

Кладбище в Илыдже, которое можно отнести к периоду Древнего царства, также состоит из разных погребений — урн с прахом и грунтовых захоронений, однако первых здесь больше. Прах покойных, как правило, помещался в полуразбитые глиняные сосуды с носиками, обращенными на восток. И опять же здесь были кости животных и скудные погребальные дары. Но это кладбище отличают мегалитические надгробные памятники или скорее надолбы, ограничивавшие ряды могил, но не индивидуальные захоронения. Они расположены в одну

или две линии длиной около 220 ярдов. Возможно, первоначально таких линий, типичных для кладбищ того времени, было больше, однако эти надолбы почти все сброшены и уничтожены.

Ильджа находится всего в 40 милях от Гордиона, поэтому удивительно, что кладбище в Гордионе, которое относится примерно к тому же времени, что и в Ильдже, совсем не имеет погребений с трупосожжениями, а состоит из погребений в грунте, гробницах, но в основном в пифосах (сосудах). Весьма вероятно, что обычные захоронения были наиболее ранними (примерно в период торговых колоний), а во времена Древнего царства хоронили только в пифосах.

Скелеты находились в пифосах в скорченном положении, и пифос был положен так, что голова покойника обращена к юго-востоку. Отсутствие погребений с трупосожжением можно было бы объяснить простым различием в местных обычаях, однако, что более вероятно, в Гордионе были в тот же период погребения с трупосожжением, но они еще просто не обнаружены.

Гедикли, поселение, где найдены погребения с трупосожжениями, относящиеся еще к III тысячелетию до н. э., также имеет обычные могилы примерно середины II тысячелетия до н. э. А совсем недавно Археологический музей в Анкаре приобрел керамику из Ферзанта, расположенного вблизи Мерзифона, которая свидетельствует о том, что где-то неподалеку находилось еще одно древнее хеттское кладбище.

Помимо захоронений на открытых, вне городских стен площадях существовали, очевидно, и кладбища в черте города. Например, в Богазкёе трупы хоронили в домах под полом или рядом с домами. В большинстве случаев это были простые могилы, однако имелись и исключения: могилы под каменными плитами, а в одном случае — погребение под двумя половинами распиленного вдоль пифоса.

Погребальные дары городских могил обычно немногочисленны и бедны. Все погребения в городах и вблизи них, по-видимому, принадлежали бедному люду.

Глава VIII

ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА

Каждый, кто обращается к искусству Анатолии периода между 1650 и 1200 гг. до н. э. и сравнивает его с искусством соседних народов, испытывает чувство разочарования. Именно в этот период появились удивительные фрески в египетских гробницах Нового царства, в которых прослеживается чувственный натурализм амарнского периода и техническое мастерство больших батальных сцен времен XIX династии. Именно в то же время были созданы настенная живопись минойских и микенских дворцов, каменные печати Крита и металлические изделия шахтных погребений, которым принадлежит замечательная глава в истории мирового искусства.

По сравнению с этим Анатолии почти нечего предложить. Тут мало воображения, тонкого изящества, вдохновенного таланта или технического совершенства, одна грубая сила, которая сразу ощущается и в огромных настенных рельефах, и в изделиях малых форм. Возможно, это объясняется случайностями — мало что уцелело! Не осталось, например, роскошных «царских гробниц». Но, с другой стороны, в таких местах, как дворец и храмы Богазкёя, где наверняка должны были находиться художественные произведения, их не оказалось, и нет даже следов, что они там когда-либо были. Наоборот, существует предположение, что рельефные украшения на хеттских сосудах являются копиями с оштукатуренных и раскрашенных настенных рельефов хеттских зданий, которые, в свою очередь, подражают сирийско-месопотамским фрескам из Мари и Алалаха. И хотя в отдельных хеттских поселениях находят фрагменты штукатурки, на ней не обнаружено никаких следов настенной декоративной росписи [42].

Небольшие произведения искусства встречаются на удивление редко, да и те, что сохранились, неинтересны

и неоригинальны. Даже наскальные рельефы — почти единственный тип хеттского искусства — редко поднимаются над средним уровнем. Поэтому неудивительно, что хеттов называли народом, «лишенным изящества» [43].

И в самом деле, если политический подъем хеттского государства и сопровождался каким-либо взлетом художественных талантов, то он либо выражался в недоступной для нас форме, либо не оставил после себя никаких следов.

Подобное утверждение может быть расценено как слишком категоричное, однако нет сомнений, что средний уровень хеттских памятников был довольно невысок. Однако это ни в коем случае не противоречит тому, что отдельные образцы хеттского искусства достигли высокого совершенства и что их можно или даже нужно рассматривать с непредвзятой точки зрения, учитывая назначение и технику хеттских мастеров. В этом отношении их наскальные рельефы дают достаточно обширный материал, который позволяет нам сделать некоторые обобщения.

Эти изображения по большей части высечены на выступающих поверхностях естественных скал, в которых вырублен, вынут только фон, а сами фигуры остались в виде плоского рельефа. Иногда естественную скалу заменяют циклопические блоки, вставленные в архитектурный ансамбль, как, например, в боковые пилоны городских ворот, но в таких случаях плиты с рельефными изображениями представляют собой часть крепостной стены, а не декоративную деталь. В результате в обоих вариантах скульптурные изображения являлись неотъемлемым элементом всего архитектурного ансамбля, где в общем сочетании они обретали силу и жизненность, которые почти полностью теряются, если брать их отдельно.

Иной раз скульптор стремится подчеркнуть единство изображения и архитектуры здания, и тогда скульптура буквально выступала из блоков строения, а не сливалась с ним. Львиные ворота в Богазкёе прекрасно отделаны только с фасада и совсем не обработаны с боков. То же самое можно сказать о сфинксах — хранителях Аладжи, где на боковых поверхностях каменных блоков были изображения совсем другого рода. Однако, пожалуй, самый поразительный пример этой техники представляет собой «бог-меч» из помещения *B* в Язылыкая. Хотя символическое значение этого изображения и не совсем

ясно, однако оно сразу же производит на зрителя впечатление силы и могущества.

Впрочем, некоторые хеттские скульптуры исполнены другой техникой. Привратные сфинксы из Богазкёя в отличие от своих аналогов в Аладже высечены таким образом, что их можно созерцать не только спереди, но и с боков; то же самое относится к великолепной скульптуре льва, хватающего теленка, из той же Аладжи.

Все они, как правило, представляют собой рельефы, но имеются и некоторые исключения. Например, голова фигуры на Царских воротах в Богазкёе изваяна почти в три четверти и выступает из каменной плиты. И еще одна, по-видимому, так и не оконченная фигура на склоне холма в Фассиларе настолько рельефна, что ее можно считать почти полной скульптурой.

В самой технике хеттского рельефа различаются два стиля. Одни изображения почти совершенно плоские и обозначены лишь контурами, иногда они настолько условно передают фигуры, что кажутся незаконченными. Другие же рельефы (особенно в самой столице и вблизи нее) намного глубже и пластичнее. На них больше внимания уделялось мускулатуре, деталям одеяний и т. п. Причину этого приписывали влиянию хурритских, а возможно, и вавилонских мастеров, однако сохранилось довольно мало месопотамских рельефов, которые можно было бы сравнить с хеттскими, и не исключено, что эти отличия объясняются местной иконографической традицией.

Хеттское искусство было в своей основе натуралистическим — во всяком случае, в изображении людей, животных и отдельных предметов. Однако это вовсе не означает, что хетты-художники стремились создавать настоящие портреты отдельных личностей или воспроизводить истинные бытовые сцены. Искусство их было скорее «идеалистическим» и «умозрительным», т. е. художник изображал не то, что видел, а то, что считал наиболее подходящим и понятным для данной ситуации, т. е. изображал ее общепринятую «сущность». Так, в традиционной мужской фигуре голова всегда изображалась в профиль, плечи и грудь — анфас, а ступни ног — опять же в профиль. И эти «смешанные» изображения вовсе не говорят о невежестве хеттских художников. Они представляют собой по понятиям хеттского искусства (да и вообще искусства всего Ближнего Востока) основные элементы идеального изображения «мужественно-

сти». Не делалось никаких попыток создать фон или связать рельефы с общим архитектурным комплексом — создавались только фигуры на голой плите. Главная задача художника была не воспроизводить реальность, а вызывать соответствующее чувство.

Многие рельефы не отличаются техническим совершенством, однако умелое условное расположение фигур придавало всему изображению художественную ценность. Во-первых, они как бы упорно и неумолимо шли вперед, и это создавало впечатление движения и силы. А во-вторых, что самое главное,— это давало возможность варьировать композиции, либо создавая непрерывную процессию, как на фризах, либо сводя эти фигуры лицом к лицу. Обе техники использовались на рельефах в Гявуркале, однако наиболее изысканные их образцы найдены в помещении *A* в Язылыкая. Здесь великолепно передано чувство ожидания встречи двух колонн воинов, которые должны соединиться на главной стене.

Как правило, фигуры не пересекаются друг с другом, и в хеттских рельефах нет даже попыток передать трехмерное изображение, но на некоторых отчетливо показано движение процессий воинов или богов. Композиция центральных фигур более сложная: божества, возглавляющие обе процессии, встречаются. Эффект этой сцены усилен столкновением быков, которые видны позади ног обоих богов. Таким образом, необычный элемент глубины изображения достигается, как уже было отмечено, за счет теологической точности: в хеттской религии быки, как правило, являются спутниками богов, а не богинь [44].

Однако самая интересная композиция хеттских настенных изображений была найдена в помещении *B*. Она, как обычно, имеет традиционное построение, но здесь две фигуры — царя Тудхалии IV и его личного бога-покровителя Шаррумы — не только не противопоставлены, а объединены таким образом, что образуют художественно сильное и убедительное целое. В этом случае бог стоит рядом с царем и мастшаб фигур выдержан таким образом, что бог, вместо того чтобы держать в поднятой левой руке свое традиционное оружие, крепко держит правую руку царя, голова которого прячется под мышкой божества.

Вся композиция тщательно продумана, имеет треугольную форму, однако искусно смягченную округлыми линиями, так что даже выступающая правая рука бо-

жества, длинное одеяние царя, волочащийся Lituus*, высокии островерхий головной убор и даже эфес меча в форме полумесяца — все учтено и объединено в высокохудожественное произведение.

Высказывалось предположение, что идея этой композиции не могла принадлежать местному художнику из Язылыкая, ибо аналогичные изображения царя с божеством-защитником появились на печатях во времена Муваталли. Но в любом случае наскальное изображение в Язылыкая представляет собой, пожалуй, самый лучший образец таких композиций.

Рельефы, о которых мы до сих пор говорили, были связаны с религиозными культами и целиком зависели от ритуальных традиций, остальные изображали светскую жизнь и подчинялись иным правилам. В этом можно убедиться на примере сфинксов по обеим сторонам крепостных ворот в Аладже. Одни рельефы чисто «профессиональны», т. е. связаны с религиозными культами, на других изображены музыканты, «акробаты», а также сцены охоты. Связь между этими двумя типами изображений не совсем ясна, но не исключено, что зритель должен был видеть их одновременно. В основном цирковые сцены представляют собой довольно неловкие попытки отойти от ритуальных изображений. В некоторых изображениях (например, «глотателя меча» или «человека с собакой») эти попытки почти достигают успеха, но в остальных видна полная беспомощность скульптора.

Традиционное изображение фигур делает практически невозможным убедительно передать игру на арфе или подъем по лестнице. Только когда скульптор обращается к животным, его изображения становятся более правдивыми. В сценах охоты смелый натурализм и изящный рисунок основных изображений сочетаются с символическими образами, такими, как рога, клыки и гривы. Иногда декоративные элементы включают растительный орнамент, а на заднем плане появляется изобилие всякой формализованной «растительности». Во многих отношениях подобная комбинация скорее напоминает искусство степных народов, чем типично хеттское в нашем понимании.

Такой же контраст в изображениях животных и лю-

* Латинское название загнутого авгурского жезла (авгур — жрец-птицегадатель). Этим термином иногда называют жезл хеттского царя, напоминающий авгурский.

дей мы видим в произведениях малых форм. Сосуды в форме животных, в частности пары быков, найденные в Бююккале, обладают жизненной правдивостью и особым очарованием. Сосуд в форме вздыбленной лошади, которую держит на поводу конюх, найденный в Йозгате, хотя и выполнен значительно грубее, но резко задранная голова лошади и мощный поворот ее удлиненной шеи насыщены силой и движением и имеют неповторимую индивидуальность.

Статуэтки же богов, наоборот, очень условны и фактически повторяют фигуры с наскальных рельефов.

От крупных отдельных каменных скульптур практически ничего не осталось. Почти полностью разрушенная фигура в Фассиларе и нижняя часть статуи, найденная в Аладже, не вызывают восторга. Однако надвратные фигуры в Богазкёе и фрагменты человеческой головы в увеличенном масштабе, найденные там же, свидетельствуют, что в столице мастерство хеттских скульпторов было значительно выше.

За пределами самой хеттской территории нет почти ничего, что можно было бы отнести к памятникам искусства. В Бейджесултане, например, вообще не обнаружено следов применения камнетесных инструментов. Однако здесь не следует торопиться с выводами, так как далее на западе, в Сипилусе и Карабеле, имеются наскальные типично хеттские скульптуры. Их зачастую принимали за мемориальный памятник в честь завоеваний хеттских царей, однако, по последним данным, это изображение, высеченное по приказаниям местных правителей, имело религиозный характер. Поэтому не следует заблуждаться, полагая, будто все наскальные рельефы Анатолии были чисто хеттскими по стилю и происхождению. Судя по тому, что нам известно о рельефах Древнего царства, они во многом отличались от рельефов периода Нового царства. Вполне возможно, что на развитие последних сильно повлияли иноземные элементы, в том числе привнесенные из Западной Анатолии. Однако, для того чтобы прийти к какому-либо заключению, требуется больше материала.

Прежде чем обратиться к литературным произведениям хеттского периода, необходимо сразу во избежание недоразумений внести в этот вопрос полную ясность. Говоря о «литературе» на древнем Ближнем Востоке, мы

вовсе не подразумеваем произведение, порожденное силой творческой фантазии и предназначенное для читающей публики, ибо читающей публики просто не существовало. Точно так же нельзя рассматривать сохранившиеся отрывки литературных произведений как закрепленные в письменной форме памятники устного народного творчества.

У нас нет, например, никаких доказательств, что хеттская эпическая поэзия, хотя она и содержит некоторые элементы, связывающие ее с фольклором, представляет собой «замороженный» вариант устного творчества, как это произошло с гомеровским эпосом с появлением письменности. Скорее наоборот — эти традиционные элементы были лишь реминисценциями месопотамской литературы, и тексты, которые мы склонны рассматривать как литературные произведения, на самом деле были упражнениями, весьма распространенными в месопотамских школах писцов. Бóльшая часть этих упражнений заключалась в том, что юные писцы копировали старые тексты. И в этой связи появился своего рода свод традиционных текстов, который переписывался неоднократно в течение столетий существования клинописи повсюду, где она была распространена.

Литературные тексты занимали в этом своде довольно незначительное место: преобладали тексты молитв, словари и различные документы. Совсем непонятно, почему в этот ряд вообще вошли индивидуальные литературные тексты. Не исключено, что они сохранились скорее из просветительских, консервативных соображений, а не потому, что их стремились сберечь из-за популярности или художественных достоинств.

Та же консервативная традиция прослеживается в стремлении дословно сохранить древние тексты. Однако со временем писцы могли частично изменять древние тексты, переводить месопотамские тексты на свои языки, и, таким образом, оригинальные копии были дополнены местными подробностями. В результате в Хаттусе возникали литературные тексты, основанные на месопотамских традициях, но зачастую имевшие типично хеттский «оттенок». Так, эпос о Гильгамеше сохранился в архивах Богазкёя не только в первоначальной аккадской версии, но и в переводах на хурритский и хеттский языки. Судя по тому, что осталось в хеттской версии, те части эпоса, которые относились к городу Уруку и интересовали главным образом жителей Месопотамии, были сокра-

щены для анатолийских читателей. И наоборот, эпизод борьбы с Хумбабой, происходившей на территории хурритов, вдали от центров месопотамской цивилизации, явно был расширен и дополнен в угоду читателям этих областей. Кроме того, переводы на хурритский предполагают, что эпос о Гильгамеше стал известен хеттам через посредство хурритов.

Другие заимствованные литературные тексты тоже восходят в основном к хурритским, хотя часто они не что иное, как копии с аккадских прототипов. В остальных случаях явно чувствуется, что за основу взяты ханаанские источники.

Наиболее сохранившиеся тексты хурритского происхождения рассказывают о боге Кумарби, о том, как он захватил царство богов, и о его безуспешной борьбе за это царство с богом Тешубом.

Отдельные сцены эпоса о Кумарби интересны не только тем, что напоминают аналогичные эпизоды у Гесиода и других греческих авторов, но также потому, что строки эпоса имеют, по-видимому, метрическую структуру. Обычная строка состоит, как правило, из двух полустиший, каждый из которых имеет два ударных и несколько безударных слогов. Этот метрический стих, видимо, не местного происхождения, а заимствован, как и многие другие, из Месопотамии. Каждая строка содержит одну синтаксическую единицу, и это в сочетании с традиционными повторами речи и описаниями событий придает стиху размеренное звучание, которое замечаешь только в достаточно длинных отрывках.

Один из них мы приводим в переводе проф. Г. Г. Гютербока, сделанном как можно ближе к оригиналу, даже в ущерб нормальному порядку слов в английском языке*:

Обратился тогда к Импалури Кумарби:
«Импалури! К словам, что скажу я тебе,
Пусть внимателен будет твой слух!
Жезл ты в руку возьми,
А ноги обуй
В буйные ветры, как в сапоги!
Ты к богам Ирсиррам иди,
И скажи ты Ирсиррам, богам,
Это веское слово „Приходите!
Вас Кумарби, отец всех богов, в дом богов призывает,

* В настоящем издании отрывок эпоса дан в русском переводе с оригинала Вяч. Вс. Иванова (В. В. Иванов. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977, с. 127—128).

Но зачем он зовет вас,
Не знаете вы.
Приходите скорей!"
Пусть Ирсирры возьмут малыша,
Отведут его в Темную Землю,
Пусть невидим он будет великим богам».
Как услышал ту речь Импалури,
Взял он в руку жезл,
А ноги обул
В буйные ветры, как в сапоги,
И отправился в путь Импалури;
И к богам он Ирсиррам пришел,
Импалури Ирсиррам, богам, повторил:
«Приходите!
Кумарби, отец всех богов, вас зовет.
А зачем он зовет вас,
Не знаете вы.
Приходите скорей!»
Как услышали слово Ирсирры,
Заспешили и заторопились,
Поднялись они с тронов своих,
Путь мгновенно они совершили,
И к Кумарби Ирсирры пришли.
Ирсиррам Кумарби так стал говорить:
«Этого сына возьмите,
Сына как дар вы примите,
На Темную Землю его отведите!
Торопитесь! Летите быстрей!
Пусть на правом плече Упеллури лежит он, как меч!
Положите вы его на плечо Упеллури.
Каждый день пусть растет он на сажень,
Пусть за месяц растет он на четверть версты».

Так постепенно развиваются события. Ход их медлителен, однако повторения редко совпадают дословно, и это придает сценам движение и делает их менее монотонными.

В хеттских записях также сохранились мифологические тексты местного происхождения, но совершенно очевидно, что они не являются литературными произведениями, подобными тем, о которых шла речь выше. Они не только менее изысканны и в деталях, и в общей композиции, но главное — они настолько тесно связаны с культом и религиозными ритуалами, что их нельзя даже сравнивать с иноземными образцами. Например, миф об исчезнувшем божестве и его возвращении представляет собой лишь часть ритуала, исполнявшегося для того, чтобы божество приняло молящегося под свое покровительство. Миф о борьбе бога грозы со змеем рассказывали во время празднества «пуруллия», которое происходило в священном городе Нерике. Все эти тексты пред-

ставляют собой огромный интерес для ученых, изучающих фольклор и религии, однако их литературные достоинства не очень высоки.

Эпическо-мифологическое прошлое Месопотамии сливалось для писцов с полулегендарным прошлым древнейших исторических монархов. Среди этих фигур главными были Саргон и Нарам-Суэн, самые могущественные правители Аккадской династии. Созданные вокруг них литературные сюжеты, по-видимому, были переведены на хеттский язык и сохранились в архивах Хаттусы.

Однако следует напомнить — это важно,— что правители Аккада были прославлены не только величием их царства, но и страшным его падением. Согласно месопотамским представлениям, судьба их зависела от божественных предопределений, человеческих взаимоотношений (мести, обид) и воздаяний свыше.

Основную идею, что прошлое не является рядом случайных событий, а предопределено их сочетанием, хетты опять же развили в характерной им манере. Хотя божественное благоволение и сохраняло первостепенную важность для них, всякое несчастье они объясняли скорее не гневом богов, а человеческой слабостью и неправедной жизнью. Так, в местных легендах, подобных «Сказанию об осаде Уршу», где речь идет о попытках древнего правителя захватить вражеский город, вина за его неудачу возлагается не на богов и не на царя, не сумевшего угодить им, а на вопиющее невежество его военачальников, которые не смогли даже проследить за исполнением своих приказов. В данном случае, если судить по сохранившейся части легенды, вряд ли мораль ее относилась к военачальникам того времени, зато хеттские монархи с первых дней Древнего царства явно использовали в своих декретах и уложениях уроки прошлого. Например, Хаттусили I, назначая Мурсили I наследником трона, приказывает своим приближенным исполнять царские повеления, ибо только тогда Хаттуса сохранит главенство и на земле ее будет мир. Был прецедент, когда царские слуги ослушались монарха и возвели на трон узурпатора. «Многие ли из них избежали своей участи?» — риторически вопрошает царь.

Еще более характерна преамбула «Указа Телепину», в которой царь рассматривает раннюю историю государства и объясняет его успехи полным согласием, царившим тогда в царской семье, в то время как нынешние

несчастья происходят из-за отсутствия такового. В подобных обзорах прошлого, где разные события объясняются главным образом достоинствами и недостатками людей, а не вмешательством сверхъестественных сил, древние хеттские монархи и их писцы предстают перед нами как истинные предшественники «отца истории» Геродота.

Те же дворцовые хеттские писцы обладали еще одним талантом Геродота — живостью повествования и умением создавать реалистические образы. Творения их состоят главным образом из постановлений и указов, анналов и договоров, но даже в таких текстах они поражают читателя отсутствием формализма и традиционных условностей. Наоборот, в них зачастую чувствуется живой язык, изобретательный и раскованный, и стремление передать драматическую напряженность той или иной сцены или проиллюстрировать характер действующего лица в совершенно оригинальном стиле.

Типичным примером может служить суровая непоколебимость Хаттусили I перед своей сестрой, «которая ревет перед ним, подобно корове», потому что сын ее был лишен права наследовать трон, или крайнее изумление Суппилулиумы, когда гонец сообщает ему о том, что его сыну предлагают трон Египта: «Со мной ничего подобного не случалось!»

Такие сцены придают официальным хеттским текстам жизненность и индивидуальность, которые чрезвычайно привлекательны и, бесспорно, оправдывают включение таких текстов в главу о литературе.

В предыдущих главах упоминалось о молитвах, сохранившихся в хеттских архивах. Эти тексты тоже иллюстрируют многие положения, уже отмеченные нами. Основная их форма и главные концепции, подобно многому другому, были унаследованы из Месопотамии, но в Хаттусе они были изменены и получили второе рождение. В них нет оригинальности выражений, сложных построений или глубины религиозной мысли, которые придавали бы им большое литературное достоинство, однако в них чувствуется неподдельное страдание, духовный конфликт, простая, обнаженная философия жизни. Все это в сочетании с естественными бытовыми выражениями придает этим молитвенным текстам типично хеттский характер.

Жизнь, говорится в них, связана со смертью, а смерть — с жизнью. Человек смертен, и человек гре-

шен. Даже если сам он невинен, грехи отцов его тяготеют над ним, он обречен на болезни и нищету. Но когда человек взывает к богу о милосердии, бог прислушивается к его мольбам, ибо он милосерден, он защита и убежище в смутные времена. Как птица ищет спасения в своем гнезде, так и человек ищет спасения в боге.

«Освети меня, как луна в полнолуние! — взывает страждущий.— Воссияй надо мною, как солнце в небе! Иди со мной одесную, подпрягись ко мне, как бык в ярме, сопутствуй мне, как истинному богу подобает!»

Невольно вспоминаешь изображение царя Тудхалии в объятиях бога-хранителя в Язылыкая.

Однако, несмотря на все эти фигуральные взлеты, молитвы хеттов сохраняли практический смысл. Воздав богу богово, молящийся убеждает свое божество, что этого вполне достаточно, чтобы избавить его от страданий. Потому что в конечном счете, убивая тех, кто приносит ему жертвы, бог вредит самому себе. Лучше пусть он нашлет эти страдания и бедствия на чужую страну, где достаточно подходящих жертв.

Вся литература, о которой упоминалось выше, принадлежала, как уже было сказано, к царскому двору и школе писцов. Это не означает, однако, что не существовало народной литературы. Нет никакого сомнения, что в те времена у хеттов, да и по всей Анатолии, пелись народные песни и рассказывались сказки. Несколько строчек песни воинов сохранилось в полуисторическом тексте периода Древнего царства:

Саван Несы, саван Несы
Принеси ты мне.
Матери моей одежды
Принеси ты мне.
Деда моего одежды
Принеси ты мне.

(*Перевод В. В. Иванова*)

Ритмическая структура и простой припев говорят о древней традиции народной поэзии, которая, если верить хеттским текстам, имевшим особый песенный строй, восходит, по-видимому, к дохеттскому периоду. Однако ни одного образца этой поэзии, помимо приведенного выше отрывка, не сохранилось. Но если мы вспомним дошедшую до нас песенку, которую пели воины Юлия Цезаря, а она единственный сохранившийся «литературный» образчик огромного народного латинского творчества, постепенно выявившегося только в средние

века, легко предположить, что оно было также распространено и в Анатолии II тысячелетия до н. э. Но это народное творчество не интересовало ни храмовых служителей, ни государственных чиновников, никем не записанное, оно утрачено для нас безвозвратно.

Этими заметками о литературе мы заканчиваем обзор анатолийской культуры позднебронзового века. Если наш труд оказался в основном о хеттах, то это объясняется не только недостатком материала о других народах и областях Анатолии, но и доминирующим положением, которое хетты занимали здесь в то время. Хетты предстали перед нами народом, пусть не обладавшим гениальностью и оригинальностью, неспособным изменить ход мировой истории, но зато, несомненно, талантливым в политической и военной организации. Кроме того, хетты умело использовали все свои природные ресурсы, что позволило им завоевать и в течение многих столетий удерживать господствующее положение в ближневосточном мире.

Не менее важно еще одно обстоятельство. Хетты предстают перед нами не просто как один из древних народов, а как реальные люди, наделенные неповторимой индивидуальностью, которую мы легко распознаем до сих пор, спустя более трех тысяч лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: M. E. L. Mallowan and J. Cruuikshank Rose. Prehistoric Assyria, The Excavations at Tell Arpachiyah, 1935. Ср.: J. Mellaart.— CAH 1, Вып. 1, с. 281.

[2] См.: S. Lloyd and F. Safar. Summer IV, 1948, с. 115 и др.; S. Lloyd.— ILN, May 31, 1947, с. 581 и др.; ILN, Sept. 11, 1948, с. 303 и сл.

[3] H. Frankfort. The Art and Architecture of the Ancient Orient, 1970, с. 211 и сл.

[4] C. L. Wooley. Ur Excavations. Vol. II. The Royal Cemetery, 1934; он же. Ur of the Chaldees, 1929; Excavations at Ur, 1954, и другие публикации.

[5] M. E. L. Mallowan. Excavations at Brak and Chagar Bazar; Iraq 9, 1947, с. 1 и сл.

[6] L. R. Palmer. Mycenaeans and Minoans, 1965, с. 246 и сл.

[7] M. J. Mellink in: R. W. Ehrich. Chronologies in Old World Archeology, 1965, с. 115 и сл.

[8] C. J. Gadd.—CAH 1, Вып. 2, с. 426 и сл.

[9] J. Mellaart,—AJA 62, 1958, с. 14.

[10] См.: J. Mellaart.— CAH 1, Вып. 2, с. 694; R. A. Crossland. CAH, с. 845.

[11] W. F. Albright and T. O. Lambdin.— CAH 1. Вып. 1. с. 142.

[12] J. Mellaart.— AJA, 62, 1958, с. 20—21.

[13] R. J. Howell in: R. A. Crossland and A. Birchell (ред.). Bronze Age Migrations in the Aegean, 1973, с. 73.

[14] D. H. French.— AnSt XVII, 1967, с. 62—63.

[15] J. B. Haley and C. W. Blegen. The Coming of the Greeks; AJA XXXII, 1928, с. 141.

[16] Ср.: M. B. Rowton.— CAH 1, с. 212 и сл.

[17] J. Mellaart. Anatolian Trade with Europe and Anatolian Geography and Culture Provinces in the Late Bronze Age.— AnSt XVIII, 1968, с. 187 и сл.

[18] См.: S. Piggott. Ancient Europe, 1965, с. 102 и рис. 56.

[19] J. Garstang and O. R. Gurney. The Geography of the Hittite Empire, 1959, с. 73 Ср. также: K. Bittel. Hattusha, 1970, с. 21; E. Laroche.— AJA 78, 1974, с. 111.

[20] Ср.: Y. Yadin. The Art of Warfare in Biblical Lands, 1963, с. 103 и сл., C. W. Ceram. Narrow Pass, Black Mountain, 1956, с. 160 и сл.

[21] См.: V. Hankey. Asian Affairs NS V, 1974, с. 51 и сл.; J. Mellaart. Western Anatolia, Beycesultan and the Hittites. Mansel'e Armagan (Melanges Mansel), 1974, с. 493 и сл.

[22] См.: Goetze. Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography, 1940, с. 27—33.

[23] R. S. Young.— AJA LXII, 1958, с. 139 и сл.
[24] (a) H. Goldman.— AJA XLI, 1937, с. 284.
(b) H. Goldman. Excavations at Gözlü Kule. Tarsus, II, 1956, с. 29.
[25] C. W. Blegen. Troy and the Trojans, 1963, с. 154.
[26] K. Bittel. Hattusha, 1970, с. 85.
[27] F. Fischer. Die Hethitische Keramik von Bogazköy, 1963, с. 32.
[28] C. A. Burney and D. M. Lang. The Peoples of the Hills, 1971, с. 47, 86.
[29] J. Mellaart.— AnSt V, 1955, с. 53.
[30] H. G. Güterbock.— JNES XX, 1961, с. 93.
[31] Location on Halys: J. Garstang and O. R. Gurney. The Geography of the Hittite Empire, 1959, с. 36; on Euphrates: S. Alp. Die Lage von Samuha, Anatolia I, 1956, с. 77 и сл.
[32] Y. Yadin. The Art of Warfare in Biblical Lands, 1963, с. 3.
[33] C. W. Blegen. Troy III, i, 1953, с. 96.
[34] P. Stirling. Turksh Village, 1965; J. E. Pierce. Life in a Turkish Village, 1964.
[35] L. R. Palmer. Achaeans and Indo-Europeans, 1955, с. 14; O. R. Gurney.— CAH II. Вып. 1, с. 253 и сл. Кроме того, см.: S. Piggott. Ancient Europe, 1965, с. 81.
[36] J. G. Macqueen.— AnSt IX, 1959, с. 181; O. R. Gurney.— CAH II. Вып. 1, с. 667 и сл.
[37] J. G. Macqueen.— AnSt IX, 1959, с. 179.
[38] K. Bittel. Hattusha, 1970, с. 107—108.
[39] Там же, с. 110.
[40] O. R. Gurney. The Hittites, 1952, с. 164 и сл.
[41] G. Daux. Bulletin de Correspondence Hellénique XCII. 1968, с. 1038 (Argos). Cremation-burial is also attested in the Middle Bronze Age in Epirus (N. G. L. Hammond. Epirus, 1967, с. 229) and in the Early Bronze Age on Leukas (W. Dörpfeld. AltIthaka, 1927; J. L. Caskey.— CAH 1. Вып. 2, с. 792—793).
[42] Traces of wall-painting are now reported from Masat Hüyük near Zile (AJA 78, 1974, с. 110).
[43] S. Lloyd. Early Highland Peoples of Anatolia, 1967, с. 64—65.
[44] K. Bittel. Hattusha, 1970, с. 98.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AJA — «American Journal of Archaeology».
AnSt — «Anatolian Studies».
CAH — «Cambridge Ancient History».
ILN — «Illustrated London News».
JNES — «Journal of Near Eastern Studies».

В. Г. АРДЗИНБА

ПОСЛЕСЛОВИЕ
О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ, ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ АНАТОЛИИ

Предлагаемая вниманию читателей книга известного специалиста, автора ряда работ, в частности по хеттологии, Дж. Маккуина «Хетты и их современники в Малой Азии» представляет собой научно-популярный очерк. В данной книге затрагивается хронологически продолжительный отрезок истории Анатолии: период существования неолитической культуры городского типа Чатал-Хююка и Хаджилара VII—V тысячелетий до н. э., ассирийских торговых колоний II тысячелетия до н. э. и от объединения анатолийских городов-государств при Питхане и его сыне Аннитте вплоть до образования Персидской империи, поглотившей «позднехеттские» государства.

Главная цель работы — осветить историю и культуру хеттского царства, одного из крупнейших государств древнего Востока II тысячелетия до н. э. Воссоздавая историю и культуру Анатолии, автор дал достаточно полную и в целом удачную картину повседневной жизни хеттов, их военного искусства [1]. Несомненное достоинство этой части работы — широкое привлечение данных археологии, которые автор использует и при описании религии хеттов.

Менее удачно освещены история образования хеттского царства и завоевательная политика его царей. Так, согласно Дж. Маккуину, главной стратегической целью хеттских царей было стремление захватить караванные пути, по которым перевозили олово. Этот тезис

[1] Интересные соображения о методах подготовки (тренинге) колесничных лошадей у хурритов и хеттов, характерных особенностях использования малоазиатских колесниц см.: В. Б. Ковалевская. Конь и всадник. Пути и судьбы. М., 1977, с. 41—58.

автора данными текстов не подтверждается. Слабое впечатление производят и разделы, посвященные хеттскому обществу и его институтам, а также истории и культуре неиндоевропейских народов Анатолии. Дж. Маккуин сам признает, что его труд в основном посвящен хеттам, и объясняет это, в частности, недостатком данных о других народах Анатолии, т. е. современниках хеттов, упомянутых в названии книги. Трудно согласиться с автором. Складывается впечатление, что он, несмотря на свое стремление объединить в одном повествовании данные текстов и археологии, мало привлекает и недостаточно тщательно анализирует письменные источники, а также существующую литературу по этому вопросу. Мы не можем остановиться здесь на всех малоубедительных и спорных выводах Маккуина, коснемся лишь некоторых из них, более подробно рассмотрим отдельные результаты исследований последнего времени: они были достигнуты после выхода в свет книги Дж. Маккуина и, естественно, не могли быть им учтены.

Наука о древнем Востоке, и в частности хеттология, важная составная часть ее,— бурно прогрессирующая отрасль знания. И это вполне закономерно. Из года в год ведут раскопки археологи, не перестают «колдовать» над уже опубликованными и только что обнаруженными клинописными и иероглифическими текстами филологи, лингвисты и историки. Благодаря усилиям ученых разных стран каждодневно делаются открытия. Хотя они порой и незначительны и понятны лишь довольно узкому кругу специалистов, тем не менее они углубляют наши знания и в конце концов приводят к утверждению новых представлений. Случаются и открытия, которые совершают переворот в науке о древнейших цивилизациях.

Несколько лет назад такое открытие было сделано итальянской археологической миссией под руководством Паоло Маттие, проводившей в сотрудничестве с Отделом древностей Сирийской Арабской Республики раскопки в Телль-Мардихе, вблизи Алеппо (САР). Под курганной насыпью были обнаружены остатки могущественного города-государства древнего Ближнего Востока Эбла, существовавшего в III—II тысячелетиях до н. э.; в архивах Эблы найдены тысячи клинописных табличек[2].

[2] См. об этом открытии: И. С. Клочков. Доселе неизвестная держава.— «Знание — сила». 1977, № 8, с. 54—55; В. В. Иванов. Предварительные данные о материалах клинописного архива Эблы.— «Народы Азии и Африки». 1980, № 2, с. 189—199.

Еще более крупным событием, чем открытие Эблы, стали в свое время обнаружение царских архивов Хаттусы и последующая дешифровка хеттских клинописных текстов. Было не только ликвидировано белое пятно, но и найден один из важнейших центров цивилизаций древнего Востока II тысячелетия до н. э. Очень ценные сведения об истории Анатолии самого начала II тысячелетия до н. э., еще до образования Древнехеттского царства, дали документы ассирийских (ашшурских) торговых колоний, написанные по-аккадски. Исключительно важную страницу истории и культуры Анатолии открыли раскопки Дж. Мелларта в Чатал-Хююке и Хаджиларе[3]. Он пришел к выводу, что уже в VII—V тысячелетиях до н. э. Анатолия была «наиболее развитым центром неолитической культуры на Ближнем Востоке».

К числу сложных проблем древнейшей истории Анатолии относится вопрос о времени и путях появления здесь народов, говоривших на индоевропейских языках. Эти языки обычно именуются хетто-лувийскими (иначе — анатолийскими). К ним относятся хеттский и палайский, представленные клинописными памятниками начиная с XVII—XVI вв. до н. э.; лувийский клинописный, известный по памятникам XIV—XII вв. до н. э., и лувийский иероглифический, надписи на котором относятся в основном к X—VIII вв. до н. э. К хетто-лувийским относятся также языки более позднего времени: ликийский (непосредственно продолжающий лувийский), лидийский (потомок хеттского языка) и, возможно, карийский. Надписи на ликийском, лидийском и карийском, дошедшие до нас, сделаны буквенным письмом.

Дж. Маккуин высказывает версию о проникновении хетто-лувийцев в Анатолию не с востока (через Кавказ), а с запада (через Балканы). Эту точку зрения разделяют большинство исследователей. Однако прямых археологических данных, подтверждающих ее, до сих пор не обнаружено.

Советскими учеными Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым в последние годы выдвинута принципиально но-

---

[3] См.: Дж. Мелларт. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982; Е. В. Антонова. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977; она же. О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии.— Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

вая точка зрения[4]. Первоначальная территория обитания индоевропейцев («индоевропейская прародина»), как считают они, находилась не в Северном Причерноморье, а в Передней Азии (от Балкан до Ближнего Востока и Закавказья вплоть до Иранского плоскогорья и Южной Туркмении). Авторы обосновывают эту теорию данными археологии, лингвистики и мифологии. В частности, отмечается, что относительно высокий уровень культуры, которую удалось реконструировать для общеиндоевропейского периода по языковым данным, может быть объяснен близостью к древним месопотамским и закавказским центрам цивилизации. Теория о переднеазиатской прародине индоевропейцев кардинально меняет существующую картину миграций индоевропейцев, и в частности хетто-лувийцев. Предполагают, что последние, как и носители общегреческого языка, лишь незначительно сместились в западном направлении, т. е. из Восточной Анатолии на запад ее, откуда греческие диалекты позднее распространились на материковую Грецию и острова Эгейского моря. Гипотеза Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова в настоящее время оживленно обсуждается советскими специалистами.

Проникновение хетто-лувийцев в среду неиндоевропейского местного населения Анатолии, которое было представлено здесь, вероятно, с древнейших времен, по-видимому, происходило не путем завоевания, а в результате постепенной инфильтрации нового этнического элемента. Предполагают, что неиндоевропейцы в языковом отношении составляли не одну, а несколько групп. Но имеющиеся в распоряжении исследователей данные позволяют установить лишь некоторые из них. Из числа этих народов на страницах книги Дж. Маккуина упоминаются, в частности, хурриты, каски и хатты. Главное внимание автор уделяет описанию столкновений интересов царей и вождей хурритов, касков и правителей хеттской державы. Поэтому остановимся, насколько это возможно, на некоторых аспектах этнокультурной исто-

---

[4] Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема: временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным.— «Вестник древней истории». 1980, № 3; они же. Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии.— «Вестник древней истории». 1981, № 2.

рии этих народов, имеющей непосредственное отношение к истории и культуре хеттского царства.

По мнению И. М. Дьяконова, именно хатты и хурриты на рубеже III—II тысячелетий до н. э. создали в Малой Азии такие города-государства, как Пурусханда, Амкува, Куссара, Хаттуса, Вахшушана, Самуха и др. Во всяком случае, приведенные в деловых документах ассирийских колоний имена купцов говорят о том, что в торговых сделках участвовали как ашшурцы и, видимо, хетты, лувийцы, так и хурриты и хатты.

Согласно одной из точек зрения, хурриты были автохтонами Армянского нагорья, Северной Сирии, Северной Месопотамии и Загросских гор (между Месопотамией и Ираном) или занимали эти области с III тысячелетия до н. э. Самый древний клинописный хурритский текст относится ко второй половине III тысячелетия до н. э. Но большинство таких текстов из различных районов Передней Азии (в том числе таблички из архивов Хаттусы) относятся, видимо, ко второй половине II тысячелетия до н. э. Хурриты играли важную роль в истории и культуре древней Передней Азии, значение которой пока еще полностью не оценено.

Дж. Маккуин называет хурритов «народом неизвестного происхождения». Это утверждение не соответствует действительности. В результате изучения хурритского языка, важный вклад в которое внесли и советские ученые, давно уже неоспоримо доказано, что хурритский близкородствен урартскому[5]. Изучение же хурритских текстов из различных архивов позволило предположить, что «они отражают не единый литературный язык, а пучок диалектов»[6], которые делятся на три группы. Большой интерес представляют результаты исследований, посвященных установлению генетического родства хуррито-урартских языков с кавказскими. На них мы остановимся позднее.

Каски, история которых освещена в работах советских исследователей Г. А. Меликишвили, Г. Г. Гиоргад-

---

[5] См.: И. М. Дьяконов. Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков.— Переднеазиатский сборник. Вып. I. М., 1961, с. 369—423; он же. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 123 и сл.; Г. А. Меликишвили. Урартский язык. М., 1964, с. 10—14 и сл.

[6] См.: М. Л. Хачикян. Диалекты хурритского языка. Автореф. канд. дис. М., 1978; среди работ советских авторов последнего времени, посвященных хурритскому языку, см.: Н. А. Нозадзе. Вопросы структуры хурритского глагола. Тб., 1978.

зе, И. М. Дьяконова,— это группа племен, населявших во II тысячелетии до н. э. Северную и Северо-Восточную Анатолию, а также Южное Причерноморье (Понт). Каски занимались земледелием и скотоводством.

В период правления древнехеттского царя Хантили I (1590—1560) каски захватили ряд областей хеттского царства (в том числе город Нерик, важнейший религиозный центр хаттов и хеттов) и, возможно, навсегда отрезали хеттов от Черного моря. Впоследствии они многократно вторгались на территорию хеттского царства и иногда доходили до его южных районов. В период Муваталли (1306—1282) они дошли до Канеса (современный Кайсери). Каски иногда действовали в союзе с лувийским царством Арцавой; последняя даже нанимала на службу каскские отряды. В свое время египетский фараон Аменхотеп III обращался к царю Арцавы с просьбой прислать ему касков-воинов для использования в своей армии. Иногда хеттам удавалось заручиться поддержкой касков. Так, последние сражались на стороне хеттов в битве при Кадеше (Кинзе) против египтян.

Каски наряду с «народами моря» участвовали в разгроме хеттского царства. После падения последнего каски и их цари на протяжении нескольких веков упоминаются в клинописных текстах как один из важных этносов Анатолии. В качестве синонима названия касков в надписи ассирийского царя Тиглатпаласара I (1115—1077) фигурирует этноним *абешла*.

В период хеттского царства у касков происходил переход от «военной демократии» (для которой характерны вождь, племенный совет и т. п.) к принципу правления «по-царски», о чем свидетельствуют «Анналы» Мурсили II. Этот царь сообщает, что, когда его отец Суппилулиума I находился в Митанни, некоторые области хеттской страны были захвачены и разорены каскаами, предводительствуемыми Пиххунией из «страны Типия». Этот Пиххуния, по словам Мурсили, управлял не так, как принято в стране Каска, где не было единовластия. Пиххуния же внезапно стал править «по-царски». Это, видимо, уже давно подготавливалось развитием каскского общества.

В сообщении Мурсили содержится еще один любопытный факт, характеризующий касков. В ответ на действия Пиххунии Мурсили послал к нему посла с требованием возвратить захваченных им хеттских подданных. В своем *письменном* ответе Пиххуния отказался выпол-

нить требование Мурсили и даже разразился угрозами в его адрес. Если-де Мурсили затеет войну, то он, Пиххуния, будет сражаться с ним не на своей земле, а встретится с хеттским войском на его территории. Но Пиххунии было не суждено осуществить свои тщеславные замыслы. Мурсили разорил Типию и захватил самого Пиххунию. Письменный ответ каскского царя, возможно, был составлен самим хеттским послом. Однако, учитывая то обстоятельство, что Пиххуния стал править «по-царски», можно предположить, что в его «аппарате» были писцы, писавшие по-хеттски. Тексты на каскском неизвестны.

Об этнической принадлежности касков можно судить лишь по названиям их населенных пунктов и областей (часть которых, видимо, связана с названиями племен и родов каска), а также по именам различных лиц. Анализ географических и этнических названий касков привел исследователей к выводу о родстве касков с хаттами (Г. А. Меликишвили, Г. Г. Гиоргадзе). Кроме того, на основании близости термина *каска* и его синонима *абешла* с названиями адыгов (*касог, кашог*) и абхазов (*апсилы, апшилы*) предполагают, что каски принадлежали к абхазо-адыгской языковой группе (Г. А. Меликишвили, И. М. Дьяконов).

В истории и культуре Анатолии древнейшего периода важную роль играли хатты. При описании хаттов Дж. Маккуин не упоминает многих исключительно важных элементов, унаследованных от этого народа хеттами, а суждения автора относительно истории хаттов очень спорны. Большинство ученых, как западных, так и советских, считают, что хатты — автохтонное население Малой Азии. Во всяком случае, в III тысячелетии до н. э. они занимали здесь территорию в излучине р. Кызыл-Ирмак.

С хаттским этносом исследователи соотносят погребения вождей XXIV—XXII вв. до н. э. из Алишара, Аладжи (К. Биттель, Э. Акургал и др.; согласно Дж. Мелларту, эти погребения датируются более древним периодом). Отмечают также разительное сходство скульптурных изображений животных из этих погребений с инвентарем знаменитого майкопского кургана на Северном Кавказе (аналогичные комплексы майкопской культуры выявлены и в целом ряде других пунктов Краснодарского края и Кабардино-Балкарии). Дж. Маккуин повторяет эти выводы относительно погребений и инвентаря Алад-

жи. Вместе с тем он, вслед за некоторыми западными учеными, считает, что майкопская культура связана с индоевропейцами. Поэтому сходство погребального инвентаря майкопской культуры и культуры Аладжи для Дж. Маккуина — свидетельство миграции индоевропейцев в Анатолию. В основе этих заключений о майкопской культуре лежит очень сомнительный тезис о том, что «курганная культура» была характерна только для индоевропейских племен. Этот тезис и утверждения Дж. Маккуина относительно «этнической принадлежности» вождей из погребений Аладжи более чем сомнительны. Майкопская культура действительно обнаруживает связи с Анатолией и другими областями Ближнего Востока; видимо, отсюда она и распространилась на Северо-Западный Кавказ.

Совершенно неубедительной является и повторяемая Маккуином гипотеза, что этнос, с которым связываются погребения в Аладже, и вожди этого народа «последовали за хеттами из Юго-Восточной Европы в Анатолию, а не предшествовали им, т. е. появились в Центральной Анатолии позднее». Это противоречит всему тому, что получено в результате изучения письменных текстов — как «каппадокийских табличек», так и собственно хеттских.

Согласно Дж. Маккуину, из «каппадокийских табличек» якобы следует, что «страна Хатти» с ее хаттским языком располагалась не в районе Хаттусы, а дальше на востоке, вблизи Дивриги. Но в таком случае как объяснить то обстоятельство, что столица хеттского царства называлась Хаттусой (хат. *Hattuš*, хет. *Hattuša-*), что хетты продолжали называть свое государство «страной Хатти», язык автохтонов — хаттским (*hattili* «по-хаттски»), а свой язык — неситским (*nešili* «по-неситски»).

В царских архивах Хаттусы найдено более сотни текстов, записанных клинописью на хаттском языке. Большинство из них одноязычные, но ряд текстов составлен на двух языках — хаттском с параллельным переводом на хеттский. Эти билингвы являются основным источником для изучения хаттского. К сожалению, билингв очень мало, и к тому же некоторые большие двуязычные тексты, найденные несколько десятков лет назад, до сих пор не опубликованы и недоступны специалистам. Но, даже имея в своем распоряжении билингву, специалист неизбежно сталкивается со сложной проблемой, так как хаттский и хеттский относятся к разным типам языков. Характер решаемой исследователем задачи интерпрета-

ции хаттского при наличии хеттского перевода очень близок задаче, возникающей при сопоставлении, например, одной, довольно простой глагольной формы абхазского языка (очень сходного, в частности, по структуре с хаттским) *сиумырбан*=русс. «не показывай меня ему» (русский язык, как и хеттский, относится к индоевропейской семье языков). Совершенно очевидно, что непросто показать, что чему здесь соответствует, если, по существу, эта глагольная форма абхазского языка разлагается следующим образом: *с-и-у-мы-р-ба-н* — «меня-ему-ты-не-давай-видеть» и *-н* — показатель времени.

Подавляющая часть текстов на хаттском представляет собой описания мифов, ритуалов, гимнов и т. п. Они составлялись в древнехеттский период и впоследствии неоднократно переписывались хеттскими писцами, по-видимому плохо знавшими хаттский. Уже в древнехеттский период, как считают некоторые исследователи, хаттский язык вышел из употребления в Центральной Анатолии и хатты говорили по-хеттски.

Анализ текстов царских архивов из Хаттусы, составленных на хаттском и анатолийских языках, позволил исследователям установить, что хатты оказали сильное влияние на хеттов и палайцев. Это влияние отчетливо прослеживается уже в «Тексте Анитты». В этом документе наряду с хеттским богом *Šiušummi* (по происхождению богом дневного света) упоминается обожествленный трон *Ḫalmašuitta* (от хат. *ḫanwašuit*). Это обстоятельство справедливо рассматривается исследователями как свидетельство существования задолго до образования Древнехеттского царства хаттско-хеттского и хаттско-палайского двуязычия. Иначе говоря, хетты и палайцы распространились в областях, которые до них населяли хатты (хетты — в Центральной Анатолии, а палайцы — северо-восточнее ее).

О влиянии хаттов на палайцев свидетельствуют, в частности, имена палайских богов. Как показала А. Камменхубер, из десяти богов палайского пантеона шесть заимствованы у хаттов. Еще одно палайское (индоевропейское) божество, по происхождению бог дневного света — Tiyaṭ-, имеет прозвище, взятое из хаттского,— Paš̌ḫulašaš. Но это дает лишь слабое представление о влиянии хаттов на палайцев, обусловленное малочисленностью палайских текстов.

В другой традиции, в которой мы имеем в своем распоряжении несравненно больше материала, а именно

в хеттской, наши представления о влиянии хаттского этноса существенно шире. Это влияние обнаруживается в трех сферах хеттской традиции: в религии (мифологии), культуре и социальной организации[7]. Хаттский религиозный элемент в хеттской традиции — это культы многочисленных божеств, посвященные им празднества и мифы, которые рассказывались во время их; это многочисленные имена богов и титулы служителей их культов. Из области культуры хаттов были заимствованы названия железа (возможно, и некоторых других металлов), музыкальных инструментов, изделий хаттской кухни (напитков, хлеба и т. п.), некоторых ценных пород деревьев, диких животных.

Некоторые заимствования из хаттского сохранились до настоящего времени, спустя несколько тысячелетий. Это прежде всего относится к названию железа, изобретателями способа выплавки которого были хатты[8]. Задолго до того, как началось широкое использование этого металла в различных частях света (IX в. до н. э.), у хаттов уже было налажено производство изделий из него. В частности, в «Тексте Анитты» (XIX в. до н. э.) говорится о железном троне и скипетре, которые в подтверждение своего «вассалитета» принес Анитте правитель Пурусханды, хаттского или хурритского города. Железо упомянуто и в документах ассирийских купцов. Именно с целью получения этого металла ассирийские купцы вели торговлю и создавали свои фактории в Анатолии. Существует предположение, что хатты делали свои изделия из метеоритного железа. Действительно, метеоритное железо было им хорошо знакомо, но исключительно важно именно то, что ими было освоено производство железа сыродутным способом. Металлургия железа и название этого металла (хат. *hap/walki-*) распространились из области культуры хаттов в Передней Азии, а затем и в Евразии в целом; в конечном счете к нему восходит и рус. *железо*. «Греки до времен Эсхила сохраняли память о „халибах“ (χάλυβες) — хатти, пер-

[7] См., в частности: А. Камменхубер. Хаттский язык.— Древние языки Малой Азии. М., 1980, с. 27—33.

[8] О ранней истории этого металла и заимствовании его из хатти в другие языки см.: В. В. Иванов. Проблемы истории металлов на древнем Востоке в свете данных лингвистики.— «Историко-филологический журнал АН АрмССР». 1976, № 4(75), с. 76—84; он же. Славянские названия металлов и проблема восстановления ранних этапов металлургии у славян.— «Советское славяноведение». 1979, № 5, с. 82—95.

вых изобретателях железа и стали, живших на черноморском берегу Малой Азии»,— отмечает В. В. Иванов.

Другим заимствованием из хаттского является название леопарда. Как показал В. В. Иванов[9], к хат. *ḫapraššˉ* восходит как хеттское название священного животного parš-apa — «леопард», так и название животного (со значениями «барс», «пантера», «тигр») в целом ряде языков Евразии. Прослежена также связь, с одной стороны, между почитанием леопарда в культуре хаттов, которое «непосредственно продолжает значительно более древнюю туземную малоазиатскую традицию, засвидетельствованную еще в VII—V тысячелетиях до н. э. в Чатал-Гююке, где культ этого животного — чаще всего двух леопардов — отмечается в качестве одной из наиболее характерных черт», и, с другой—ритуальной значимостью этого животного в хеттской традиции, о чем говорят «Текст Анитты» и другие документы[10].

Существует и другая линия преемственности между хаттской и хеттской культурами — почитание льва. Лев наряду с другими «животными богов» часто упоминается в хеттских текстах. Под влиянием хатти хетты почитали его как божество, ему был посвящен специальный «львиный храм». Но особенно важно отметить, что под влиянием хаттов лев стал у хеттов одним из важнейших символов царской власти. Это обнаруживается в таких древнехеттских документах, как «Анналы» и «Законодательство» Хаттусили I. В «Анналах», описывая свою победу над страной Хассува, царь сравнивает себя со львом: «И страну Хассува, подобно льву, ногами [своими] я растоптал». В «Законодательстве» Хаттусили I, требуя у «собрания» признать наследником престола Мурсили, резюмирует: «[Только] льва божество может поставить на львиное место». Здесь перед нами не просто метафора. В обозначении наследника престола как льва явственно ощущается влияние хаттского обозначения царя как *takkiḫal tabarna* — «правитель — отпрыск льва»; *takkiḫa-l* — от хат. *takkiḫa-* — «лев». В то же время под «львиным местом» подразумевается царский трон, возможно, наподобие того, на котором восседает богиня на статуэтках из Хаджилара и Чатал-Хююка. Божество сидит на двух леопардах или на троне, с двух

[9] В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания. 3—8. «Этимология. 1976». М., 1978, с. 153—158.

[10] Там же, с. 154—155 и сл.

сторон которого стоят леопарды (или богиня держит на коленях двух леопардов).

Сопоставление «львиного места» с троном богини из Хаджилара и Чатал-Хююка может быть обосновано и хаттско-хеттскими билингвами. В одном разделе билингвы KUB II, 2, содержащей исключительно ценные сведения о культе священного царя у хаттов, говорится, что на ритуальный трон божество кладет (предназначенные для царя) одеяния, обувь и покрывало. Здесь «покрывало», вероятно, представляет собой шкуру, так как в аналогичных строках другой билингвы (1700/u) речь идет о возложении на сиденье (царя) шкуры льва и шкуры леопарда.

Образ ритуального трона хаттов, покрытого шкурой льва и леопарда, несомненно, имеет общие черты и с упомянутыми выше статуэтками из Хаджилара и Чатал-Хююка, «львиным местом» «Законодательства» Хаттусили I и представленными, например, в африканских культурах обрядами коронации, во время которых вождь, правитель становился или усаживался на шкуру леопарда.

В хеттской социальной организации исследователями выявлен целый ряд других элементов, унаследованных от хаттов. Это титулы хеттского царя, царицы, царевича и целого ряда придворных. Из хаттского заимствовано название дворца и некоторых строений при нем. Здесь речь идет не просто о заимствовании обозначений, а о влиянии хаттской социальной организации на хеттскую. Как считают некоторые исследователи, влияние хаттской социальной организации обнаруживается и в специфической иерахии царя и царицы в этом царстве. В иерархии царя и царицы в хеттском царстве, по-видимому, можно видеть продолжение хаттской традиции дуальной формы власти (с двумя царями — мужчиной-царем — хат. *katte* и женщиной-царицей — хат. *kattaḫ*), следы которой обнаруживаются и в городах-государствах периода ассирийских торговых факторий в Малой Азии.

Наследие хаттов продолжает ощущаться даже в поздний период истории хеттского царства. В частности, привлекает к себе внимание «царский» ритуал этого периода, связанный с «заменой» царя. У хаттов и хеттов царь рассматривался как символ плодородия коллектива и через определенное время его «заменяли». В отличие от сходных обрядов, практиковавшихся у многих народов мира, во время которых стареющего вождя (царя) уби-

вали, в поздних хеттских ритуалах, заимствованных из месопотамской традиции, царя подменял военнопленный или с этой целью использовали статую. Военнопленного облачали в царский наряд и по завершении обряда изгоняли из города. На смену изгнанному «старому царю» вступал на престол «новый царь» (т. е. прежний правитель). Согласно описанию одного такого ритуала, статую облачают в царские одежды, возлагают на голову диадему, вставляют в уши серьги, а ноги обувают в *хаттскую обувь*. Использование хаттской обуви в этом ритуале — архаизм, восходящий к древним хаттским обрядам «замены» царя.

Говоря о хаттах, Дж. Маккуин отмечает лишь то, что хаттский язык в структурном отношении сильно отличается от индоевропейских. Действительно, до сравнительно недавнего времени мало что было известно о генетической принадлежности хуррито-урартских и хаттского языков. В разное время высказывались гипотезы о родстве их с некоторыми кавказскими. В 1954 г. лингвистами — польским исследователем Я. Брауном и кавказоведом Г. А. Климовым — была выдвинута гипотеза о родстве хуррито-урартских языков с восточнокавказскими (куда относятся дагестанские и нахские: чечено-ингушские языки). Разрабатывая эту гипотезу, И. М. Дьяконов[11] отметил целый ряд фонологических, лексических и морфологических сходств между хуррито-урартскими и восточнокавказскими языками, показав тем самым вероятность их родства.

В 20-х годах швейцарским востоковедом Э. Форрером была высказана гипотеза о родстве хаттского с западнокавказскими языками (иначе — абхазо-адыгскими, сюда относятся абазинский, абхазский, адыгейский, кабардино-черкесский и убыхский языки). Эта гипотеза положительно оценивалась некоторыми востоковедами и кавказоведами, так как исследования хаттского, проведенные уже после Э. Форрера, показали типологическое сходство принципов структуры этого языка и абхазо-адыгских. Однако типологическое сходство, каким бы близким оно ни было, не доказывает родства. В самые последние годы В. В. Иванов на основе детального анализа хаттских текстов провел систематическое сравнение хаттского и абхазо-адыгских языков. В результате выявлены важные

[11] I. M. Diakonoff. Hurrisch und Urartäisch. München. 1972, с. 161—171; он же. Хуррито-урартский и восточнокавказские языки.— Древний Восток. Вып. 3. Ер., 1978, с. 25—38.

данные, свидетельствующие в пользу теории об отнесении хаттского языка к северо-западно-кавказским[12].

Существенным препятствием в решении проблемы внешних связей восточнокавказских и западнокавказских языков является недостаточная исследованность самих этих языков и их связей друг с другом. Согласно точке зрения, разделяемой рядом советских лингвистов-кавказоведов, восточнокавказские и западнокавказские языки родственны южнокавказским [т. е. картвельским — грузинскому, мегрельскому, чанскому (или лазскому) и сванскому] и образуют так называемую «иберийско-кавказскую» семью языков. Однако западные кавказоведы считают, что родство «иберийско-кавказских» языков не доказано. Аналогичный вывод высказывают и известные советские специалисты-лингвисты Г. А. Климов и Т. В. Гамкрелидзе. «В случае, если генетическое родство кавказских языков не удастся доказать, придется ограничиться констатацией факта, что они представляют языковой союз»[13],— пишет Г. А. Климов. Он же отмечает, что «на вопрос о возможности использования абхазско-адыгских и нахско-дагестанских материалов при реконструкции картвельских прототипов необходимо ответить отрицательно, поскольку генетическое единство всех этих языков остается необоснованным»[14]. Согласно Т. В. Гамкрелидзе, «гипотеза родства между картвельскими и северокавказскими языками в настоящее время не является доказанной и научно обоснованной, поскольку методом сравнительного анализа не удается установить между этими языками системы регулярных фонемных соответствий, являющихся единственным рациональным критерием для допущения изначального родства языков, их происхождения из общего языкового источника»[15]. По его мнению, одним из факторов, препятствовавших «развитию сравнительных штудий картвельских языков и установлению полной системы соответст-

---

[12] Ср. некоторые результаты работы: В. В. Иванов. Структура хаттских и хеттских ритуальных текстов и система хаттских притяжательных префиксов.— Структура текста-81. Тезисы симпозиума. М., 1981, с. 6—8; он же. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, с. 226—227.

[13] Г. А. Климов. Кавказские языки. М., 1965, с. 77.

[14] Г. А. Климов. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., 1971, с. 26.

[15] Т. В. Гамкрелидзе. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки. I.— «Вопросы языкознания». 1971, № 2, с. 28.

вий между ними, была теория генетического родства картвельских языков с северокавказскими»[16].

В последние годы советскими лингвистами С. Л. Николаевым и С. А. Старостиным получены интересные результаты в изучении кавказских языков. Завершена работа над этимологическим словарем «северокавказской» семьи языков, включающей западнокавказские и восточнокавказские языки (о родстве этих языков высказывался еще в 30-х годах известный лингвист Н. С. Трубецкой). В словаре приводится около 700 лексем, обнаруживающих вполне регулярные фонетические соответствия.

Сходные итоги в реконструкции «северокавказской» семьи языков получены и лингвистом-кавказоведом А. И. Абдоковым[17]. Сам факт того, что разные исследователи, работая независимо друг от друга, получили сходные результаты, вряд ли может быть случайным. Скорее всего в этом можно видеть, хотя и косвенное, подтверждение правильности направления научного поиска.

Эти новые результаты в изучении «северокавказских» языков, в сближении их с хуррито-урартским и хаттским представляют интерес для этнокультурной истории «северокавказцев», для истории языков и культуры Анатолии и для более широких языковых и культурных сопоставлений. Они могут оказаться существенными для выяснения этногенеза и путей миграций народов, говоривших на языках, распространенных в ближневосточном ареале.

Лексика «северокавказского» языка, существование которого, по глоттохронологическим подсчетам, относится приблизительно ко второй половине V тысячелетия — началу IV тысячелетия до н. э., показывает довольно высокий уровень культуры его носителей. В «прасеверокавказском» представлено большое число терминов, связанных со скотоводством, земледелием, названий металлов и производственных процессов. Упомянем некоторые

---

[16] Там же, с. 26. Следует отметить, что, согласно теории, выдвинутой В. М. Иллич-Свитычем, картвельские языки входят в «ностратическую» семью языков (вместе с индоевропейскими, семитохамитскими, уральскими, алтайскими и дравидийскими): В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. Т. 1. М., 1971; Т. 2. М., 1976.

[17] А. И. Абдоков. Введение в сравнительно-историческую морфологию абхазско-адыгских языков. Нальчик, 1981.

термины из 72 лексем этой части словарного фонда (по С. А. Старостину) [18]:

ПСК *$r\bar{V}xwA$ — «скот», *$j\bar{o}mc\bar{o}$ — «бык», *$\bar{c}\ddot{u}rnV$ — «корова», *$r\partial\bar{X}u$ — «овца», *$fa\underset{.}{r}n\bar{e}$ — «лошадь», «кобыла», *$HVqIwa$ — «свинья», *$(\bar{X}I)weje$ — «собака», *$k'w\bar{a}\bar{t}V$ — «курица», *$bin\check{c}i$ — «просо (на корню)», *$qqIwa\check{\bar{c}}V$ — «пшеница», *$\check{c}\check{t}nVk'wV$ — «коса», *$\hat{H}Vr\partial\bar{c}\check{\bar{c}}V$ — «соха»; *$t'i\text{-}\check{s}(w)V$ — «свинец», *$rVw\bar{s}wi$ — «золото», *$ri\check{k}(w)E$ «медь», * — $ak'V$ — «ковать», *$kw\partial rt'\bar{a}$ — «молоток», «топор», $w\bar{\partial}\text{-}nsE$ — «серп», «нож», *$\hat{s}\ddot{u}nq'q'i$ — «камедь», «тушь», *-$VrV\acute{c}E$ — «прясть»; «делать основу для тканья», *-$im\bar{X}wVr$ — «вязать», *-$VqAr$ — «ткать», *$\bar{k}orV$ — «вид деревянного сосуда», *$c'c'irq\bar{a}$ — «тканое или плетеное изделие», *$k'\check{o}w\check{c}V$ — «вид одежды», *$q'q'IapE$/*$paq'q'IE$ «шапка».

На основе предположения, что скотоводческо-земледельческий комплекс представлен на Северном Кавказе не ранее III тысячелетия до н. э., и ряда других аргументов (ср. о них ниже) выдвигается гипотеза о более южной, возможно анатолийской, «прародине» «северокавказцев». Эта гипотеза обосновывается, в частности, и контактами «прасеверокавказских» языков с праиндоевропейскими. С. Л. Николаевым и С. А. Старостиным отмечен целый ряд (около 140) словарных сближений. Приведем некоторые схождения, в частности из таких областей лексики, как обозначения растительного и животного мира, элементов материальной культуры.

ПИЕ *$perk^{u}(o)$ - ПСК *$p\ddot{u}nqq^{h}w\Lambda$ — «дуб»; ПИЕ *kek- ПСК *$c\Lambda r\bar{k}'w\Lambda$ — «ласка», «куница»; ПИЕ *$a(i)\widehat{g}$ - ПСК *$H\bar{e}w\check{z}\ddot{u}$ — «коза»; ПИЕ *$ko\widehat{g}o$ - ПСК *$k\partial c'c'V$ — «коза», «козленок»; ПИЕ *$ek_{\mu}o$ - ПСК *$h\partial(n)\check{c}wE$ — «лошадь»; ПИЕ *$porko$ - ПСК *$w\bar{a}Ir\check{k}'\check{k}'\partial$ — «свинья», «поросенок»;

[18] Здесь и далее использованы следующие сокращения: ПИЕ — праиндоевропейский, ПСК — прасеверокавказский, ПВК — правосточнокавказский, ПН — пранахский, ПАА — праабхазоадыгский, ПАК — праадыгейско-кабардинский, ПАТ — праабхазотапаиский (абазинский). Условным знаком * помечаются слова, реконструированные на основе данных современных кавказских языков.

ПИЕ *baitā-* ПСК **pwatV* — «вид одежды»; ПИЕ **Hцerk-* ПСК **həlkwV* — «колесо», «повозка»; ПИЕ **arəg-* ПСК **'lerVcwE* — «серебро».

Материалы словаря «северокавказских» языков позволили уточнить предполагавшиеся ранее сближения между хуррито-урартским и восточнокавказскими, хаттским и западнокавказскими и привлечь дополнительный материал. Так, И. М. Дьяконов и С. А. Старостин подготовили совместную работу, в которой содержится около 250 лексических сближений восточнокавказских и хуррито-урартских, обнаруживающих закономерные звукосоответствия. Это очень большой процент лексики, если учесть, что до настоящего времени точно установлено значение около 500 единиц хуррито-урартского словаря. Показано тождество целого ряда явлений морфологии сравниваемых языков. Авторы пришли к выводу, что хуррито-урартский является одним из восточнокавказских языков. Упомянем лишь некоторые словарные сопоставления:

хурр. *šī-n* — «два» (числит.), ур. *ši-šə*, ПН **ši*;
хурр. *egi, igi* — «сердце», ПВК **jĕrk'wi;*
ур. *quri* — «нога», хурр. *ukri*, ПВК **k'wirʌ* — «нога животного»;

хурр. *šeni/a* — «брат», ПВК **c̆ămʌ* — «какой-то родственник»;

ур. *aršə* — «отроки», ПВК **ʔə(r)šwʌ* — «сын», «дочь»;

ур. *ziliB* — «семя», «потомство», ПВК **k̆k̆'iwilʌ* — «семя», «род»;

хурр. *purli* — «дом», ПВК **bəl̆k̆k̆'wʌ*;
хурр. *uγi* — «свинья», ПН **ħaqa*;
хурр. *eššī* — «лошадь», ПВК **ħə(n)č̆wʌ*;
хурр. *hinz-uri* — «яблоко», ПВК **ʔämć̆o*;
хурр. *u/oš̄hu/o* — «серебро», ПВК **ʔI(ĕ)rcō*.

Среди словарных сближений хаттского и западнокавказских языков, предложенных В. В. Ивановым, отметим следующие:

хат. *we-* (пишется *u-e*)-«ты» (личное местоимение и притяжательный префикс имени и глагола) — ПАА**wa-*, то же (абх. *wa-*, адыг.-каб. *wa-*, убых. *wə-*);

хат. *anna* (=хет. *mān* —«когда», «если»)—ПАА**anʌ*— «когда» [абх. *-an-* — «когда», абаз. *-(a)n* (во время совер-

шения действия), убых. *ana-(n)* — «тогда», «в то время как»];

хат. *ḫu-* — «говорить» — ПАА*$\hat{q}$ *l'a*/$\hat{q}$ *l'wa* — «говорить» (абх.-абаз. *ḫwa-*, каб., адыг. *žə-ʔa-n*, шапсугск.-*ʔwa-*, убых. *q'a-*);

хат. *-(gga)-zzu-* — в хаттском титуле придворного (=хет. *akutara-* от *eku-*/*aku-* — «пить», «тот, кто дает пить») — ПАА*$z^{w}a$(/*$s^{w}a$) — «пить» (абх. *žʷə-*, абаз. *žwə-*, убых. *ʒwa-*, адыг. *śwa-*, каб. *fa-*);

хат. *ku-t(tu)* — «душа» — ПАА*$\acute{g}^{w}ə$ — «сердце» (абх.-абаз. *gwə*, адыг. g*wə*, убых. *ĝə*);

хат. *le-* — «мясо» (барана, овцы) — ПАА*$\check{\gamma}ə$ (абх.-абаз. *žə*, адыг, $\check{\gamma}ə$, убых. $\check{\gamma}a$);

хат. *wa-šḫap* — «боги» (*šḫap*/*w* «бог») — ПАК*^{w}a-$šχ^{w}a$ адыг. *wāšχwa*, каб. *wāśχwa* «небесный свод», «небесная синева»; к семантике этого слова ср. также, видимо заимствованные, убых. *wašχwa* «гром и молнии», «бог», абх. *wašχwa* (в клятвах);

хат. *wašti* — «лиса» — ПАА*$ba\check{ʒ}a$ > убых. *baǯa*, каб. *bāža*, адыг. *bāǯa* «лиса».

хат. *-šuwa* (в слове *ḫantip-šuwa* — «повар») — ПАА *$z^{w}a$ — «варить» (абх. *žʷə-*, абаз. *žwə*, адыг. *źwa*, каб. *va-*, убых. *zwa-*);

хат. *-ú-*/*-p-*[*f*] — «есть» — ПАА*$fə$-/*fa- — «есть» (абх. *fa-*, абаз. *fa-*, убых. *fə*, адыг. *š-xə-*, каб. *š-xə*);

хат. *ziḫar* — «дерево», «строительный лес» — ПАК *$\check{c}əγə$ — «дерево» > адыг. $\check{c}əγə$, каб. *žəγ*;

хат. *-zinar* — «арфа», «лира» (в названиях струнных музыкальных инструментов *ippi-zinar*, *ḫun-zinar*) — ПАК*$pč^{h}əna$ — «музыкальный инструмент» (адыг. *pšəna*, каб. *pšəna*; соответствие адыг.-каб. **p-*: хат. *Ø*, как и в ряде других случаев).

Эти сопоставления можно расширить и за счет некоторых других предлагаемых нами сближений[19]:

хат. *giššaḫi-š*, хет. *giššaḫi-* (из хаттского) — название ценной породы дерева и древесины — ПАА*$\check{š}\check{x}ə$ > убых. *šxə*, абх. *á-ʾxa* — «каштан»;

---

[19] Праабхазоадыгские реконструкции по С. А. Старостину.

хат. *tewa-(š)šine* — название древесины, используемой при строительстве царского дворца —ПАА**tx̌wə* — «бук»/ «чинара» (адыг. *tf-a-jə*, каб. *txwe-j*, абх. *á-śv* — «бук», абаз. *šw-č'wə* — «чинара»);

хат. *ḫamuruwa* (=хет. *gišÙR* — «балка»)— ПАТ**xwə (m)bələ* — «ма́тица» (центральная балка, перекладина, к которой крепится и надочажная цепь) (абх. *xwəblə*, абаз. *xwəmblə*; В. В. Иванов сопоставляет это хаттское слово с другим материалом).

Гипотеза об анатолийской «прародине» «северокавказских» языков аргументируется не только возможным родством с хурритo-урартским и хаттским, вероятными контактами с праиндоевропейскими, но и заимствованиями из «северокавказских» в хеттском и древнегреческом. Из 34 лексем, которые рассматриваются С. Л. Николаевым как заимствования из этих языков в хеттский, приведем следующие:

хет. *arḫa-/irḫa-* — «граница», «ряд» — ПВК**çērqqwē* — «граница», «невысокий горный хребет»;

хет. *ḫari-* — «долина» — ПВК**ʔIwλ̄rV* — «равнина», «поле»;

хет. *ḫulukanni-* — «легкая повозка» — ПСК**həlkwV* — «арба», «телега»;

хет. *kurša-* — «руно» — ПВК **q̄wilćV* — «овчина»;

хет. *kuwanna-* — «медь», «медная лазурь» — ПВК **kwiwV* — «свинец»;

хет. *mazeri-*, *maze-* — «часть оракульной печени» — ПВК *wĕmc'V* — «печень», працезское **bɔc'*(*ə*) — «печень», «селезенка»;

хет. *talka-* — «жир» — ПСК **răk̆wV* — «молоко», «масло», «жир»;

хет. *welku-* — «трава» —ПВК**ʔweǩ'V* —«трава», «сено»;

хет. *tapišana-* — «вид сосуда»—ПСК**t'ā̆pV*—працезское>гунзибское *t'ipi* — «маленькая бочка», пралезгинское *t'ap'V* — «колода», «улей», «ловушка».

Анализируя заимствования в хеттский, С. Л. Николаев приходит к выводу, что, во всяком случае, большинство лексики почерпнуто из одного «северокавказского» языка.

Насколько важен и оправдан этот вывод, показывают, в частности, два следующих факта. Так, хет. *mazeri-*, *maze-* автор сопоставляет с названием «печень» в ПВК. Позднее С. А. Старостин сравнил с э́тим названием «печень» в ПВК хурр. *nibaẓori* «печень». Тем

самым было подтверждено хурритское происхождение хетт. *mazeri-*, *maze-* (хотя в этой форме оно в хурритском пока не обнаружено). Хеттское название повозки *hulukanni-* в форме *hulukannum/hilukannum* впервые упоминается в документах ассирийских торговых колоний. Такие особенности названия ее, как чередования *i/u*, встречающиеся «в хеттских словах, заимствованных из неиндоевропейских языков Передней Азии», элемент *-nnu-* (*-nni* в хеттской форме), напоминающий «аналогичный хурритский суффигированный артикль *-nni*», дали основание В. В. Иванову еще 20 лет назад рассматривать его как заимствование из языка, «повлиявшего на аккадский язык староассирийских колоний, и на хеттский»[20]. Сопоставление хет. *hulukanni-* с прасеверокавказским названием арбы, телеги подтверждает этот вывод В. В. Иванова и позволяет считать *hulukanni-* заимствованием из хурритского диалекта. Тем самым можно более определенно говорить о том, какой именно язык оказывал влияние на аккадский язык староассирийских факторий и на хеттский.

В качестве заимствований из «северокавказских» в греческий С. Л. Николаевым отмечается 43 лексемы, которые обычно рассматриваются исследователями как заимствования из неизвестного языка или не имеют надежных индоевропейских этимологий. Среди них отметим следующие:

греч. ἄχερδος, ἀχρᾰ́ς — «дикая груша» — ПСК **qlərV* — «груша»; в греческом слове имеется суффикс -δ-, частый в названиях деревьев в «северокавказских» языках;

греч. δέπας — «кубок», «чаша» (от того же «северокавказского» слова, что и хет. *tapišana-*);

греч. ζέφῡρος — «(прохладный) северо-западный ветер» — ПСК **ccɔwəlt̄V* — «холодное время года (зима, осень)», праиндийское **c̄ibir(V)* — «зима» и др.; ср. также ПИЕ **k̄ewero-* — «зима», «север»;

греч. κόκκος — «косточка плода, семечко» — ПСК **k'ənk'V* — «косточка плода», «орех»;

греч. κυπάρισσος — «кипарис» (ср. лат. *cupressus*) — ПВК **GIap̄rišV* — «колючий кустарник»;

греч. σταφῡλή — «виноградная гроздь» — ПВК **(c'c')VmbəlV* — «виноград»;

греч. σέλας — «свет, сияние» (отсюда σελήνη<*σελασνᾱ̄) —

[20] В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, с. 15.

ПВК *s̄V̆lHV — «свет», «рассвет»;

греч. τρᾶγος — «козел» — ПВК *t'V(r)gV — «козел»;

греч. ψῡχή — «душа», «дыхание» — ПСК *s̄əʔwV — «душа», «дыхание», ПАА *pəsa — «душа», «дыхание»; сочетание ψ—(πσ—) в греческом анлауте соответствует праабхазоадыгскому[21];

греч. ἄτρακτος — «веретено» — ПСК *tirungV — «веретено»;

греч. βυρσᾶ — «(содранная) шкура», как и хет. *kurša*, видимо, восходит к рефлексу ПВК — *q̄wilćV — «овчина».

На основании отражения в греческом фонетических черт источника заимствований С. Л. Николаев допускает, что таких языков было несколько. Таким образом, новое в изучении «северокавказских», хуррито-урартского и хаттского может представить интерес, в частности, для исследования субстратных языков Анатолии и некоторых смежных с ней областей.

Историю хеттского царства Дж. Маккуин начинает с Хаттусили I, считая, что именно он был первым царем Древнего царства, известным и под именем Лабарна. Однако эта точка зрения не доказана. Большинство хеттологов продолжают считать создателем этого государства Лабарну (а Хаттусили I — это Лабарна II).

Имя основателя царства Лабарны совпадает с титулом хеттских царей «лабарна» «табарна», заимствованным из хаттского языка. Возможны следующие объяснения тождества имени царя и титула: имя древнего царя впоследствии превратилось в титул (подобно рус. «царь», нем. «кайзер» от «Цезарь»), или, наоборот, титул царя стал восприниматься как имя (наподобие прозвища Гая Цезаря — Август, которое закрепилось за этим правителем как имя собственное). Последнее объяснение более вероятно.

В период Древнего царства у хеттов важную роль играл социальный институт панкус—«собрание» (Дж. Маккуин высказывает иную точку зрения). Согласно

[21] Сходство этого корня (абх. *psə*) с греческим ψυχή было подмечено Марром (Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М., 1938. с. 311). О близости употребления абхазо-адыгского * *pəsa* с семантически сходными группами индоевропейских слов и о заимствовании греч. ψυχή из языка, родственного «северокавказским», см.: Иванов В. В. Структура гомеровских текстов, описывающих психические состояния.— Структура текста. М., 1980, с. 101 и сл. (и примеч. 67).

В. В. Иванову [22], первоначально термином «панкус» обозначалось собрание членов определенной группы (вначале рода, а затем и больших общественных единиц), имевшее юридические и религиозные функции. В период Древнего царства в «собрание» входили высшие сановники (родственники и свойственники царя) и воины (часть свободного населения страны Хатти). Панкус имел широкие полномочия: утверждал наследника на престол, назначал наказания за различные провинности, преступные речи и прегрешения перед божеством. «Собрание» имело право судить высших должностных лиц — представителей царского рода, а также самого царя в случае покушения его на жизнь ближайших родственников.

Наибольшим наказанием для родственников царя была «почетная» ссылка, в которой они пользовались всеми благами, им выделялись дворцы, земли, скот. При хеттском царе Телепину был введен новый закон: царь отвечал головой за убийство брата или сестры.

О функционировании панкуса свидетельствует «Законодательство» Хаттусили I. Впоследствии, в период многочисленных дворцовых переворотов, его не собирали. Панкус был вновь возрожден при Телепину, что доказывает «Указ» этого царя. Этим актом Телепину стремился положить конец убийствам среди членов царского рода. Собирался ли панкус в среднехеттский период, мы не знаем. В период Нового царства термин «панкус» встречается лишь в религиозных текстах, обозначая участников обряда. Это объясняется тем, что в результате социально-экономического развития хеттского государства характер власти царя изменился.

В обществе такого типа, как хеттское, культура имела утилитарный, прикладной характер. Цель изобразительного искусства и литературы — восславить богов и тем самым добиться их расположения. От этого зависел успех в любом предприятии и царя, и простого смертного.

Поскольку почти вся культура имела религиозный характер, нет оснований считать (как предполагает Дж. Маккуин), что на некоторых рельефах представлены «светские» сцены. Так, на городской стене Аладжи-

[22] В. В. Иванов. Происхождение и история хеттского термина *panku-* — «собрание».— «Вестник древней истории». 1957, № 4, 1958, № 1; ср. также *о panku-*: Г. И. Довгяло. К истории возникновения государства. Минск, 1968, с. 12—68.

Хююка скорее всего изображены не «акробаты» и «жонглеры», а участники ритуала. Один из них *лезет по лестнице*. По представлениям хеттов, *лестница* или дерево — это «дорога», по которой переходят из одного мира в другой боги и некоторые жрецы — посредники между богами и людьми. Видимо, на рельефе из Аладжи представлено восхождение жреца по такой лестнице.

Хеттские представления о лестнице, дереве обнаруживают несомненное сходство с воззрениями, присущими шаманским культурам. В этих последних вся жизнь шамана, избранника богов, связывается с деревом. При посвящении человека в шаманы для него устанавливалось дерево или его аналог — шест со ступеньками наподобие лестницы, а у других народов посвящаемый должен был вскарабкаться по этой лестнице. Дерево (шест) устанавливалось и перед домом шамана. Во время каждого камлания сам шаман или его молитва «восходили» по дереву-«дороге» в «иные миры».

У некоторых народов избранниками богов считались не только шаманы, но и судьи обычного права. Перед домом судьи также ставили шесты со ступеньками или деревья с религиозными изображениями [23].

У хеттов, как и в шаманских культурах, существовал обычай высаживать священное дерево *eya* у ворот дома жреца; он освобождался от несения государственных повинностей. Представления о дереве как символе судьи, по-видимому, может объяснить и высокий титул «глава лестницы», известный из «каппадокийских табличек». Титул «глава лестницы» в городах-государствах Анатолии начала II тысячелетия до н. э. был ниже лишь статуса верховного правителя страны. Известно, в частности, что знаменитый Анитта до того, как он стал царем, в период правления своего отца Питханы, был «главой лестницы». «Глава лестницы» был помощником «верховного судьи» — царя; на него, видимо, возлагались функции в основном повседневного ведения судебных дел, в том числе и функции контроля исполнения решений царского суда [24].

В книге Дж. Маккуина не упомянуты некоторые важные произведения хеттской литературы и не дана оценка значения хеттской культуры для истории культуры Ближ-

---

[23] Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 69.

[24] Г. Г. Гиоргадзе. Rabi simmiltim «каппадокийских табличек». — «Вестник древней истории». 1966, № 4, с. 91.

него Востока. Поэтому мы попытаемся, насколько это возможно, восполнить этот пробел.

Дошедшие до нас клинописные тексты сами хетты считали «литературой». Однако подавляющее большинство этой «литературы» составляют описания праздников и ритуалов, молитвы, гадания, оракулы, правовые и исторические документы и т. п. С точки зрения современных критериев лишь некоторых из них имеют литературное значение. К ним относятся мифы из традиции Древнего царства, переложенные хеттами с хаттского: «О борьбе бога грозы со змеем», «О луне, упавшей с неба», «Об исчезнувшем божестве» (боге растительности Телепину, боге грозы, боге солнца). К оригинальному жанру литературы относятся анналы: древнехеттские — Хаттусили I, среднехеттские — Тудхалии и новохеттские — Мурсили II. Среди произведений ранней хеттской литературы привлекает внимание сравнительно недавно обнаруженная «Повесть о царице города Канеса».

В «Повести о царице города Канеса» говорится о чудесном рождении у царицы сразу 30 сыновей. Близнецов поместили в горшки и бросили в реку. Но боги спасли их. Через некоторое время царица родила 30 дочерей. Повзрослев, сыновья отправились на поиски матери и пришли в Канес. Но поскольку боги подменили человеческую суть сыновей, они не узнали своей матери и взяли в жены своих сестер. Самый младший узнал сестер и пытался воспротивиться браку, но это ему не удалось.

Сказание о царице города Канеса имеет «обрядовый фольклорный источник». Это обнаруживается в «композиционном диалогическом построении его с чередованием вопросов и ответов». Отмечается также совпадение основного сюжета хеттского сказания «с древнеирландским рассказом о трех братьях-близнецах Финдеамне, которых их сестра уговорила вступить с ней в брачную связь, и с индоиранским мифом о близнецах (ведийском Яме и его сестре), вступивших в кровосмесительный брак». Предполагается, что эти совпадения свидетельствуют об общеиндоевропейских истоках повести о царице Канеса[25].

Среди оригинальных жанров хеттской литературы периода Среднего (1500—1400 гг. до н. э.) и Нового (1400—1200 гг. до н. э.) царств следует отметить молитвы, в которых исследователями обнаруживаются совпа-

[25] В. В. Иванов. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., с. 254—255.

дения с идеями ветхозаветной и новозаветной литератур, а также «Автобиографию» Хаттусили III—одну из первых автобиографий в мировой литературе.

В период Среднего и Нового царств на хеттскую культуру сильное влияние оказала культура хурритолувийского населения юга и юго-запада Анатолии. Но это культурное влияние — лишь одна из сторон воздействия. Подобно тому как в период Древнего царства хеттские цари носили в основном хаттские имена: Хаттусили, Мурсили, Телепину и т. п., в этот период цари, происходящие из хурритской династии, имели по два имени: одно, хурритское, они получали при рождении и другое, хеттское (хаттское),— по восшествии на престол. Хурритское влияние обнаруживается и в рельефах святилища Язылыкая. Через хурритов или непосредственно из культуры этого народа хетты переняли и переложили на свой язык целый ряд литературных произведений: шумерский эпос о Гильгамеше, имеющий в целом месопотамский первоисточник — среднехеттский гимн Солнцу, хурритские эпосы (о царстве на небесах, «Песнь об Улликумми»), рассказы (об охотнике Кесси, о герое Гурпаранцаху — хурритское название р. Тигр), сказки (об Аппу и двух его сыновьях и другие).

Именно хеттским переложениям мы обязаны, в частности, тем, что многие произведения хурритской литературы не канули в Лету. Необходимо, однако, отметить, что хеттские переводы, как это имеет место в отношении гимна Солнцу, «не определяются полностью древнемесопотамским первоисточником». «Другой существенной составной частью гимна были древнехеттские формулы, переводившие соответствующие хаттские («протохеттские») [26].

Одно из важнейших значений хеттской культуры заключается в том, что она выполняла роль посредника между цивилизациями Ближнего Востока и Греции. Согласно одной из точек зрения [27], контакты осуществля-

---

[26] См.: В. В Иванов. К архаичным формулам в хеттских гимнах.— «Archiv Orientálni». 1978, vol. 46, № 1, с. 71.

[27] В. В. Иванов. Древнейшие культурные и языковые контакты Южнобалканского и Малоазийского ареалов.— «Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы» (Бухарест, 4—10 сентября 1974 г.). М., 1974, с. 1—29; он же. Древние культурные и языковые связи Южнобалканского, Эгейского и Малоазийского (Анатолийского) ареалов.— Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 1—39.

лись через западную часть Анатолии, где, возможно, с глубокой древности существовали ахейские (греческие) поселения. С последними связывается царство Аххиява, которое неоднократно упоминается в хеттских документах XIV—XII вв. до н. э. Важную роль в связях хеттского царства с ахейцами играло хуррито-лувийское население юго-запада Малой Азии.

Среди ряда аргументов, которые приводятся в обоснование контактов хеттов и ахейцев, отметим возможное участие хетта или лувийца Муртила в обучении ахейцев езде на колесницах, влияние на тип колесниц, известных по памятникам микенской эпохи и микенским табличкам, хеттских и хурритских (или митаннийских арийских) образцов колесниц [28].

Особого внимания заслуживает влияние хурритских мифологических поэм на греческие мифологию и эпос. Предполагается, что оно осуществлялось через хеттские переводы. Не исключается и прямое хурритское влияние, в частности «через хурритских рапсодов в Угарите (Рас-Шамра) и на хуррито-лувийском юге Анатолии (во второй половине II тысячелетия до н. э.)» [29]. Посредническая роль именно хеттской традиции в этом процессе обосновывается рядом заимствований из хеттского, представленных в языке раннего греческого эпоса. Это гомеровское название крови богом ἰχώρ из хет. *ešhar* — «кровь»; противопоставление «языка богов» (к которому относится и название «крови» ἰ ιχώρ) и «языка людей» в греческом эпосе при соответствующем различении в хеттских текстах, переложенных с хаттского. Представления об особом «языке богов» и «языке людей» известны не только в греческой, но и в других индоевропейских традициях (древнеисландской, древнеирландской). Поэтому, по мнению В. В. Иванова [30], по отношению к греческому это различение может быть объяснено не только воздействием хеттской традиции на греческую, но и продолжением в этой последней древних индоевропейских представлений.

Как возможные кальки хеттских образов (восходящих к соответствующим хаттским) или как непосредст-

---

[28] Ср. иную точку зрения: П. М. Кожин. Кносские колесницы.— Археология Старого и Нового Света. М., 1966, с. 79.

[29] В. В. Иванов. Структура гомеровских текстов..., с. 110.

[30] В. В. Иванов. К типологии и происхождению гомеровского языка богов.— «Balcano-Balto-Slavica». Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979, с. 10—11.

венные заимствования из хаттского в греческий (в результате контактов греков с хатти в Малой Азии) рассматриваются гомеровские персонифицированные образы Страха и Трепета, упомянутые в среднехеттском гимне Солнцу. Когда Солнце объезжало четыре стороны света, справа от него бежали Страхи, слева — Ужасы. Аналогию этому образу видят в тексте «Илиады», где Страх и Трепет запрягают колесницу бога Арея.

Сходства обнаруживаются между хеттскими текстами, переложениями соответствующих хаттских и хурритских и греческими мифами, зафиксированными в «Теогонии» Гесиода, греческого поэта VIII—VII вв. до н. э. Так, существенные аналогии прослежены между греческим мифом о борьбе Зевса со змееподобным Тифоном и хеттским мифом о сражении бога грозы со змеем. Имеются параллели между этим греческим мифом и хурритским эпосом о каменном чудовище Улликумми из «Песни об Улликумми». В этом последнем упоминается гора Хацци, куда переселяется бог грозы после первого сражения с Улликумми. Эта же гора Касион (по Аполлодору) — место сражения Зевса с Тифоном.

В «Теогонии» история происхождения богов описывается как насильственная смена нескольких поколений богов. Эта история, возможно, восходит к хурритскому циклу о царствовании на небесах, согласно которому первым в мире царствовал бог Алалу (связанный с нижним миром). Он был свергнут богом неба Ану. На смену ему пришел бог Кумарби, который, в свою очередь, был низвергнут с престола богом грозы Тешубом. Каждый из богов царствовал девять веков. Последовательная смена богов (Алалу — Ану — Кумарби — бог грозы Тешуб) представлена и в греческой мифологии ([Океан] — Уран — Крон — Зевс). Совпадает мотив не только смены поколений, но и функций богов (хурритский Ану от шумерского АН — «небо»; бог грозы Тешуб и греческий Зевс).

Среди отдельных совпадений греческой и хурритской мифологий отмечаются греческий Атлант, который поддерживает небо, и хурритский великан Упеллури из «Песни об Улликумми», поддерживающий небо и землю (аналогичный образ бога известен и в хаттской мифологии). На плече Упеллури росло каменное чудовище Улликумми. Бог Эа лишил его силы, с помощью резака отделив его от плеча Упеллури; согласно хурритской мифологии, этот резак был впервые использован при отделении неба от земли. Способ лишения силы Улли-

кумми имеет параллели в мифе об Антее. Антей — сын Посейдона, повелителя морей, и Геи, богини земли. Он был непобедим, пока стоял на матери-земле. Геракл сумел задушить его, только оторвав от земли.

Как и в «Песни об Улликумми», согласно греческой мифологии, специальное орудие (серп) используется для отделения от земли (Геи) неба (Урана) и оскопления последнего.

Традиции хеттской культуры после падения хеттского государства продолжались в культуре «позднехеттских» (преимущественно лувийских) царств. Наследие хеттской культуры ощущается и в культуре Лидийского царства. Так, согласно Геродоту, один из лидийских царей носил (традиционно хеттское) имя Мурсил (сын Мурса). Представляют интерес и другие сообщения этого древнегреческого историка: Крез, царь Лидии, преподнес общегреческому святилищу в Дельфах статую льва из чистого золота; древний царь Мелес обнес льва вокруг стены столицы государства Сард, дабы сделать этот город неприступным. Эти сведения (ср. также изображения льва на лидийских монетах и т. п.) позволяют предположить, что лидийцы, вслед за хеттами, почитали льва как священное животное, символ царской власти.

У лидийцев существовал обряд закалывания и последующего сожжения щенков. Этот обряд рассматривается как прямое продолжение хеттских ритуалов сожжения щенков, принесенных в жертву; эти ритуалы, в свою очередь, восходят к индоевропейскому культу собаки (волка). Следы этого культа обнаруживаются и в лидийском сказании о Кандавле — герое, удавившем пса, подобно ирландскому Кухулину. Лидийские сказания, особенно сюжет о Кандвале, были широко известны в античном мире благодаря сочинениям Геродота, Гипонакта, греческого поэта, уроженца Лидии, и др. Некоторые исследователи проводят прямые параллели между лидийскими сказаниями, сохраненными античными авторами, и хеттскими историческими текстами периода Древнего царства; лидийские предания интерпретируются ими как реминисценции событий хеттской истории.

Предполагают, что благодаря лидийской традиции наследие хеттского царства еще раз дошло до античной Греции, хотя на этот раз его влияние не было столь заметным.

В книге Дж. Маккуина (как, впрочем, и в некоторых других исследованиях западных ученых) абсолютно не

учтены работы советских востоковедов — специалистов по древней истории и культуре Анатолии и смежных с нею областей, что, несомненно, обеднило многие выводы автора. Кроме того, за годы, прошедшие со времени выхода в свет книги Дж. Маккуина, советскими учеными получен ряд новых результатов в изучении истории, языков и культуры древней Анатолии и Ближнего Востока, выдвинуты новые интересные гипотезы, которые мы и постарались вкратце представить читателям.

Мы также сочли целесообразным для удобства читателей привести перечень некоторых работ по хеттологии, изданных на русском языке.

История и культура Анатолии несравненно менее знакома читателям, чем история и культура других крупных центров цивилизации древнего Востока, таких, как Месопотамия, Египет и др. Можно надеяться, что книга Дж. Маккуина, несмотря на имеющиеся в ней недостатки и просчеты, привлечет внимание к проблемам истории и культуры хеттов и их современников в Малой Азии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ардзинба В. Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков.— Переднеазиатский сборник. Вып. III. М., 1979.

Ардзинба В. Г. *Ритуалы и мифы древней Анатолии*. М., 1982.

Баюн Л. С. Позднеанатолийские языки как источник по хеттолувийской дописьменной истории.— «Вестник древней истории». 1980, № 2.

Гамкрелидзе Т. В. Клинописная система аккадско-хеттской группы и вопрос о происхождении хеттской письменности.— «Вестник древней истории». 1956, № 1.

Гиоргадзе Г. Г. К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий.— Переднеазиатский сборник. Вып. I. М., 1961.

Гиоргадзе Г. Г. «Текст Аннитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов.— «Вестник древней истории». 1965, № 4.

Гиоргадзе Г. Г. Хетты и хурриты по древнехеттским источникам.—«Вестник древней истории». 1969, № 1.

Гиоргадзе Г. Г. Наследование царской власти в древнехеттском государстве (до Телепину).— «Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник, III)». Тб., 1970.

Гиоргадзе Г. Г. Очерки по социально-экономической истории хеттского государства. Тб., 1973.

Гиоргадзе Г. Г. Хеттское царство.— История древнего мира. Кн. I. Ранняя древность. Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1982.

Довгяло Г. И. К истории возникновения государства (На материале хеттских клинописных текстов). Минск, 1968.

Довгяло Г. И. Становление идеологии раннеклассового общества (На материале хеттских клинописных текстов). Минск, 1980.

Древние языки Малой Азии. Сборник статей. Под ред. И. М. Дьяконова и Вяч. Вс. Иванова. М., 1980.

Дунаевская И. М. О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа.— Исследования по истории культуры народов Востока. В честь акад. И. А. Орбели. М.— Л., 1960.

Дунаевская И. М. Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола.— Переднеазиатский сборник. Вып. I. М., 1961.

Дунаевская И. М. Язык хеттских иероглифов. М., 1969.

Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. (История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне). Ер., 1968.

Замаровский В. Тайны хеттов. М., 1968.

Иванов В. В. Происхождение и история хеттского термина *pan-*

ku—«собрание».— «Вестник древней истории». 1957, № 4, 1958, № 1.
Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1963.
Иванов В. В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
Иванов В. В. Луна, упавшая с неба.— Древняя литература Малой Азии. М., 1977.
Иванов В. В Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое — убийце пса и евразийские параллели.— «Балканская лингвистика». М., 1977.
Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
Керам К. Узкое ущелье и Черная гора. М., 1962.
Меликишвили Г. А. Наири — Урарту. Тб., 1954.
Меликишвили Г. А. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии.—«Вестник древней истории». 1965, № 1.
Менабде Э. А. Хеттское общество. Экономика, собственность, семья и наследование. Тб., 1965.
Мифологии древнего мира. Пер. с англ. М., 1977.
Хачатрян В. Н. Восточные провинции Хеттской империи (Вопросы топонимики). Ер., 1971.
Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э). М., 1968.

ПЕРЕВОД АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ МЕР В МЕТРИЧЕСКИЕ

1 фут≅30,5 см
1 ярд=3 футам=914,4 мм
1 акр≅0,4 га
1 бушель (мера емкости)≅36,3 л

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Глава I
География и окружающая среда 4

Глава II
Кто же такие хетты? 18

Глава III
Хетты и их соседи 34

Глава IV
Повседневная жизнь в конце бронзового века 61

Глава V
Война и оборона 91

Глава VI
Общество и администрация 112

Глава VII
Религия 119

Глава VIII
Искусство и литература 137

Примечания 150

Список сокращений 151

В. Г. Ардзинба. Послесловие. О некоторых новых результатах в исследовании историн, языков и культуры древней Анатолии 152

Библиография 181

Перевод англо-американских мер в метрические 182

Джеймс Г. Маккуин

ХЕТТЫ И ИХ СОВРЕМЕННИКИ В МАЛОЙ АЗИИ

Утверждено к печати
редколлегией серии
«По следам исчезнувших
культур Востока»

Редактор *Л. З. Шварц*
Младший редактор *М. В. Малькова*
Художник *В. Захарченко*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Н. Б. Ослегина*

ИБ № 14766

Сдано в набор 31.05.83. Подписано к печати 11.10.83. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Бклейка отпечатана на меловаиной бумаге. Гарнитута литературиая. Печать высокая. Усл. п. л. 9,66+0,42 вкл. Усл. кр.-отт. 10,4. Уч.-изд. л. 10,51. Тираж 15 000 экз. Изд. № 5458. Зак. № 419. Цена 70 к.

Главная редакцня восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28